Для генералов, адмиралов и офицеров
Вооруженных Сил Российской Федерации

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

Военная мысль 2022 № 7 июль

7

2022

«ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОМУ ЖУРНАЛУ» — 200 ЛЕТ!

«Военно-медицинский журнал» — старейшее отечественное периодическое издание по вопросам медицины. Он был основан по указу императора Александра I от 24 июля (5 августа по новому стилю) 1822 года.

Обоснование необходимости создания журнала редакция сформулировала в «Предуведомлении» (предисловии) к первому номеру: «Русские военные врачи, находясь в разных, весьма отдаленных частях империи, если бы и могли употребить значительные для них издержки на выписку иностранных журналов и преодолеть затруднения, происходящие от отдаленности, остаются в неведении, что сделано в пользу врачебной науки в свете...».

«Военно-медицинский журнал» многие годы был единственным в России представителем периодической научной медицинской литературы. Со временем он трансформировался в бесценную сокровищницу отечественной медицины, вобравшую в себя большой опыт медицинских специалистов различного профиля.

В современных условиях журнал обеспечивает информационные и научные запросы медицинской службы Вооруженных Сил Российской Федерации, являясь в то же время одной из публичных трибун Минобороны. Он включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, а также в коллекцию лучших российских журналов (ядро Российского индекса научного цитирования). Более полувека журнал включен в международные базы научных изданий.

Журнал сохраняет высокий тираж, что свидетельствует о читательском интересе. Эффективно работают редакционная коллегия и редакционный совет, в состав которых входят авторитетные военные медики, имеющие большой научный и практический опыт медицинского обеспечения войск, подготовки и воспитания медицинских кадров.

Итоги подписной кампании на второе полугодие 2022 года показывают, что для большого числа военных и гражданских специалистов «Военно-медицинский журнал» остается надежным помощником в их повседневной профессиональной работе.

Беспрецедентная в отечественной журналистике 200-летняя история журнала позволяет говорить о нем как о подлинном достоянии российской медицины и национальной культуры.

Редакция и редакционная коллегия журнала «Военная Мысль» поздравляют «Военно-медицинский журнал» с юбилеем и желают новых успехов в деле сохранения и укрепления здоровья личного состава армии и флота, гражданского персонала, ветеранов Вооруженных Сил, а также членов их семей!

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

№ 7 · июль · 2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38.
РИЦ «Красная звезда», редакция журнала «Военная Мысль».
Телефоны: (495) 940-22-04, 940-12-93; факс: (495) 940-09-25.

Все публикации в журнале осуществляются бесплатно.
Журнал включен в «Перечень научных изданий Высшей аттестационной комиссии».

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ НАУКИ

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ (СИЛАМИ)

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК (СИЛ)

Военная наука: новые горизонты познания

Генерал-полковник В.Б. ЗАРУДНИЦКИЙ

АННОТАЦИЯ

Раскрываются роль, важнейшие проблемы, задачи и приоритеты развития военной науки, которые имеют ключевое значение для эффективного обеспечения военной безопасности Российской Федерации в современных условиях.

ABSTRACT

The paper highlights the role, major problems, tasks and development priorities of military science that are supremely important for efficient security provision of the Russian Federation in the current conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная наука, военное искусство, военная безопасность, угрозы, военно-научное познание.

KEYWORDS

Military science, military art, military security, threats, military science cognition.

> Нельзя оставаться при старых шаблонах. Если наши понятия не будут изменяться соответственно прогрессу военного дела..., то мы постепенно упустим из вида всю сущность явлений…
>
> *А.А. Свечин*

НА ПРОТЯЖЕНИИ всей истории человечества война являлась неизменной составляющей его эволюции, в процессе которой происходили зарождение государств и цивилизаций, их расцвет и крушение, смена исторических эпох.

Военная сила и сегодня остается важнейшим аргументом в межгосударственных отношениях, опираясь, как учат классики военной мысли, на объективные, существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся отношения между противостоящими или противоборствующими сторонами. Эти отношения названы *законами войны*[1], которые, как известно, историчны по самой своей сути: возникают при определенных условиях, с течением времени содержательно видоизменяются, а когда условия становятся качественно иными — могут полностью прекратить свое действие[2], о чем в полной мере свидетельствует и современная практика военных конфликтов.

Как категория военной науки, термин «законы войны» обрел право на существование лишь в XIX веке в трудах А. Бюлова, Г. Ллойда, К. Клаузевица и русских военных теоретиков А.И. Астафьева, Н.П. Михневича, Н.В. Медема. Основываясь на канонах военной мысли прошлого, современные ученые продолжают исследования в этом направлении, совершенствуя систематизацию и классификацию этой важнейшей категории военной науки.

Если система законов войны строится в соответствии с многомерным пониманием структуры военной мощи государства, а также с учетом значительного числа существенных взаимосвязанных между собой разнородных факторов (политических, экономических, научно-технических, морально-психологических, социальных, военных и других), то система знаний о войне, вооруженной борьбе и военных аспектах других форм противоборства, строительстве и подготовке вооруженных сил и государства к войне, принципах обеспечения военной безопасности и предотвращения войны закономерно становится предметом исследования военной науки.

Поскольку война как особое состояние общества и сложное социально-политическое явление затрагивает все стороны жизни общества и государства, она изучается как наукой в целом, так и непосредственно *военной* наукой, являющейся органичной частью науки. Причем при решении своих специфических задач военная наука не только учитывает и использует достижения других наук, но и зачастую ставит перед ними определенные задачи, нередко подчиняя другие науки своим интересам.

Развитие военной науки происходит, как уже отмечалось, на основе обобщения исторического опыта ведения войн, анализа всех видов практической деятельности войск в мирное время, предвидения появления и развития новых средств, вероятных форм и способов ведения войны в будущем, всестороннего изучения вероятного противника, тенденций развития международных отношений и, разумеется, с учетом оперативного анализа военных действий, как это происходит в условиях специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации. Горизонты познания военной науки устойчиво и непрерывно расширяются, требуя от исследователей развития прогностической составляющей, что позволяет определять точные ориентиры, ставить актуальные задачи, добиваться оптимальных решений.

Процесс получения объективного, истинного знания, направленного на отражение закономерностей действительности связан с описанием, объяснением и предвидением (предсказанием) процессов и явлений наблюдаемой действительности — то есть с *научным познанием*.

Военно-научное исследование, как и любое другое, направлено на обнаружение нового в изучаемом явлении, установлении таких его свойств, качеств и тенденций, которые до сих

пор не находили отражения в военной теории и практике. Основное назначение исследований состоит в том, чтобы с опорой на выявленные закономерности войны определить возможный характер военных действий, способы их ведения, направленность подготовки вооруженных сил, методы обучения и воспитания личного состава в соответствии с реальной обстановкой и тенденциями научно-технического прогресса.

Военно-научное познание, как и познание в любой другой области объективной действительности, подчинено общим закономерностям познавательного процесса. В то же время оно имеет и свои характерные признаки, обусловливаемые спецификой объекта познания и особенностями его отражения в военно-научной теории.

Специфика процесса военно-научного познания, его содержание и характер следуют из особенностей главного объекта исследования — явлений войны, ее конкретных форм, условий и способов их подготовки и ведения.

Военно-научное познание, как отражение в сознании человека явлений войны, условий и способов подготовки к ней страны и вооруженных сил, имея целью изучение войны, операции, боя, подготовки вооруженных сил и страны к ведению боевых действий в различных условиях обстановки, осуществляется на основе военной практики и в целях ее совершенствования. Практическая и познавательная деятельность неразрывно взаимосвязаны между собой, взаимно обусловливают и дополняют друг друга. Вне военной практики не может быть и военно-научного познания, равно как без соответствующих знаний невозможен успех практической военной деятельности.

Методология военно-научного познания не берет и не может взять на себя решение конкретных вопросов военной теории и практики, ее задача в другом — показать основные пути изучения тех или иных военных вопросов, определить и оценить методы познания, вооружить исследователя принципами познавательной деятельности, помочь избежать заведомо ошибочных выводов.

Содержание объекта и особенно предмета исследования военной науки изменяется по мере развития общества, технологий, средств вооруженной и других видов борьбы, получения нового опыта, учета имеющихся и появления новых форм и способов войны. Военно-научное исследование прежде всего должно дать ответ на вопрос о возможных войнах нынешней эпохи, вскрыть их характер.

Современные проблемы военной науки тесно связаны с ее историей, поскольку есть так называемые вечные проблемы, которые требуют постоянного обновления в связи с перманентной эволюцией общества и войны. Но появляются и требуют неотлагательного решения и принципиально новые проблемы, которых военная наука ранее не знала. Сегодняшняя действительность дает нам яркие примеры подобного.

Военно-научная мысль развивается и совершенствуется не одно столетие. На всех этапах исторического развития человечество стремилось познать причины возникновения войн, их сущность и характер, закономерности и принципы ведения военных действий. Широко известны трактаты о войне древнекитайского философа Сунь-Цзы, труды военных теоретиков античности и средневековья. Исторически развитие шло от отдельных знаний о войне и армии к формированию целых теорий, а затем — отдельных наук и учебных дисциплин. По мере роста производительных сил в государствах мира совершенствовались вооружение и военная техника, усложнялось управление войсками (силами), накапливался и все пристальней изу-

Военно-научное познание, как отражение в сознании человека явлений войны, условий и способов подготовки к ней страны и вооруженных сил, имея целью изучение войны, операции, боя, подготовки вооруженных сил и страны к ведению боевых действий в различных условиях обстановки, осуществляется на основе военной практики и в целях ее совершенствования.

чался исторический опыт в военном деле. К концу XVIII века это в итоге привело к оформлению военной науки как определенной системы практических и теоретических знаний, умений и навыков.

Развитие российской военной науки, как и практики военного искусства, шло особым, самобытным путем, с критическим учетом западноевропейского опыта и конкретных условий ведения войн. В России имперского периода военную науку было принято подразделять на две главные отрасли: военное искусство, включающее теорию военного искусства и историю военного искусства, и военное право.

В советский период военная наука понималась как «система знаний о характере и законах войны, подготовке вооруженных сил и страны к войне и способах ее ведения»[3]. В 90-е годы прошлого века, в первой Военной энциклопедии, изданной в постсоветское время, военная наука стала трактоваться как «система знаний о законах, военно-стратегическом характере войны, путях ее предотвращения, строительстве и подготовке вооруженных сил и страны к войне, способах ведения вооруженной борьбы»[4]. Примерно такое же определение приведено и в Военном энциклопедическом словаре, изданном 15 лет назад, в 2007 году.

Сегодня под военной наукой понимается система знаний о войне, строительстве и подготовке вооруженных сил и государства к войне, принципах обеспечения военной безопасности. Это определение сформулировано учеными Военной академии Генерального штаба ВС РФ и зафиксировано в Большой Российской энциклопедии (издание 2005—2018 годов)[5].

Можно также отметить, что военная наука в современных условиях является главным механизмом определения характера и масштаба войн будущего, прогнозирования угроз безопасности, выработки эффективных мер их парирования, а также создания не имеющих аналогов в мире образцов вооружения, военной и специальной техники. Но не следует полагать, что военная наука как система знаний — сфера деятельности исключительно ученых. Трудно найти в истории войн достойного военачальника, который в свое время не штудировал бы теоретические труды предшественников и военных мыслителей. Ярчайший пример тому — молодой Александр Суворов, будущий генералиссимус и непобедимый полководец.

Важнейшим элементом военной науки является военное искусство, охватывающее широкий спектр проблем строительства, развития, подготовки и применения Вооруженных Сил, а также всестороннего обеспечения военных действий. Его развитие зависит от многих факторов. Одним из важнейших является правильный учет военной наукой угроз военных опасностей и военных угроз Российской Федерации, что наряду с развитием средств вооруженной борьбы позволяет сформировать верные прогнозы развития обстановки и на этой

основе обосновать рекомендации по новым формам и способам решения задач на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях, в том числе и превентивного характера.

Необходимо отметить, что военная доктрина Российской Федерации на первое место в числе основных внешних военных опасностей ставит наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока[6].

Законы войны обязывают нас обращать самое пристальное внимание на условия их возникновения, видоизменение по содержанию и прекращение действия при существенном изменении этих условий, что, безусловно, требует отражения в предмете военной науки.

Развитие мирового сообщества сегодня происходит в условиях интенсивной глобализации, которая охватывает все сферы человеческой деятельности, и широкого применения невоенных форм противоборства. Это приводит к нарастанию зависимости уровня национальной безопасности каждого государства от стратегической стабильности как в мире в целом, так и в отдельных его регионах. Однако современная военно-политическая обстановка развивается в условиях нарастания международной напряженности. Опыт последних десятилетий показал, что наибольшую угрозу представляет высокая вероятность возникновения локальных и региональных конфликтов. Связано это главным образом с распространением оружия массового поражения и средств его доставки, а также с ростом и активизацией терроризма. В международных отношениях по-прежнему продолжает иметь место приоритет в применении военной силы.

Негативное влияние на развитие военно-политической обстановки в мире оказывает деструктивная внешняя политика США. Ради сохранения мирового лидерства они стремятся провоцировать кризисные ситуации в основных регионах мира, наращивать там военное присутствие и тем самым создавать условия для обеспечения американских стратегических интересов.

Рост международного влияния Российской Федерации воспринимается Соединенными Штатами Америки как прямая угроза своим интересам. Поэтому они сознательно идут на разрушение существующей системы безопасности, в том числе посредством выхода из договорных обязательств в области контроля над вооружениями. Так, США в 2002 году в одностороннем порядке вышли из Договора по противоракетной обороне, а в 2019 году — из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Кроме того, в мае 2020 года президент Д. Трамп заявил о выходе из Договора по открытому небу, и уже 22 ноября 2020 года США официально вышли из него. Некоторый оптимизм, надо отметить, вызывало продление США после вступления в должность Президента США Дж. Байдена Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений США и России (СНВ-3), срок действия которого истекал в феврале 2021 года, еще на пять лет.

Оказавшись в роли догоняющего в сфере гиперзвуковых технологий, США приступили к форсированному наращиванию военного потенциала, в том числе и по видам перспективного оружия, что показательно отражает их военный бюджет. Скрупулезно изучаются возможности повышения

эффективности вооружения и военной техники, создания опережающего научно-технологического задела.

В рамках реализации стратегии по сдерживанию Российской Федерации страны — участницы НАТО во главе с США стремятся не только сохранить, но и максимально развить значительный конфликтный потенциал вблизи наших границ. В первую очередь это относится к республикам бывшего Советского Союза. К примеру, поддержка деструктивной и откровенно нацистской позиции Киева довела безмерно обостренную политическую обстановку до открытого противостояния, когда было принято решение о начале *военной спецоперации* против мощной группировки войск вооруженных сил Украины.

Деструктивная деятельность Запада способствует сохранению напряженности в Закавказье — в отношениях Грузии с Южной Осетией и Абхазией. Активно ведутся переговоры о создании новых военных баз НАТО на территории Грузии. Несмотря на завершение конфликта между Азербайджаном и Арменией, обстановка в этих странах далека от спокойствия. По-прежнему непростая обстановка сохраняется в Белоруссии, против которой активно используются информационные технологии в целях манипулирования протестным потенциалом населения.

Наряду с этим не прекращается наращивание передового военного присутствия НАТО в непосредственной близости от территории Российской Федерации. Активизируется военная деятельность альянса в Европе, Арктике и Черноморском регионе. В акваториях Баренцева и Восточно-Сибирского морей отрабатываются действия стратегических бомбардировщиков B-52H, а самолеты стратегической авиации США B-1B еще недавно неоднократно выполняли полеты в воздушном пространстве Украины и над акваторией Черного моря. Начавшееся в феврале 2021 года боевое патрулирование ВМС США в Арктике и участившиеся полеты самолетов стратегической и разведывательной авиации вдоль границ Российской Федерации также вынуждают нас к адекватному реагированию, что требует научного обоснования его форм и способов.

Американский военно-морской министр Кеннет Брейтуэйт не скрывает, что США «на правах доминирующей мировой военно-морской силы» собираются остановить Россию, которая уверенно осваивает арктические территории и контролирует Северный морской путь.

Осложняются политические и экономические отношения с Евросоюзом, санкционное давление на Россию, похоже, достигло максимума, что не так давно подтвердил и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель. При этом все в большей степени прослеживается и русофобски перенасыщенная агрессивность внешней поли-

Развитие мирового сообщества сегодня происходит в условиях интенсивной глобализации, которая охватывает все сферы человеческой деятельности, и широкого применения невоенных форм противоборства. Это приводит к нарастанию зависимости уровня национальной безопасности каждого государства от стратегической стабильности как в мире в целом, так и в отдельных его регионах.

тики Евросоюза, тон в которой задают представители Польши, а основные усилия к милитаризации Восточной Европы прилагают Прибалтийские страны, готовые на любых условиях добиваться размещения американских войск на своих территориях.

Прогноз развития военно-политической обстановки свидетельствует, что в среднесрочной перспективе на военную безопасность Российской Федерации негативное влияние будут оказывать дальнейшее санкционное давление со стороны США и Евросоюза, а также открытая эскалация существующих и возникновение новых кризисных ситуаций и конфликтов.

Высока вероятность осложнения военно-политической обстановки на Центрально-Азиатском стратегическом направлении, где возможны активные действия террористических формирований с территории Афганистана. После оперативной реакции сил ОДКБ нейтрализованы деструктивные силы в Казахстане, но в том, что националистическая карта ими до конца не разыграна, — сомневаться не приходится.

США намеренно повышают напряженность в Тихоокеанском регионе. Так, госдепартамент в декабре 2020 года признал россиян, родившихся на островах Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, уроженцами Японии. Вооруженными силами Японии совместно с вооруженными силами США и Франции реализуются планы военных учений с отработкой вопросов проведения морской десантной операции на удаленных островных территориях с целью их обороны и «освобождения». Учитывая территориальный спор с Китаем из-за принадлежности островов Сенкаку в акватории Восточно-Китайского моря, а также с Россией из-за Курил, весьма высока возможность вооруженных столкновений вокруг этих территорий. В контексте специальной военной операции на территории Украины в мировых СМИ замелькала «проблема Тайваня».

Анализ показывает, что геополитические соперники России готовятся к ведению войн с задействованием высокоточных средств поражения с воздуха, моря и из космоса, с активным ведением радиоэлектронной борьбы и информационного противоборства. При Ими также прорабатываются концепции наступательного характера, так называемых высокотехнологичных войн. К ним относятся концепции «глобального удара», «многосферных операций», «мозаичных боевых действий» и другие.

«Против России развернута массированная атака и в киберпространстве. Развязана беспрецедентная информационная кампания, в которой задействованы глобальные социальные сети и все западные СМИ, объективность и независимость которых оказались просто мифом», — заявил Президент России на совещании по социально-экономической ситуации в регионах, подчеркнув: «Мы понимаем, каким ресурсом обладает эта империя лжи, но против правды и справедливости она все равно бессильна. Россия будет последовательно доводить свою позицию до всего мира»[7].

В этих условиях российская военная наука обязана оперативно реагировать на изменения обстановки и своевременно давать рекомендации органам военного и государственного управления по парированию угроз военной безопасности и содержанию компетенций, входящих в квалификационные требования по подготовке кадров для решения этих задач.

Также необходимо обеспечить подготовку научных кадров, способных анализировать разработки так называемых партнеров и генерировать рекомендации по эффективному противодействию и нейтрализации угроз национальной безопасности.

Не случайно в последнее время мы отмечаем устойчивую тенденцию такого отношения к военной науке, когда она становится в ряд государственных приоритетов. Военно-научная деятельность заметно активизировалась, стала теснее увязываться с практическими задачами штабов и войск, нацелена на решение актуальных проблем развития и применения Вооруженных Сил. Научная работа ведется в центральных органах военного управления, главных командованиях видов и командованиях родов войск, военных округах, научно-исследовательских организациях и военно-учебных заведениях. Особое внимание уделяется оперативно-стратегическим исследованиям, разработке научно обоснованных прогнозов возможного характера будущих войн, форм и способов вооруженной борьбы, подготовке мобилизационных ресурсов. Достижения военной науки апробируются на практике в ходе мероприятий оперативной подготовки войск (сил) и военных действий в Сирийской Арабской Республике, в ходе военной спецоперации, отражаются в современных уставных документах и программах подготовки офицеров.

Выступая на заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации в декабре 2021 года, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации подчеркнул: «Важно продолжить плановое, поступательное, системное развитие Вооруженных Сил, в том числе с учетом их приоритетов, которые обозначены в новейшей редакции Стратегии национальной безопасности и Концепции строительства и развития Вооруженных Сил до 2030 года».

Президент России выделил ***основные задачи***, на которых следует сосредоточить внимание в ближайшей перспективе. Среди них — продолжение планового, сбалансированного оснащения войск современными ВВТ; в приоритетах также освоение современного оружия, разработка и отработка на практике новых форм и способов действий войск; внедрение в системы поддержки и принятия решений командирами всех уровней технологий искусственного интеллекта; подготовка разносторонне развитых во всех отношениях командиров. И здесь Президент особо отметил значение знаний, опыта, прежде всего боевого, личных качеств командира, ключевую роль его способности принимать действительно нестандартные решения; военное и военно-техническое сотрудничество с государствами — членами ШОС и ОДКБ, укрепление обороноспособности Союзного государства России и Белоруссии также было отнесено к задачам особой важности.

Как видно, каждая из масштабных задач взаимозависима с оперативными, скажем так, задачами военной науки в целом и ее составляющими, разрабатываемыми в структурных подразделениях Военной академии

Прогноз развития военно-политической обстановки свидетельствует, что в среднесрочной перспективе на военную безопасность Российской Федерации негативное влияние будут оказывать дальнейшее санкционное давление со стороны США и Евросоюза, а также открытая эскалация существующих и возникновение новых кризисных ситуаций и конфликтов.

Генерального штаба. В частности, приоритетной задачей является качественное изменение подходов к организации и проведению научных исследований с ориентацией на открытие новых горизонтов познания в военной науке. В основе ее решения лежит формирование на всех уровнях — от штаба полка до Генерального штаба — современных взглядов на формы и способы ведения военных (боевых) действий.

Основные усилия здесь направлены на организацию и проведение оперативно-стратегических и оперативно-тактических исследований, их четкую координацию и оперативное внедрение полученных результатов в практику войск (сил). В ходе исследований необходима предварительная научная проработка решаемых задач по строительству, подготовке и применению формирований Вооруженных Сил.

Приоритетами таких исследований должны быть:

• *разработка* новых форм и способов вооруженной борьбы на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях;

• *развитие* способов стратегического сдерживания и организация управления национальной обороной;

• *построение* эффективной системы воздушно-космической обороны;

• *обоснование* группировок войск и сил на стратегических и операционных направлениях;

• *развитие* теории управления войсками (силами) и их всестороннего обеспечения;

• *создание и внедрение* научно-технического задела по критически значимым направлениям, таким как: искусственный интеллект, рефлексивное управление, футурология и форсайт, информационная и кибербезопасность, математическое моделирование, информационные технологии, робототехника, технологии четвертой промышленной революции;

• *завершение* работы по формированию в Минобороны России системы военно-научной информации, поддерживающее единое информационное пространство, что должно обеспечить оперативный доступ научно-исследовательских организаций (НИО), вузов и органов военного управления к военно-научной информации и информации о боевом опыте Вооруженных Сил для проведения исследований.

Необходимо сократить сроки выполнения и реализации НИО и вузами научно-исследовательских работ (НИР) в области развития военного искусства. С учетом того, что сроки выполнения НИР составляют три года и более, а затем не менее двух лет уходит на реализацию полученных результатов, они устаревают и, как следствие, снижается их актуальность для войск (сил).

Важнейшее место в развитии военной теории занимает работа по обобщению боевого опыта и, в частности, опыта борьбы с беспилотными летательными аппаратами, ведения информационного противоборства.

Практика показывает, что научно-исследовательские организации оборонно-промышленного комплекса разрабатывают и совершенствуют образцы вооружения часто без должного учета достижений военной науки. А реальность диктует необходимость определять оперативно-тактические требования к образцам вооружения на основе развития теории военного искусства.

Требования к новому вооружению необходимо формировать на основе разработанных военной наукой перспективных форм и способов вооруженной борьбы с учетом новейших достижений фундаментальной науки. При этом теория военного искусства должна быть приоритетной при планировании научной работы в Вооруженных Силах.

Практика показывает, что научно-исследовательские организации оборонно-промышленного комплекса разрабатывают и совершенствуют образцы вооружения часто без должного учета достижений военной науки. А реальность диктует необходимость определять оперативно-тактические требования к образцам вооружения на основе развития теории военного искусства.

Весьма важно обеспечить оперативное решение наиболее актуальных задач обеспечения обороны страны в тесном взаимодействии с научными организациями силовых министерств и ведомств, институтов Российской академии наук, с научно-исследовательскими организациями Государственных корпораций «Росатом», «Роскосмос», «Ростех» и др.

В целом необходимо отметить, что в современных условиях имеется насущная необходимость в уточнении направленности и содержания военно-научной деятельности, ее актуализации и приближении тематики исследований к практике и реальным задачам войск (сил). Мы не должны забывать о методологической основе военной науки — диалектическом материализме, который способствует ее развитию и дает основания для выработки долгосрочных ориентиров военного строительства, позволяя не только соответствовать, но и опережать научно-технический прогресс, глубоко проникая в сущность законов войны и имея главной целью ее предотвращение.

В ближайшей перспективе военно-научному комплексу необходимо сосредоточить усилия на опережающем развитии теории военного искусства, исключить имеющееся отставание военной теории от практики.

Особое внимание, наряду с развитием стратегии, оперативного искусства и тактики, следует уделить решению проблем борьбы с ударными беспилотными летательными аппаратами, крылатыми ракетами, противодействия гиперзвуковым системам вооружения и космическим аппаратам вероятного противника, обеспечения кибербезопасности, управления силами Военно-Морского Флота в дальней морской зоне, а также совершенствованию форм и способов применения Вооруженных Сил.

Таким образом, перед военной наукой стоят актуальные задачи, решение которых открывает новые горизонты познания явлений и закономерностей объективного мира. Их успешное решение — надежная гарантия обеспечения военной безопасности и безусловного выполнения всех поставленных задач в любых условиях обстановки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1995. Т. 3. С. 220.

[2] Там же.

[3] Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. С. 136.

[4] Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 130.

[5] Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru (дата обращения: 10.12.2021).

[6] Военная доктрина Российской Федерации. Гарант (дата обращения: 10.12.2021).

[7] За право быть Россией // Российская газета. 2022. № 58 (8706). 18 марта.

Состояние военной научной мысли в СССР (1930—1940-е гг.)

Полковник запаса А.Ю. ГОЛУБЕВ,
кандидат философских наук

Капитан 1 ранга запаса И.И. ЖЕЛНОВ,
кандидат военных наук

Подполковник В.Ю. СИЗОВ

АННОТАЦИЯ

Анализируется состояние военной научной мысли в СССР между войнами.

ABSTRACT

The paper analyzes the condition of military science thought in the USSR between the wars.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РККА в 20—30-е годы, политика и военное искусство, к какой войне готовиться, стратегия сокрушения и стратегия измора, глубокая операция.

KEYWORDS

Red Army in the 1920s—1930s, politics and military art, which war to get ready for, crush and attrition strategy, deep operation.

С ОКОНЧАНИЕМ Гражданской войны руководство новой России приступило к реформе Вооруженных Сил. Это было связано с необходимостью массового сокращения военнослужащих, так как страна остро нуждалась в трудовых ресурсах. При этом нельзя было допустить снижения боеспособности Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Более того, за счет улучшения качества обучения войск предстояло значительно повысить их боеспособность.

Также крайне важно было решить и ряд теоретических вопросов, например, к какой войне нам готовиться (**см. статью «Философия войны» А.Е. Снесарева**, где определение приоритета во взаимоотношениях между государством и армией, о чем мы писали ранее[1], являлось ключевым). Речь шла о выстраивании системы управления Вооруженными Силами во время будущего военного столкновения с армиями недружественных для нас государств. Для послереволюционной России решение вопроса о преобладании политики над военным искусством было одним из самых животрепещущих.

В 1927 году появился фундаментальный труд видного военного теоретика и практика Б.М. Шапошникова «Мозг армии». Автор, анализируя деятельность австро-венгерского Генерального штаба (возглавляемого Конрадом фон Францем) на начальном этапе Первой мировой войны, делает важнейшие выводы. Один из них ка-

сается управления вооруженными силами государства:

«Мировая война в своем ходе привела к окончательной развязке борьбы между органами внешней политики и генеральным штабом, решив ее не в пользу последнего.

В современных условиях в вопросе об управлении войной никто не говорит о превалирующей роли в этом генерального штаба и даже внешней политики. В первой книге нашего труда подробно освещен вопрос об интегральном полководце сегодняшнего дня, которым является не кто иной, как правительство государства, ведущего войну.

Современная война есть дело всего государства в целом, и подготовка к ней, а равно и управление самой войной, составляет обязанность всего правительства, составными частями которого являются и органы внешней политики, и органы военного ведомства.

Нами в первой книге выяснено, какое значение в современной войне имеют внутреннее соотношение сил в государстве и его экономика, а потому говорить об управлении войной одним лицом, дуумвиратом или триумвиратом не приходится. Война есть дело коллективное, и управление ею переходит в руки такого коллективного органа, каким является правительство большинства стран.

Только одно правительство дает директивные указания по подготовке к войне различным органам управления, в частности и внешней политике. Поэтому в наши дни та роль, которую играла дипломатия на пороге мировой войны, в значительной мере сокращается. Военное ведомство в своей подготовке войны на том или ином фронте, в определении позиции того или иного государства в ней получает директивные указания не от внешней политики, а от самого правительства»[2].

Так, был решен вопрос о том, что действиями Вооруженных Сил в будущей войне должно руководить правительство, мобилизуя для их нужд ***все ресурсы державы***.

Весомым вкладом в дальнейшее развитие военной науки и военного искусства в Советском Союзе послужил труд другого видного русского военного ученого — **Александра Андреевича Свечина «Стратегия»**, изданный в том же 1927 году. В нем ученый приходит к выводу, что политика должна преобладать над стратегией. Обосновывая данный довод, он указывает, что как в период подготовки к войне, так и во время ее ведения интересы государства важнее любых других задач.

На огромном историческом материале, охватывающем практически всю военную историю, ученый А.А. Свечин проанализировал множество примеров грамотных решений во время обоснования стратегии на ту или иную военную кампанию, а также допущенных ошибок. Как показала практика, выбирать всегда приходится между двумя стратегиями — сокрушением противника или его измором. Большинство авторов, воспитанных на победах А.В. Суворова и победных кампаниях Наполеона, склонялись к стратегии сокрушения.

А.А. Свечин писал: «Естественно пристрастие стратегов старой школы к анализу Наполеоновских походов: в последних целая кампания часто сводилась к одной лишь операции на главном театре; стратегические вопросы не представляли затруднений и заключались лишь в определении главного театра; группировка сил между главным и второстепенными театрами производилась по принципу решительного предпочтения интересов главного театра, постановка цели для единственной операции на главном театре не могла вызывать сомнений, так как она при стратегии сокрушения

сводилась к уничтожению развернутых на нем неприятельских живых сил. Изучение Наполеоновских походов в большинстве случаев сводилось, таким образом, к изучению оперативного, а не стратегического искусства. Естественно, что Жомини* считал вопросы стратегии более простыми, чем вопросы тактики»[3].

* Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович) — французский и российский военный деятель Х1Х века, военный теоретик и историк. На французской службе — бригадный генерал, на русской службе — генерал от инфантерии.

Но поскольку окончательного разгрома вооруженных сил противника в войне трудно добиться одной, пусть даже сокрушительной победой на фронте, то данная стратегия фактически превращается в сокрушительное наступление, «представляет ряд последовательных операций, находящихся в такой тесной внутренней связи, что они сливаются в одну гигантскую операцию. Исходное положение для следующей операции вытекает непосредственно из достигнутой цели операции законченной»[4].

Далее ученый на множестве примеров войн второй половины XIX — начала XX века разбирает ошибки полководцев, которые одним ударом стремились сокрушить врага, но потерпели неудачу. Автор заканчивает свой разбор очень интересной фразой: «Одна Маренгская операция 1800 г. дала Наполеону всю Италию, а Йенская операция 1806 г. позволила ликвидировать всю Пруссию до Вислы. В наших условиях Наполеону пришлось бы вести последовательные операции, с возрастающей трудностью, против новых сил, собранных государством»[5].

Фактически А.А. Свечин делает вывод, что в наступившую эпоху массовых армий стратегия сокрушения неприятеля изжила себя, поскольку разбить его в одном решительном сражении не получится. В те годы военный ученый отдавал предпочтение стратегии измора. Причем в самом начале своего описания он делает интересную оговорку: «Термин — измор — очень плохо выражает все разнообразие оттенков различных стратегических методов, лежащих за пределами сокрушения… Для измора характерно то разнообразие, в котором он проявляется. Один вид измора весьма близко граничит со стратегией сокрушения…; противоположный вид может заключаться в формуле “ни мир, ни война” — в простом непризнании, отказе подписать мир, одной угрозе возможностью действий на вооруженном фронте. Между этими крайними видами заключается целая гамма промежуточных. Стратегия сокрушения едина, и допускает каждый раз лишь одно правильное решение. А в стратегии измора напряжение борьбы на вооруженном фронте может быть различным, и соответственно каждой ступени напряжения имеется свое правильное решение»[6].

Таким образом, стратегия измора вовсе не исключала крупных битв и «поиска победы» за счет ведения все новых крупных сражений. Однако она (стратегия) заключает в себе и множество других эффективных способов разгрома вооруженных сил противника в войне. Именно их умелое сочетание в достижении окончательной победы над агрессором показывает уровень стратегического мастерства военно-политического руководства страны.

В труде «Стратегия» военный ученый А.А. Свечин фактически поставил точку в споре о том, «к какой войне надо готовиться в будущем».

А надо сказать, что споры были нешуточными и начались они 30 марта 1922 года на совещании военных делегатов XI съезда ЦК РКП(б). Основными оппонентами по данному вопросу выступили Л.Д. Троцкий и М.В. Фрунзе. Первый требовал при подготовке к будущим сражениям изучать опыт дореволюционных классических войн. М.В. Фрунзе, наоборот, утверждал, что грядущие войны «будут приближаться к типу нашей Гражданской войны», а потому «в общем и целом методы позиционной борьбы не будут иметь широкого применения»[7]. Однако ни тот, ни другой так до конца не смогли предвидеть характер будущей войны, хотя Михаил Васильевич оказался ближе к истине.

Фрунзе сумел разглядеть и оценить то новое в военном искусстве, которое появилось во время Гражданской войны. Так, «в отличие от позиционного характера Первой мировой войны военные действия Гражданской войны имели ярко выраженный маневренный характер. Стратегические операции Красной Армии отличались огромным пространственным размахом. Фронт обычно развертывался на театре военных действий в полосе от 700 (Западный фронт) до 1800 км (Восточный фронт). Наступление фронты вели в полосах от 400 до 1000 км на глубину от 600 (Западный фронт в 1920 г.) до 3000 км (Восточный фронт в 1919—1920 гг.), с темпом 6—10 км и более в сутки»[8].

Высокая маневренность армий на полях сражений достигалась главным образом благодаря действиям кавалерии. Создание по предложению С.М. Буденного Первой Конной армии позволило переломить ход войны в пользу красных. Кстати, Семен Михайлович не только создал крупнейшее кавалерийское объединение времен Гражданской войны, но и грамотно использовал тачанки как подвижные огневые точки, которые создавали шквал пулеметного огня на необходимом направлении.

Кроме того, Буденный сумел убедить И.В. Сталина на упомянутом выше совещании военных делегатов XI съезда ЦК РКП(б)[9] наращивать огневую мощь Первой Конной армии за счет ее «механизации». Ведь уже во время Гражданской войны в ней на вооружении состояли артиллерия, броневики, автомобили и аэропланы, число которых постоянно росло. А в 1937 году в кавалерийскую дивизию уже входили не только четыре кавалерийских полка, но и отдельные эскадроны связи и саперный эскадрон, конно-артиллерийский дивизион (две батареи 76 мм и одна — 122 мм) и танковый полк. Да и каждый кавалерийский полк кроме четырех сабельных эскадронов включал в себя: полуэскадрон связи, взвод ПВО, школу МКС (младшего командного состава), саперный взвод, химический взвод, пулеметный эскадрон и полковую батарею[10].

Первая Конная армия фактически не знала преград ни в боях с белогвардейцами, ни в боях с поляками. Ее глубокие прорывы явились прототипами будущих блицкригов вермахта по странам Европы, в чем признавались и сами немцы. Так, создатель теории блицкрига Ханс фон Сект* раздумывал над тем, как реализовать модель быстрой войны, да так, чтобы она не перешла в позиционную фазу. И ему удалось разработать тактику блицкрига, которая впоследствии была усовершенствована Гудерианом, Гальдером и Гитлером.

* Ханс фон Сект — немец, генерал-полковник, командующий сухопутными войсками рейхсвера, отец тактики блицкрига — молниеносной войны.

Сект доказывал, что для быстрого вторжения армии на территорию врага и его молниеносного разгрома нужна не конница, как у Буденного, а танки, самолеты и четкое взаимодействие между ними. В остальном же тактическая суть идеи была такой же, как и у Семена Михайловича. В 1919 году Сект, нарушая Версальский мирный договор, приступил к созданию новых вооружений: танков и самолетов. В источнике «Гальдер Ф., Военный дневник» есть запись от 23.06.1941 г., что «Гальдер приписывал изобретение быстрого массового наступления войск Буденному. Помимо него он также упоминал Тимошенко и Ворошилова как лучших российских командиров начала войны»[11].

Можно сказать, что М.В. Фрунзе, С.М. Буденный и многие другие советские военачальники, независимо от Ханса фон Секта, пришли к одинаковым выводам. Проще говоря, они были убеждены, что в предстоящей войне «позиционный тупик» Первой мировой будет преодолен благодаря массированному применению, в первую очередь, танков[12] (естественно, с поддержкой авиации, артиллерии и пехоты). Представляется, что именно с подачи двух вышеуказанных полководцев в нашей стране началась разрабатываться «теория глубоких операций», явившаяся прообразом немецкого блицкрига. **И все же настоящим ее разработчиком был В.К. Триандафилов.**

По мнению Владимира Кириаковича, для успешного проведения будущих глубоких операций необходима была серьезная механизация Вооруженных Сил. Он писал: «Только в результате увеличения средств подавления, введения в дело большого количества танков, проведения широкой моторизации войск темп развития операции может подняться до уровня 1914 г.»[13]. Не случайно еще в начале 30-х годов он был сторонником создания танковых корпусов. Его поддерживал и инспектор бронетанковых сил РККА К.Б. Калиновский.

В их совместном докладе в Реввоенсовет СССР указывалось, что «привязывать танковые части к кавалерии или пехоте на ролях лишь вспомогательного их оружия — это значит заранее отказаться от использования тактической и оперативной их подвижности. Естественно, что боевые свойства танков должны быть использованы в полной мере и осуществить это возможно только в составе самостоятельного механизированного соединения, все части которого обладали бы приблизительно одинаковой подвижностью»[14].

После смерти В.К. Триандафилова разработку теории глубокой операции продолжил начальник кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба **Георгий Самойлович Иссерсон**. Он утверждал, что современные операции должны носить решительный характер, для чего необходимо глубокое оперативное построение войск в наступлении, поскольку «одна волна оперативных усилий линейной стратегии здесь уже ничего не сможет решить и должна бессильно разбиться о глубину современного сопротивления»[15].

Г.С. Иссерсон приводил четыре условия, при соблюдении которых «глубокая операция» может успешно состояться. *Одно из них* — это наличие танков, т. е. такого средства «подавления, которое было бы способно преодолеть основной фактор огня обороны, т. е. пулю. Это средство должно быть настолько подвижным, чтобы быть способным идти сразу в глубину обороны, неся с собой огонь и удар. Это средство должно быть массировано в такой форме, чтобы обеспечить на соответствующем протяжении фронта решение задачи на всю глубину»[16].

Высокая маневренность армий на полях сражений достигалась главным образом благодаря действиям кавалерии. Создание по предложению С.М. Буденного Первой Конной армии позволило переломить ход войны в пользу красных. Кстати, Семен Михайлович не только создал крупнейшее кавалерийское объединение времен Гражданской войны, но и грамотно использовал тачанки как подвижные огневые точки, которые создавали шквал пулеметного огня на необходимом направлении.

Другое условие: «Необходимо при организации наступательного боя поражать и сковывать своими средствами подавления всю тактическую глубину обороны одновременно. Если это одновременно не делается, то на месте уничтоженных районов вырастают новые районы сопротивления из глубины, что уподобляет наступление борьбе с оборонительной полосой, которая беспрерывно восстанавливается и бесконечно живуча»[17].

И конечно же: «В глубине построения боевого порядка наступления нужно иметь наготове такой оперативный эшелон, который был бы способен немедленно же после тактического прорыва обороны врываться в ее глубину и тактические достижения превращать в крупный решающий оперативный результат, доводя его до полного уничтожения и сокрушения противостоящего сопротивления в оперативном масштабе»[18].

Наконец: даже при соблюдении первых трех условий успеха не достичь, «если прорываемый участок не будет изолирован от стратегической и оперативной глубины обороны»[19]. При этом он должен быть изолирован не только в глубину, но и в ширину, чтобы противник не смог замкнуть горловину прорыва и окружить наступающие войска.

Г.С. Иссерсон внимательнейшим образом изучал опыт германо-польской и германо-французской военных кампаний и пришел к выводу о том, как будут действовать немцы в войне против СССР. По его мнению, начального периода не будет. Война начнется сразу с вторжения готовых сил вермахта.

Однако со стороны военного руководства отношение к выводам военного ученного было скептическим. Вот что на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. сказал начальник штаба ПрибОВО генерал-лейтенант П.С. Кленов: «Я просмотрел недавно книгу Иссерсона «Новые формы борьбы». Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто — вторжением готовых сил, как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей.

Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск. Каждое уважающее себя государство, конечно, постарается этот начальный период использовать в своих собственных интересах для того, чтобы разведать, что делает противник, как он группируется, каковы его намерения, и помешать ему в этом»[20].

Руководство Вооруженных Сил СССР, судя по штабным играм января 1941 года, также полагало, что

немцы, перед тем как решительно атаковать, будут несколько дней топтаться на месте, устраивая провокации и т. п. Таким образом, у нас появится возможность нанести им свой неотразимый удар. Однако вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз показало всю ошибочность подобных взглядов военного руководства РККА на характер военных действий в приграничных районах в начальный период войны. Это заставило военно-политическое руководство страны вернуться к идеям отечественных опальных военных ученых и взять их за основу в выработке стратегии ведения военных действий.

Завершая разговор о развитии военной науки в СССР в предвоенный период, можно смело сказать, что накануне нападения фашистской Германии на нашу страну у нас имелась стройная военная теория, касающаяся характера и особенностей будущего военного столкновения с армиями недружественных государств. Ее авторы оказались правы в утверждении, что война будет «вестись на измор» и потребует невиданного напряжения сил всей страны. Правы они были и в том, что именно правительство будет организовывать сопротивление народа против немецко-фашистских захватчиков, и что правительство во главе с И.В. Сталиным будет руководить Вооруженными Силами. Наконец, и теория глубокой операции обрела свое воплощение в блестяще проведенных советскими войсками и полководцами военных битвах Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная Мысль. 2021. № 11.

[2] Шапошников, Борис Михайлович (Маршал Советского Союза) Мозг армии / Борис Михайлович Шапошников; [сост. Егоров Н.Д.]. М.: О-во сохранения лит. Наследия, 2016. 824 с.: ил., табл., с. 751.

[3] *Свечин А.А.* Стратегия. М.: Абрис, 2020. 256 с.: ил. (Мудрость тысячелетий). С. 161.

[4] Там же. С. 163.

[5] Там же. С. 166.

[6] Там же. С. 168.

[7] *Войтиков С.С.* Троцкий, Фрунзе, Жуков. Из истории красного бонапартизма. М.: Вече, 2019. С. 126.

[8] *Лотоцкий С.С.* и др. История войн и военного искусства: учебник для высших военных учебных заведений. М.: Военное издательство, 1970. С. 83.

[9] *Буденный С.М.* Красная Армия в Гражданской войне. М.: Родина, 2018. С. 248.

[10] *Дриг Е.Ф.* Войска Семена Михайловича. История организационного строительства стратегической конницы РККА. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 208 с.

[11] Как Буденный помог главному генералу вермахта завоевать пол-Европы. Русская Семерка. URL: https://russian7.ru/post/kak-budennyy-pomog-glavnomu-generalu/ (дата обращения: 13.10.2020).

[12] В отличие от конницы танки организовывали прорыв, а не только «бросались в прорыв». Это обеспечивало атакующей стороне возможность не дать обороняющейся успеть стянуть силы для ликвидации прорыва.

[13] Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М. Воениздат, 1965. С. 308.

[14] *Рунов В.А.* Шапошников. М.: Вече, 2020. С. 100.

[15] Вопросы стратегии и оперативного искусства… С. 397.

[16] Вопросы тактики в советских военных трудах (1917—1940 гг.): М.: Воениздат, 1970. С. 73.

[17] Там же. С. 74.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 53—58.

Угрозы военной безопасности Российской Федерации, обусловленные системой контроля над вооружениями и военной деятельностью

Полковник в отставке В.В. СУХОРУТЧЕНКО,
доктор технических наук

Полковник запаса А.С. БОРИСЕНКО,
кандидат технических наук

Полковник Е.А. ШЛОТОВ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются проблемные вопросы формирования угроз военной безопасности Российской Федерации, вызванные разрушением существующей системы контроля над вооружениями и военной деятельностью, а также их возможное влияние на обеспечение стратегического сдерживания силового характера и поддержание стратегической стабильности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная безопасность, стратегическая стабильность, контроль вооружения, признаки подготовки к войне.

ABSTRACT

The paper looks at problem issues of threats to RF military security caused by the collapse of the existing system of arms and military activity control, as well as at their potential effect on ensuring strategic deterrence of the power nature and maintaining strategic stability.

KEYWORDS

Military security, strategic stability, armaments control, signs of preparation for war, weapons of mass destruction.

НЕЖЕЛАНИЕ американской стороны вести конструктивные переговоры в целях поиска компромиссных решений в ходе диалога по стратегической стабильности создает реальную угрозу разрушения существующей международно-правовой системы контроля над вооружениями и военной деятельностью. Данная ситуация усугубляется нарастающей напряженностью в отношениях между РФ и США, их союзниками по НАТО, а также фактическим отказом американской стороны от взаимодействия с нашим государством для выработки комплекса действенных гарантий безопасности в военной сфере.

Ключевыми элементами международно-правовой системы являются согласованные государствами-участниками в результате многолетней и кропотливой работы действующие договоры и соглашения по различным аспектам ограничения и сокращения вооружений, контроля военной деятельности. Данные документы сформировали основу для достижения высокого уровня коллективной (международной) безопасности, баланса военно-политических сил в мире, дальнейшего совершенствования режима международного контроля над вооружениями и нераспространением оружия массового поражения, что позволило обеспечить парирование многих внешних военных угроз России и поддержание стратегической стабильности. Следует отметить, что действующие механизмы контроля над вооружениями сняли также ряд озабоченностей американской стороны по вопросам непредсказуемого развития количественного и качественного состава отечественных группировок стратегических вооружений.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие в мире за последнее время, созданная система договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и военной деятельностью продолжает играть важнейшую роль в снижении международной напряженности и укреплении стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Такая система не является статичной, она эволюционирует в зависимости от складывающейся военно-политической и стратегической обстановки в мире, расстановки сил, наличия и перспектив появления новых средств вооруженной борьбы.

Система играет позитивную роль в обеспечении решения задач стратегического сдерживания и поддержании стратегической стабильности в мире не только вследствие ограничения гонки вооружений, но и посредством реализации мер транспарентности и нераспространения, способствующих укреплению доверия между государствами.

Россия на государственном уровне придает важное значение сохранению и укреплению международно-правовой системы контроля над вооружениями и военной деятельностью. Распространение ядерного оружия, ракет и ракетных технологий, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений в ряде основополагающих документов, определяющих концептуальные направления военной политики государства, отнесены к основным внешним военным опасностям России[1,2,3].

С учетом особой значимости процесса контроля над вооружениями и военной деятельностью для обес-

печения военной безопасности РФ невоенными мерами эта проблема в Военной доктрине отнесена к важнейшим задачам по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов. Среди основных задач, решаемых РФ в данном направлении, к проблематике международно-правового контроля над вооружениями относятся:

- соблюдение международных договоров в области сокращения и ограничения ракетно-ядерных вооружений;
- заключение и реализация соглашений в области контроля над обычными вооружениями;
- заключение договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;
- согласование элементов нормативного регулирования безопасного осуществления космической деятельности;
- разработка и принятие механизма контроля за соблюдением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического), токсинного оружия и об их уничтожении.

Следует отметить, что в последние годы система контроля над вооружениями и военной деятельностью испытывает весьма серьезные проблемы, которые несут в себе угрозу ее разрушения. Наращивание военной мощи США и их союзников по НАТО, совершенствование глобальной системы ПРО США, принятие на вооружение сторонами новых высокоэффективных систем, взаимное недоверие государств-участников по вопросу добросовестного выполнения принятых на себя обязательств, а также другие факторы ставят под угрозу жизнеспособность договоров по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности. Денонсация США двусторонних Договора по ПРО и Договора о РСМД, выход из многостороннего Договора по открытому небу, а также возникшие трудности при продлении срока действия Договора СНВ-3 могли привести к свертыванию диалога между РФ и США по вопросам ограничения и сокращения стратегических вооружений и, как следствие, — к разрушению действующего режима контроля над ядерными вооружениями, что создало бы серьезные вызовы поддержанию стратегической стабильности в мире и обеспечению военной безопасности РФ. Необходимо подчеркнуть, что бесконтрольное развитие группировок стратегических вооружений и распространение оружия поражения могут сформировать во многом схожие угрозы военной безопасности не только РФ, но и США, а также их союзникам по НАТО.

Основными угрозами военной безопасности Российской Федерации, которые могут быть вызваны разрушением системы контроля над стратегическими ядерными и неядерными вооружениями, а также военной деятельностью, по нашему мнению, могут являться:

1. Неопределенности перспектив развития группировок стратегических наступательных и оборонительных вооружений США, их количественного и качественного состава, что существенно затрудняет формирование сбалансированной военно-технической политики государства в области развития разнородных сил и средств стратегического ядерного и неядерного сдерживания.

2. Распространение оружия массового поражения, его попадание в руки террористических организаций и (или) государств, ранее им не обладавших, вследствие разрушения режимов, которые сформированы Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического

оружия и его уничтожении (КХО) и Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО).

3. Бесконтрольное наращивание количественного и качественного состава огневых и информационных элементов глобальной системы противоракетной обороны США после денонсации Договора по ПРО.

4. Развертывание у границ Российской Федерации ракетных комплексов с баллистическими и крылатыми ракетами наземного базирования средней и меньшей дальности вследствие денонсации США Договора о РСМД.

5. Продолжающаяся бесконтрольная милитаризация космического пространства как новой сферы стратегического противоборства, оказывающей все более важное, а в ряде случаев решающее влияние на ход и исход военных действий. Стремление некоторых государств пересмотреть действующие нормы космического права.

Следует отметить, что выявленные угрозы могут быть сформированы как в результате прекращения действия договоров, так и вследствие недостаточной регламентации количественного и качественного состава вооружений и военной деятельности существующими международно-правовыми нормами.

Основная угроза разрушения сложившейся международно-правовой системы контроля над вооружениями заключается в возможном возобновлении бесконтрольной гонки вооружений и, как следствие, количественном наращивании группировок войск (сил) сторон. Возникающие при этом существенные неопределенности в прогнозировании количественного и качественного развития межвидовой группировки стратегических наступательных и оборонительных вооружений противника приведут к неоднозначности определения ее боевых возможностей, что не позволит сформировать достоверные прогнозные оценки:

- потребного состава перспективной межвидовой группировки, необходимой для решения задачи стратегического сдерживания в любых условиях складывающейся обстановки;
- необходимого состава элементов информационных и управляющих систем для обеспечения функционирования стратегических сил сдерживания ВС РФ в любых условиях складывающейся стратегической обстановки.

Одной из важнейших целей, которую стремится достичь РФ в ходе реализации любого договора в области контроля над вооружениями, является снижение военной угрозы, направленной на воспрепятствование работе систем государственного и военного управления, нарушение

Наращивание военной мощи США и их союзников по НАТО, совершенствование глобальной системы ПРО США, принятие на вооружение сторонами новых высокоэффективных систем, взаимное недоверие государств-участников по вопросу добросовестного выполнения принятых на себя обязательств, а также другие факторы ставят под угрозу жизнеспособность договоров по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности.

функционирования сил и средств стратегического сдерживания, стратегических информационных и оборонительных систем, которая может привести к срыву решения ВС РФ задачи стратегического сдерживания, а в случае агрессии — ее отражения, нанесения поражения противнику и его принуждения к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации. Достижение этой цели прежде всего обеспечивается:

- минимизацией ущерба, доставляемого военно-экономическому и военному потенциалам России в любых условиях складывающейся стратегической обстановки за счет ограничения количества развернутых стратегических ударных и оборонительных вооружений противника;
- минимизацией потерь атакующих отечественных средств стратегического ядерного и неядерного сдерживания в любых условиях складывающейся стратегической обстановки за счет ограничения количества развернутых стратегических оборонительных систем противника;
- регламентацией количественных и качественных параметров стратегических ударных и оборонительных вооружений, предсказуемости районов их возможной дислокации;
- предсказуемостью военно-технической политики государства — участника договора и, следовательно, количественного и качественного состава группировок ограничиваемых вооружений.

Заключение (сохранение) долгосрочных международно-правовых соглашений в области контроля над вооружениями позволяет РФ исключить неопределенности в прогнозировании потребного состава перспективной межвидовой группировки стратегических сил сдерживания, информационных и управляющих систем, обеспечивающих ее боевое применение, с учетом развития стратегических ударных и оборонительных систем вероятного противника.

В условиях договорных ограничений не происходит существенного нарушения примерного стратегического баланса вооружений между государствами-участниками, меры верификации и обмена информацией обеспечивают достаточную предсказуемость поведения сторон и позволяют исключить скрытое провоцирующее развертывание вооружений, поэтому баланс сил остается предсказуемым и устойчивым.

Наряду с влиянием контроля над вооружениями на военные аспекты национальной безопасности следует иметь в виду и экономический фактор — уменьшение расходов на вооружения в результате их сокращений и ограничений. Система договоров позволяет поддерживать примерный баланс вооружений на менее затратном уровне, что немаловажно для сторон.

Складывающаяся военно-политическая и стратегическая обстановка, а также взгляды военно-политического руководства США на модернизацию действующих соглашений в области контроля над вооружениями оказывают существенное влияние на сохранение жизнеспособности режимов нераспространения оружия массового поражения, сформированных соответствующими многосторонними международно-правовыми соглашениями (ДНЯО, КХО и КБТО). Данная ситуация усугубляется стремлением США навязать мировому сообществу свои взгляды на мировой порядок и силовое решение проблемных вопросов без санкций ООН. Эти обстоятельства могут подтолкнуть некоторые государства к обладанию оружием массового поражения и средствами его доставки.

Стагнация процесса сокращения ядерных вооружений и растущая обеспокоенность государств, не обладаю-

щих ядерным оружием, продолжающимся совершенствованием ядерных оружейных арсеналов США, КНР, Великобритании, Франции и РФ, создают серьезные вызовы жизнеспособности режима нераспространения ядерного оружия, сформированного ДНЯО. В соответствии с требованиями статьи VI этого договора, государства, обладающие ядерным оружием, взяли на себя обязательство «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению». В данных обстоятельствах государства — участники ДНЯО, не обладающие ядерным оружием, настойчиво поднимают вопрос о недобросовестном выполнении «ядерными» государствами требований договора.

Следует отметить, что обладание ядерным оружием и эффективными средствами его доставки является демонстрацией достигнутой научной, производственной и военной мощи государства. Проведение успешных практических пусков носителей ядерного оружия в ходе мероприятий по его отработке и учений свидетельствует о способности государства самостоятельно их разрабатывать и производить, эксплуатировать и применять. При этом успешные практические пуски носителей ядерного оружия оказывают существенное влияние на психологическое восприятие мировым сообществом как факта наличия ядерного оружия у государства, так и оценки последствий его боевого применения. Огромная разрушительная мощь ядерного оружия и его относительная дешевизна по сравнению с современными высокотехнологичными вооружениями позволяют государству в значительной степени нивелировать дисбаланс в вооружениях и военной технике с вероятным противником, а также укрепиться его руководству в мнении, что обладание ядерным оружием позволяет проводить более независимую политику по отношению к другим государствам, в том числе к обладающим ядерным оружием.

В условиях договорных ограничений не происходит существенного нарушения примерного стратегического баланса вооружений между государствами-участниками. Наряду с влиянием контроля над вооружениями на военные аспекты национальной безопасности следует иметь в виду и экономический фактор — уменьшение расходов на вооружения в результате их сокращений и ограничений. Система договоров позволяет поддерживать примерный баланс вооружений на менее затратном уровне, что немаловажно для сторон.

Эти факторы создают серьезные вызовы жизнеспособности как режимов нераспространения оружия массового поражения, так и всей системы контроля над вооружениями, что может привести к развертыванию нового витка гонки вооружений и в конечном итоге — к свертыванию процесса ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений, а также уменьшению числа зон, свободных от ядерного оружия.

Выход в 2001 году из Договора по ПРО позволил США бесконтрольно проводить работы по созданию и развертыванию элементов эшелонированной, глубоко интегрированной системы ПРО. Формирование данной системы основывается на парадигме невозможности эффективного отражения ударов противника оборонительными системами, действующими изолированно в атмосфере или космосе. Такой подход США к построению глобальной системы

ПРО создает угрозы отечественным стартовавшим баллистическим ракетам и атакующим боевым блокам, а развертывание элементов ПРО в космосе приводит к его дальнейшей милитаризации.

В связи с этим позиция Российской Федерации относительно реализуемых Договором СНВ-3 сокращений напрямую увязывается с ситуацией, складывающейся вокруг развертывания американской системы ПРО. Качественное и количественное наращивание ее возможностей отнесено Российской Федерацией к исключительным обстоятельствам, дающим право России выйти из Договора СНВ-3, об этом говорится в Заявлении Российской Федерации от 8 апреля 2010 года: «Исключительные обстоятельства… включают также такое наращивание возможностей систем противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки, при котором возникнет угроза потенциалу стратегических ядерных сил Российской Федерации». На связь между сокращением СНВ и наращиванием ПРО указано также в преамбуле Договора СНВ-3.

Бессрочный Договор о РСМД, вступивший в силу 1 июня 1988 года, привел к полной ликвидации у США и РФ баллистических и крылатых ракет наземного базирования в любом оснащении с дальностями полета 500—5500 км, а также запретил испытывать и производить такие ракеты. Денонсация 2 августа 2019 года этого договора создает следующие угрозы военной безопасности РФ. В частности, учитывая расширение НАТО и стремление отдельных государств вступить в него, США могут развернуть у границ РФ ракетные комплексы с баллистическими и крылатыми ракетами наземного базирования средней и меньшей дальности, которые будут представлять серьезную угрозу силам и средствам стратегического ядерного и неядерного сдерживания, объектам стратегических информационных систем, государственного и военного управления. Малое подлетное время баллистических ракет и способность крылатых ракет подходить к целям без захода в зоны обнаружения ПВО и ПРО РФ также создадут серьезную угрозу для военной безопасности государства.

Выход в 2001 году из Договора по ПРО позволил США бесконтрольно проводить работы по созданию и развертыванию элементов эшелонированной, глубоко интегрированной системы ПРО. Формирование данной системы основывается на парадигме невозможности эффективного отражения ударов противника оборонительными системами, действующими изолированно в атмосфере или космосе.

Следует отметить, что существующие нормы международно-правового регулирования военно-космической деятельности государств в настоящее время слабо регламентируют данную сферу. Анализ действующих соглашений в данной области показал, что они регулируют лишь отдельные аспекты использования космического пространства в военных целях, такие как:

- размещение ядерного оружия и других видов ОМП на орбитах вокруг Земли, на небесных телах и орбитах вокруг таких тел;
- испытание ядерного оружия в космическом пространстве;
- размещение военных баз и проведение военных испытаний и маневров на небесных телах и орбитах вокруг них;

Позиция Российской Федерации относительно реализуемых Договором СНВ-3 сокращений напрямую увязывается с ситуацией, складывающейся вокруг развертывания американской системы ПРО. Качественное и количественное наращивание ее возможностей отнесено Российской Федерацией к исключительным обстоятельствам, дающим право России выйти из Договора СНВ-3, об этом говорится в Заявлении Российской Федерации от 8 апреля 2010 года.

• военное или враждебное использование средств воздействия на природную среду из космоса.

В последние десятилетия Космос, как новая сфера стратегического противоборства, оказывает все более важное, а в ряде случаев решающее влияние на ход и исход военных действий. В обозримой перспективе данная тенденция будет только усиливаться. Это объективно связано с уникальными возможностями космических систем по глобальному и непрерывному выявлению признаков подготовки противника к войне, своевременному предупреждению об угрозе нападения и факте агрессии, контролю космического пространства, разведке объектов на суше, море, в воздухе и космосе с выдачей целеуказаний, организации устойчивой связи и боевого управления, высокоточной навигационной привязкой и добыванию другой значимой для ведения военных действий информации. Учитывая возрастающую роль орбитальных группировок в информационном обеспечении действий группировок войск (сил), а также их влияние на эффективность применения оружия, следует ожидать, что в ходе военных конфликтов космические аппараты противоборствующих сторон также будут являться объектами поражения (функционального подавления). Возможен вывод на орбиту космических аппаратов, способных осуществлять поражение как целей, находящихся в воздушно-космическом пространстве, так и критически важных объектов на поверхности Земли.

Анализ международно-правовых соглашений в области регламентации космической деятельности и возможных направлений использования космического пространства в военных целях позволил выделить следующие виды военно-космической деятельности, которые не регламентируются космическим правом. В их числе:

• создание, испытание и развертывание оружия, позволяющего поражать (функционально подавлять) космические аппараты, другие цели, находящиеся в воздушно-космическом пространстве, и критически важные объекты на поверхности Земли;

• поведение военно-прикладных экспериментов в Космосе;

• создание и развертывание в Космосе средств оптико- и радиоэлектронного подавления, оружия, основанного на новых физических принципах, средств военной разведки (информационного обеспечения) и связи.

То есть Космос становится такой же средой, как суша, море или воздух, в которой могут осуществляться самостоятельные военные операции. Способность выводить в Космос космические объекты и использовать его в военных и иных целях отнесены к категории жизненно важных национальных интересов ряда ведущих государств. Преднамерен-

ное противодействие космическим системам расценивается некоторыми из этих государств как нарушение суверенных прав, приводящее к принятию всех необходимых мер для самообороны.

Осуществление противником не регламентирующейся космическим правом военно-космической деятельности может при определенных условиях создать реальные угрозы обеспечению стратегического сдерживания, которые выражаются:

- в снижении живучести мобильных пусковых установок ракетных комплексов, а также подвижных элементов системы управления вследствие возможности их разведки в реальном масштабе времени;
- в возможности поражения из Космоса баллистических ракет и боевых блоков в полете, а также критически важных объектов группировки ВС РФ на поверхности Земли;
- в поражении (функциональном подавлении) космическими средствами космических аппаратов и радиолокационных станций информационных систем ВС РФ;
- в функциональном подавлении радиоканалов системы боевого управления ВС РФ.

Таким образом, основными направлениями парирования выявленных опасностей (угроз) военной безопасности Российской Федерации, вызванных деградацией (разрушением) существующей системы контроля над вооружениями и военной деятельностью, могут являться:

- сохранение в условиях ограниченной договороспособности военно-политического руководства США и их союзников системы действующих соглашений в области контроля над вооружениями и военной деятельностью;
- поддержание жизнеспособности существующих режимов нераспространения оружия массового поражения, сформированных ДНЯО, КХО и КБТО;
- совершенствование международного космического права в направлении предотвращения размещения оружия в Космосе;
- проработка при условии снижения напряженности в отношениях между РФ и США вопроса о формировании всеобъемлющего договора (пакета договоров и соглашений) в области контроля над стратегическими ударными и оборонительными вооружениями, а также осуществления мер по укреплению взаимного доверия и стратегической стабильности, с привлечением к договорному процессу прежде всего Великобритании и Франции, а в дальнейшем — КНР.

Реализация данных мероприятий будет способствовать укреплению взаимного доверия между государствами и парированию угроз военной безопасности РФ, вызванных наращиванием США и их союзниками количественного и качественного состава сил и средств глобального удара, а также продолжающейся милитаризацией космического пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 года № Пр-2976.

[2] Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 года № 355.

[3] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

Система борьбы с беспилотными летательными аппаратами — новый технический уровень и комплексный подход

Генерал-лейтенант Г.В. ЕРЁМИН,
кандидат военных наук

Полковник С.Н. ЧЁРНЫЙ,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются проблемы борьбы с малоразмерными беспилотными летательными аппаратами, направления совершенствования средств и системы борьбы с ними в Сухопутных войсках, а также действий специализированных подразделений противодействия применению беспилотных летательных аппаратов.

ABSTRACT

The paper examines issues of fighting small-size drones, ways of improving the means and system of combating those in the Ground Forces, and also actions by specialized subunits to counter use of unmanned aerial vehicles.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Малоразмерные беспилотные летательные аппараты, система комплексной борьбы с беспилотными летательными аппаратами, способы и тактические приемы действий специализированных подразделений противодействия беспилотным летательным аппаратам, разведка, огневое поражение и радиоэлектронное подавление беспилотных летательных аппаратов.

KEYWORDS

Small drones, system of comprehensive fight against unmanned aerial vehicles, modes and tactical methods of actions by specialized units of combating unmanned aerial vehicles, reconnaissance, hitting and electronic suppression of unmanned aerial vehicles.

ОПЫТ последних военных конфликтов (Ливия, Сирия, Нагорный Карабах, Украина) свидетельствует о расширении масштаба применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в ходе военных действий, увеличении доли БПЛА, применяемых в качестве ударных средств, средств целеуказания высокоточному оружию (ВТО) и корректировки огня артиллерии (рис. 1).

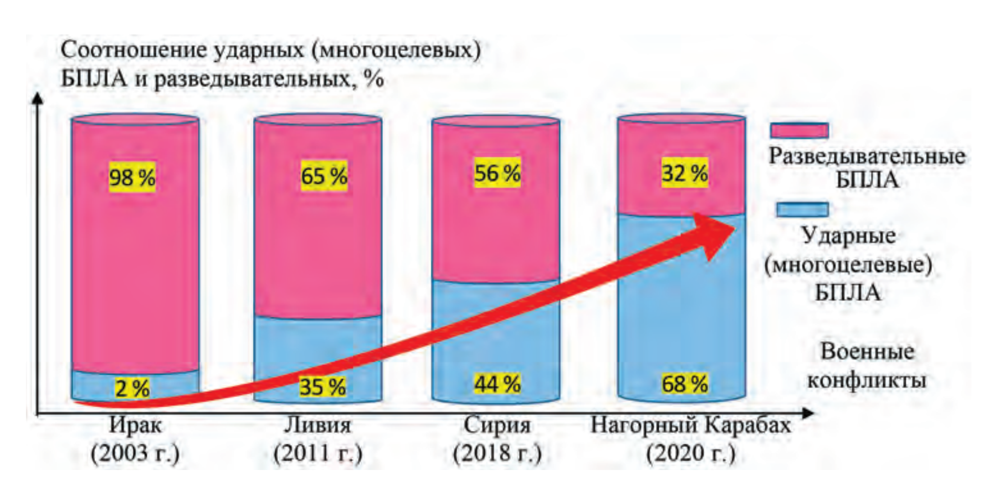

Рис. 1. Соотношение доли ударных (многоцелевых) и разведывательных БПЛА в военных конфликтах

В итоге создаются такие условия, при которых страны, не обладающие мощными вооруженными силами, за счет грамотного применения БПЛА способны кардинально изменить ход военного конфликта в свою пользу.

Рассматривая БПЛА как объекты противодействия для сил и средств противовоздушной обороны (ПВО), необходимо отметить, что если характеристики тяжелых и средних БПЛА сопоставимы с характеристиками типовых воздушных целей (ВЦ) для средств ПВО, то малоразмерные БПЛА имеют существенные отличия, в том числе определяющие их как сложные объекты разведки и поражения. Это обусловлено их малой оптической, инфракрасной, радиолокационной и акустической заметностью, возможностями действий на предельно малых высотах с малой скоростью полета, а также применением в составе больших по численности групп.

В то же время БПЛА рассматриваемого класса характеризуются: легко вскрываемым излучением наземных пунктов управления (НПУ) и бортовых радиоэлектронных средств (РЭС) на этапе выполнения боевых и специальных задач; высокой чувствительностью к воздействию организованных радиопомех как по каналам управления, так и по каналу радионавигации (особенно коммерческих БПЛА); уязвимостью НПУ БПЛА от средств огневого поражения.

Полученный опыт боевых действий в последних военных конфликтах (прежде всего в Нагорном Карабахе и в ходе специальной военной операции ВС РФ по защите Донецкой и Луганской народных Республик) свидетельствует как о серьезной угрозе прикрываемым войскам от разведывательных и ударных действий БПЛА, так и о несовершенстве существующих подходов к организации и ведению борьбы с ними.

Рассмотренными выше факторами определяется актуальность поиска путей совершенствования организации и ведения борьбы с БПЛА. В качестве основных слагаемых борьбы с БПЛА целесообразно рассматривать их разведку, противодействие их применению (огневое и радиоэлектронное поражение), защиту от их действий войск и объектов.

Проведенный анализ опыта боевых действий, результатов теоретических исследований и практических экспериментов позволил определить, что успешная борьба с БПЛА возможна на основе: комплексного применения разнородных сил и средств, способных решать задачи разведки рассматриваемых средств воздушного нападения (СВН), и противодействия их эффективному применению; совершенствования способов и приемов противодействия БПЛА и решения задач по снижению эффективности их действий.

Исходя из вышесказанного, в целях обеспечения эффективной борьбы с рассматриваемыми СВН предлагается использовать способ комплексного применения разнородных сил и средств в рамках системы комплексной борьбы с БПЛА, структура которой показана на рисунке 2.

Рассматриваемая система должна функционировать как элемент системы ПВО и включать подсистемы: комплексной разведки БПЛА; противодействия БПЛА; защиты от БПЛА и управления. При этом задачи борьбы с БПЛА, кроме выделяемых сил и средств ПВО, должны решать: формируемые специализированные подразделения противодействия БПЛА; специально назначаемые общевойсковые подразделения; подразделения радиоэлектронной борьбы (РЭБ); подразделения радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ); подразделения охраны и обороны критически важных объектов.

Эффективность решения задач, возлагаемых на перечисленные выше силы и средства, в значительной степени определяется возможностями применяемых средств борьбы с БПЛА (средств разведки, огневого поражения, радиоэлектронного подавления, защиты от технических средств разведки (ТСР) и систем наведения высокоточного оружия (СН ВТО) противника, управления). Полученный опыт боевых действий, результаты проведенных теоретических исследований и практических экспериментов свидетельствуют о том, что существующие средства борьбы с БПЛА являются малоэффективными.

Так, с использованием имеющихся средств разведки не обеспечивается надежное и своевременное обнаружение малоразмерных БПЛА, что обусловлено: недостаточными возможностями существующих РЛС по обнаружению малоразмерных и малоскоростных низколетящих ВЦ; низкими возможностями визуальной разведки, в том числе ведущейся с использованием оптических и оптико-электронных приборов; трудностями акустической разведки малоразмерных летательных аппаратов; несовершенством способов сбора, обработки и распределения информации о воздушной обстановке.

Учитывая характеристики БПЛА и перечисленные проблемы борьбы с ними, необходимо дальнейшее развитие подсистемы средств разведки в направлениях: модернизации существующих РЛС (реализация режимов обнаружения малоразмерных малоскоростных ВЦ); разработки специализированных малогабаритных РЛС; оснащения подразделений ПВО и формируемых специализированных подразделений средствами радиотехнической разведки (РТР) и автоматизированными приборами оптико-электронной разведки (ОЭР); обеспечения полной инфор-

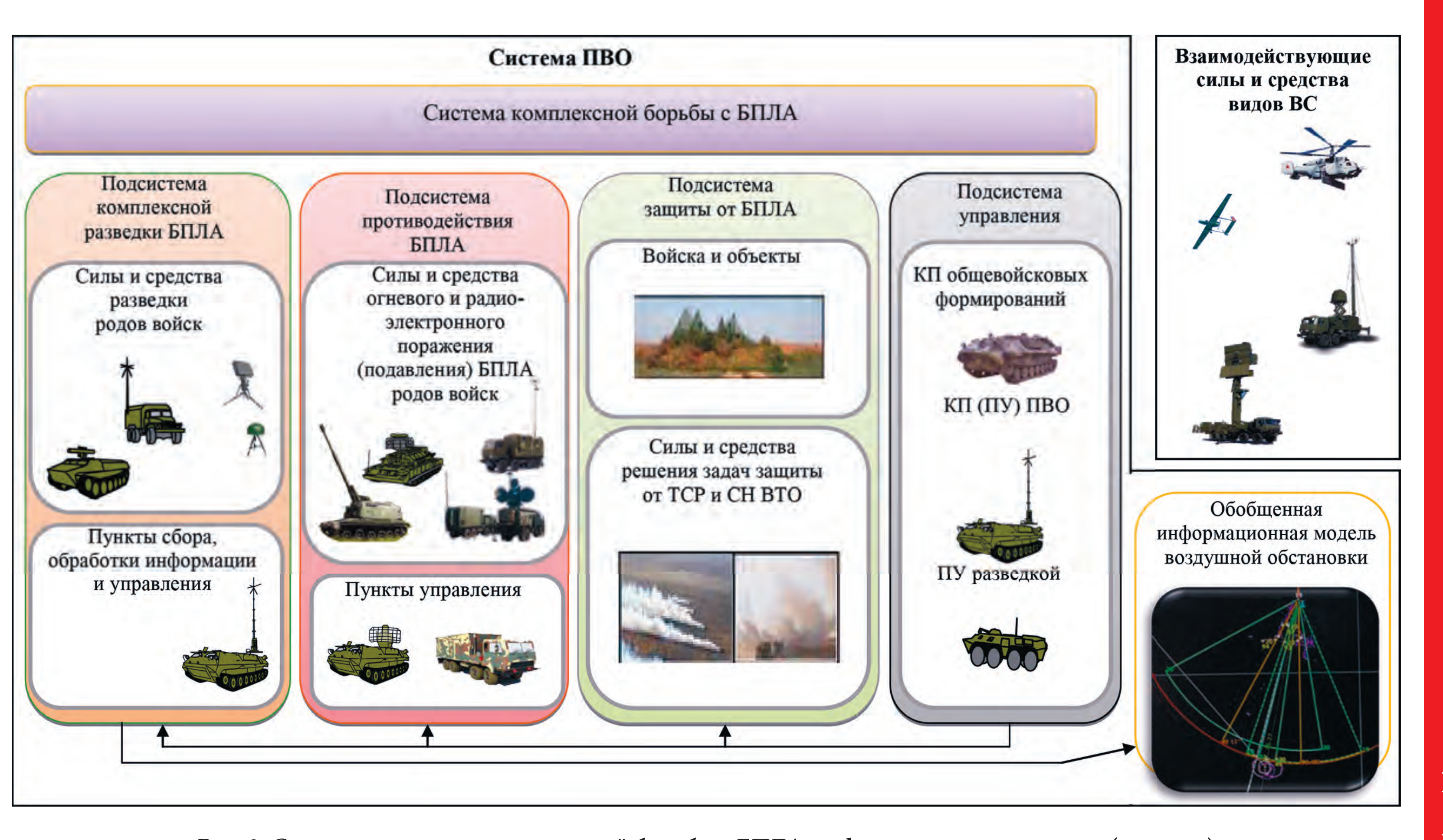

Рис. 2. Структура системы комплексной борьбы с БПЛА по функциональному срезу (вариант)

мационно-технической совместимости средств разведки с комплексами средств автоматизации КП (ПУ) органов управления и формирований ПВО, разведки и артиллерии общевойсковых соединений.

Своевременное обнаружение малоразмерных БПЛА с использованием РЛС возможно за счет повышения чувствительности их приемных систем в ближней зоне, адаптации параметров фильтров систем селекции движущихся целей к малым скоростям полета БПЛА.

С учетом относительно малых дальностей обнаружения микро-БПЛА целесообразным видится оснащение как подразделений, назначаемых для борьбы с указанными СВН, так и подразделений, осуществляющих охрану критически важных объектов, малогабаритными (специализированными) РЛС обнаружения малоразмерных воздушных целей. Это гарантирует исключение ситуаций применения БПЛА без воздействия по ним средств огневого и других видов поражения.

Использование существующих и перспективных средств радиотехнической разведки позволит своевременно вскрывать направления действий БПЛА, распознавать их класс, тип, текущий характер действий. Возможно также вскрытие положения НПУ БПЛА и фактов подготовки их к запуску.

Для ведения оптико-электронной разведки БПЛА уже в настоящее время могут быть использованы средства телевизионной и инфракрасной разведки из состава комплексов средств автоматизации. Достоинства указанных средств разведки заключаются в возможностях обнаружения воздушных целей вкруговую или в заданном секторе и включения добываемых данных в общую сеть обмена информацией в единой системе координат. Возможности данных средств по обнаружению малоразмерных ВЦ существенно уступают перспективным средствам радиолокационной и радиотехнической разведки, однако они не подвержены воздействию радиоэлектронных помех, а выдаваемая с них информация может эффективно использоваться специализированными подразделениями противодействия БПЛА, размещаемыми в глубине боевых порядков прикрываемых войск.

В перспективе рассмотренные выше средства ОЭР могут быть заменены более совершенными образцами. Так, уже в настоящее время разработаны образцы средств ОЭР, способные своевременно обнаруживать микро-БПЛА. Примером может служить оптико-электронная станция кругового обзора разработки научно-производственного предприятия «Александр» (рис. 3).

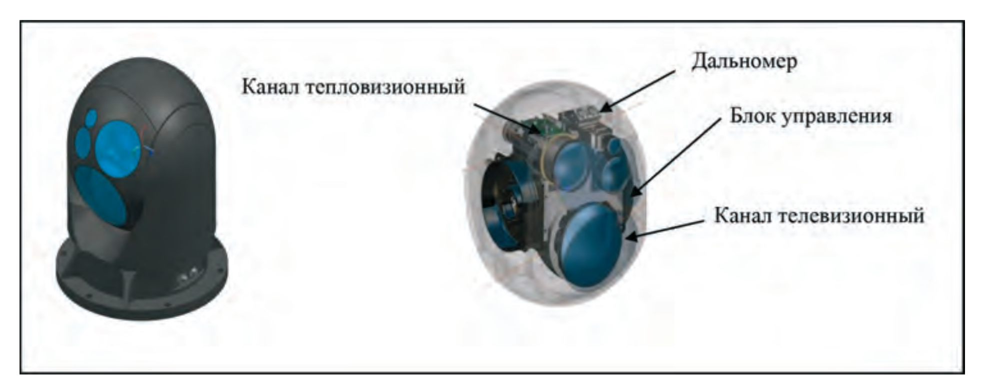

Рис. 3. Оптико-электронная станция кругового обзора

Огневое поражение БПЛА осуществляется с использованием средств ПВО, разработанных для борьбы с самолетами тактической авиации, вертолетами и крылатыми ракетами. При этом огневое поражение малоразмерных БПЛА сопряжено с существенными проблемами, обусловленными: низкими значениями вероятностей поражения снарядами зенитной артиллерии и срабатывания радиовзрывателей зенитных управляемых ракет (ЗУР); недостаточной огневой производительностью зенитных комплексов при противодействии БПЛА, действующим в составе группы или «роя»; относительной экономической нецелесообразностью применения ЗРК средней дальности и дальнего действия для борьбы с БПЛА.

Основные направления совершенствования средств огневого поражения БПЛА должны включать: разработку малых, относительно дешевых ЗУР; повышение огневой производительности зенитных комплексов в условиях действий БПЛА в составе групп или «роев».

В настоящее время средства РЭБ, стоящие на вооружении, не в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым к частотному диапазону разведки и постановки помех бортовым РЭС, их мощности и времени реакции. Основные направления развития средств РЭБ в интересах борьбы с БПЛА должны включать: разработку возимых, малогабаритных, автономных комплексов радиоэлектронного поражения малоразмерных ВЦ, размещаемых на штатной специальной технике; создание специализированных средств разведки, способных идентифицировать каналы управления и передачи данных между НПУ и БПЛА; разработку комплексов функционального поражения БПЛА.

Состояние защиты войск и объектов от действий БПЛА в настоящее время характеризуется: недостаточной эффективностью применяемых приемов и средств маскировки, отсутствием на многих образцах вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) встроенных средств индивидуальной защиты от технических средств разведки (ТСР) и средств наведения оружия (СНО); недостаточным количеством средств групповой защиты от ТСР и СНО; проведением комплекса мероприятий по снижению эффективности действий СВН без должного разведывательно-информационного обеспечения и эффективного управления.

Совершенствование средств защиты войск и объектов от действий БПЛА целесообразно осуществлять в направлениях: оснащение войск средствами групповой защиты от ТСР и СН ВТО; расширение перечня образцов ВВСТ, оснащаемых средствами индивидуальной защиты от ТСР и СН ВТО.

Общей проблемой борьбы с БПЛА является отсутствие эффективного управления участвующими в ней формированиями и средствами. Основные направления совершенствования средств управления должны включать: обеспечение информационно-технического взаимодействия комплексов средств автоматизации (КСА) КП (ПУ) ПВО с комплексами средств автоматизации КП (ПУ) других родов войск; разработку и внедрение в АСУ алгоритмов управления ведением разведки, огневым и радиоэлектронным поражением; внедрение в АСУ алгоритмов отождествления данных различных видов разведки и включение их в формуляры воздушных объектов.

Основными направлениями совершенствования способов ведения разведки БПЛА предлагается определить: реализацию комплексного характера ведения разведки — одновременно в нескольких физических полях проявления демаскирующих признаков

БПЛА; обеспечение сосредоточения усилий на наиболее вероятных направлениях действий БПЛА; сокращение времени прохождения информации об обнаруженных БПЛА на обеспечиваемые информацией КП (ПУ), средства противодействия и защиты.

В рамках практической реализации рассмотренных выше направлений предлагается использование способов ведения разведки СВН *«Единый наблюдатель»* и *«Сплошное поле»*.

Сущность способа ***«Единый наблюдатель»*** заключается в том, что к разведке СВН кроме подразделений ПВО привлекаются силы и средства других родов войск, способные обнаруживать воздушные объекты противника в полете или вскрывать факты, направления или районы их действий по косвенным демаскирующим признакам. При этом разведка БПЛА будет вестись одновременно в нескольких физических полях (средствами нескольких видов разведки). Добываемая разведывательная информация о действиях БПЛА должна передаваться в единой системе координат на ПУ ПВО общевойскового соединения и КП зенитной ракетной части (подразделения), где она обобщается.

Информация с пунктов воздушного наблюдения (ПВН) на КП (ПУ) ПВО может передаваться как неавтоматизированным способом — с использованием планшетов с нанесенной сеткой целеуказания, так и комбинированным способом — с использованием возможностей КСА КП (ПУ) ПВО по ручному вводу координат ВЦ и их полуавтоматическому сопровождению.

Из состава формирований других родов войск к разведке БПЛА целесообразно привлекать: подразделения войсковой разведки, оснащенные комплексами разведки управления и связи (КРУС) «Стрелец-М», а также наблюдательные посты всех общевойсковых подразделений; подразделения радиоэлектронной разведки; радиолокационные подразделения (расчеты РЛС) разведывательных, общевойсковых подразделений и подразделений артиллерийской разведки.

Способ ведения разведки ***«Сплошное поле»*** предлагается использовать в целях решения проблем создания сплошного радиолокационного поля (РЛП) на вероятных направлениях и высотах действий БПЛА. Сущность способа заключается в том, что на наиболее вероятных направлениях действий БПЛА осуществляется сосредоточение РЛС разведки низколетящих целей, а также развертывание малогабаритных РЛС на позициях, максимально вынесенных в сторону противника (благодаря чему создается участок сплошного радиолокационного поля с не менее чем двукратным перекрытием).

Передачу данных с РЛС на КП (ПУ) ПВО предлагается осуществлять через ближайшие батарейные командирские пункты управления.

В качестве основных направлений совершенствования способов противодействия БПЛА и управления целесообразно рассматривать обеспечение: эффективного применения специализированных подразделений противодействия БПЛА, оснащенных различными типами зенитных комплексов и прикрывающих критически важные объекты в тактической зоне обороны; эффективного применения специализированных подразделений противодействия БПЛА, прикрывающих от их действий сводные временные общевойсковые формирования; огневого воздействия по БПЛА в комплексе с радиоэлектронным поражением (подавлением); использования фактора уязвимости от радиоэлектронных помех каналов управления и передачи данных между НПУ и БПЛА, а также бортовых абонентских приемников спутниковых радионавигационных систем типа НАВСТАР, ГЛОНАСС,

ГАЛИЛЕО, БЕЙДОУ; повышения гибкости в реализации различных способов управления в динамике боевых действий — в условиях изменений в составе специализированных подразделений противодействия БПЛА.

Для противодействия БПЛА предлагается использовать такие способы, как *«Заслон ПВО-РЭБ»*, *«Защитник ПВО КВО»* и *«Воздушный заслон ПВО»*.

Способ ***«Заслон ПВО-РЭБ»*** предлагается использовать на тактическом уровне. Его сущность заключается в комплексном огневом и радиоэлектронном поражении (подавлении) БПЛА на наиболее вероятных направлениях их действий, осуществляемом специализированным подразделением противодействия БПЛА, в качестве которого используется смешанное подразделение ПВО-РЭБ. Варианты сил и средств ПВО и РЭБ, входящих в состав этого подразделения, могут быть различными, в зависимости от условий обстановки и наличия средств. Смешанное подразделение ПВО-РЭБ занимает позиции в районе предполагаемого действия тактических БПЛА противника. При их обнаружении средства РЭБ осуществляют подавление его каналов управления и навигации. В случае недостаточного воздействия средств РЭБ на БПЛА противника они уничтожаются огнем зенитных подразделений, назначенных в состав смешанного подразделения. Управление смешанным подразделением осуществляется с пункта управления подразделения ПВО, назначаемого в состав этого формирования.

Способ ***«Защитник ПВО КВО»*** целесообразно использовать как на оперативном, так и на тактическом уровне. Сущность способа заключается в развертывании сводных подразделений ПВО в районе критически важного объекта и согласованном последовательном поражении приближающихся к объекту БПЛА огнем зенитных ракетных комплексов разных типов. На тактическом уровне сводное подразделение ПВО формируется на базе сил и средств ПВО общевойскового соединения. Реализация способа *«Защитник ПВО КВО»* на оперативном уровне предполагает применение штатного подразделения борьбы с БПЛА. В дальнейшем данный способ может трансформироваться в способ ***«Воздушный заслон ПВО»***, сущность которого будет заключаться в применении для борьбы с БПЛА высокомобильного противобеспилотного подразделения на воздушных носителях с реализацией ситуационного реагирования на вскрываемые угрозы, обеспечивающего, как показано на рисунке 4, опережающее выдвижение подразделения на назначаемые рубежи перехвата БПЛА. Использование данного способа предполагает оснащение высокомобильного противобеспилотного подразделения (как вариант) БПЛА-«охотниками», вертолетами, вооруженными комплексами «Стрелец», а также БПЛА радиоэлектронной борьбы.

Совершенствование способов защиты войск и объектов от действий БПЛА целесообразно осуществлять в направлениях: реализация единого разведывательно-информационного обеспечения сил и средств, решающих рассматриваемые задачи; обеспечение единого управления проведением комплекса мероприятий по снижению эффективности действий СВН, в том числе БПЛА; применение более эффективных приемов и средств маскировки.

Повышение эффективности применения средств индивидуальной и групповой защиты войск и объектов от ТСР и СНО целесообразно обеспечить за счет использования способа ***«Единая защита»***, сущность которого заключается в решении задач проведения комплекса мероприятий по снижению эффективности действий СВН на основе взаимодействия сил и средств

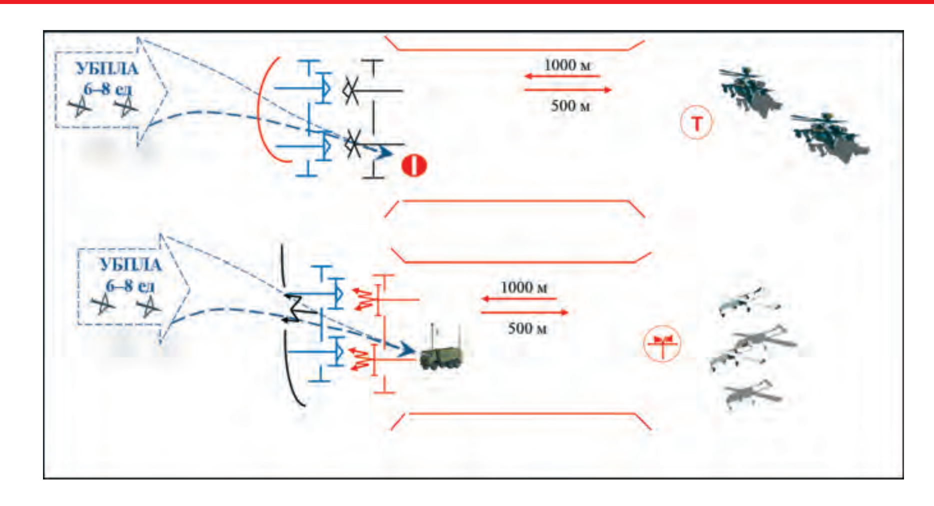

Рис. 4. Боевой порядок подразделения, реализующего способ «Воздушный заслон» ПВО на оперативном уровне

родов войск с реализацией единого разведывательно-информационного обеспечения и управления ресурсами, что предполагает приведение в действие средств индивидуальной и групповой защиты с учетом информации о действиях СВН, в том числе БПЛА.

Исходя из параметров полета СВН и их текущего положения, определяются объекты воздействия СВН (БПЛА), вид применяемых средств защиты, время начала и способы их применения.

Совершенствование маскировки войск и объектов должно быть направлено на скрытие демаскирующих признаков их размещения и функционирования, что требует постоянного контроля своевременности и качества маскировки с использованием технических средств контроля, в том числе размещаемых на БПЛА.

Результаты проведенных исследований показали, что реализация рассмотренного способа защиты войск и объектов от ТСР и СНО может позволить повысить вероятность скрытия и сохранения боеспособности основных образцов ВВСТ войск ПВО СВ до приемлемых значений.

Таким образом, полученные результаты анализа действий БПЛА как СВН, а также как объектов разведки и противодействия позволили выделить сильные и слабые стороны рассматриваемого класса СВН, выявить наличие проблем в борьбе с тактическими малоразмерными БПЛА, степень угрозы от которых прикрываемым войскам, силам и средствам ПВО в настоящее время существенно возросла.

В то же время наличие слабых (уязвимых) сторон тактических БПЛА, разработка новых средств разведки, огневого и радиоэлектронного поражения малоразмерных воздушных целей создает предпосылки, позволяющие вывести борьбу с ними на новый технический уровень.

В целях максимальной реализации возможностей перспективных средств борьбы с БПЛА разработаны и рассмотрены способы разведки и противодействия БПЛА, во многом основанные на взаимодействии всех сил и средств родов войск, способных решать задачи обнаружения рассматриваемых СВН, их радиоэлектронного и огневого поражения.

Реализация рассмотренных подходов к совершенствованию системы борьбы с БПЛА позволит решить проблемы, имеющие место в данной области военного дела.

О роли и месте Ракетных войск стратегического назначения в перспективной системе комплексного стратегического ядерного сдерживания возможной агрессии против Российской Федерации

Генерал-майор Р.О. НОГИН,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Представлены научно обоснованные материалы, подтверждающие готовность Российской Федерации к сдерживанию агрессии зарубежных стран и особую роль РВСН в системе национальной безопасности.

ABSTRACT

The paper presents scientifically substantiated materials proving the RF readiness to deter aggression by foreign countries, and the special role of the SMF in the National Security System.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военно-политическая обстановка, специальная военная операция, РВСН, стратегия, сдерживание.

KEYWORDS

Military-political situation, special military operation, SMF, strategy, deterrence.

СОВРЕМЕННЫЙ мир переживает период трансформации. Увеличение числа центров мирового и экономического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства[1]. Военно-политическая обстановка сегодня подтверждает вывод о срыве или безуспешности усилий США установить однополярный мир после распада СССР.

Специальная военная операция Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ), начатая на Украине с целями освобождения Донецкой и Луганской народных республик, денацификации и демилитаризации Украины, явилась логичным ответом на продвижение США и их союзников по НАТО на европейскую территорию республик бывшего СССР и попытку реализации механизма экономического и политического подчинения им руководства Российской Федерации. Исходя из этого, Россия сегодня находится на передних рубежах борьбы с концепцией однополярного, по сути

колониального, мира, который пытается навязать миру «коллективный Запад» во главе с США.

Последнее десятилетие отмечено необъявленной, практически развернутой «гибридной» войной и агрессивным наступлением на интересы Российской Федерации и ее союзников. Интересами других стран США и их сателлиты уже длительное время просто пренебрегают, используя для решения своих задач все доступные методы, включая отрицание неоспоримых истин и использование «фейковой» информации.

Для развязывания себе рук в целях наращивания ударных систем ракетного оружия и системы противоракетной обороны (ПРО), в том числе вблизи границ Российской Федерации, США денонсировали ряд фундаментальных международных соглашений в области обеспечения стратегической и ядерной стабильности. Прекращено их участие в договорах по ПРО и ликвидации ракет средней и меньшей дальности. На очереди стоят соглашения по нераспространению ядерного оружия и других видов оружия массового поражения (ОМП), запрещению ядерных испытаний и др. С трудом удалось сохранить Договор по ограничению стратегических наступательных вооружений.

Для реализации своих целей США и их союзники по НАТО наращивают военную мощь, подстегивая тем самым гонку вооружений во всем мире. Несмотря на увеличение госдолга США, давно достигшего «неприличных» размеров, их военный бюджет является самым большим в мире. Их военные расходы увеличиваются из года в год и превосходят по объему совокупный военный бюджет следующих в рейтинге расходов на оборону десяти стран. На протяжении последних лет у них активно ведутся затратные в финансовом отношении работы по модернизации ядерного потенциала, созданию и наращиванию боевого состава наступательного компонента «новой триады», совершенствованию системы ПРО, формированию сил эффективного ведения войны в космической, кибернетической и информационной сферах. В перспективе они стремятся добиться военного и технологического превосходства над Россией и обеспечить сдерживание Китая.

Активные стремления руководства Российской Федерации вразумить органы управления НАТО во главе с США к признанию и установлению гарантий взаимной безопасности — механизму, способному удерживать мир от новой мировой войны, — пока не приводят к результату. «Право сильного казнить за «неподчинение» и миловать за лояльность» — вот та концепция, которой следует сейчас политика США и изменений в ближайшей перспективе, без принятий мер сдерживания, не предвидится. Эта концепция требует адекватного ответа — силового стратегического сдерживания: «добро должно быть с кулаками».

Гарантированное сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников относится к числу высших государственных приоритетов и обеспечивается совокупностью всей военной мощи Российской Федерации, включая ядерное оружие[2].

Убедительность стратегического сдерживания в политике национальной безопасности России демонстрируется способностью при любых самых неблагоприятных условиях нанести ответный удар возмездия с катастрофическими последствиями для агрессора. Фундаментом сдерживания служит его материальная составляющая[3].

В XXI веке военно-политические условия для реализации комплексности стратегического ядерного сдер-

живания возвратились к временам, когда американцам надо жестко напоминать о ядерном паритете, показывая возможности нашего ядерного потенциала в любых, в том числе и ответных действиях. Безрассудность, с которой высшие должностные лица военно-политического руководства США относятся к последствиям своих действий, в том числе связанным с обсуждением вопросов применения ядерного оружия, заставляют задуматься об их компетентности в этой области. Видимо, «фантомные» боли от ужасов применения такого оружия у военно-политического руководства США и НАТО отсутствуют, и на свою территорию и их население они последствия применения ОМП, прежде всего ядерного, не проецируют. Это наводит на мысль о необходимости создания системы подготовки подобных руководителей в странах, владеющих оружием массового поражения (ОМП).

Как показал опыт Карибского кризиса, военно-политическое руководство США в то время достаточно хорошо понимало возможность адекватного ответа в условиях очевидности неотразимого удара по своей территории. Такой подход демонстрации возможностей ядерного потенциала с шокирующей внезапностью и решимостью ответа, на наш взгляд, в рамках стратегического ядерного сдерживания и в современных условиях при соответствующем информационном обеспечении будет достаточно эффективным. Для подкрепления серьезности намерений военно-политического руководства России по стратегическому сдерживанию крайне важно в ключевые моменты, когда потенциальный противник формирует военно-политическое решение на применение ядерного оружия, демонстрировать возможности средств доставки ядерного оружия, стоящих и планируемых к постановке на вооружение. Верховный главнокомандующий ВС РФ постоянно придает этим вопросам важнейшее значение. Ядерное сдерживание на среднесрочную перспективу вплоть до 2050 года останется решающим и самым эффективным инструментом «охлаждения» горячих голов в военно-политическом руководстве недружественных государств.

Так как меры, предпринимаемые в рамках решения задачи стратегического ядерного сдерживания, носят комплексный характер, то целесообразно говорить о ***комплексном стратегическом ядерном сдерживании***. Оно является частью государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, которая представляет собой совокупность скоординированных, объединенных единым замыслом политических, военных, военно-технических, дипломатических, экономических, информационных и иных мер, осуществляемых с опорой на силы и средства ядерного сдерживания, по предотвращению агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников[4]. Его суть заключается в формировании модели ядерной угрозы, вызывающей осознание возможным противником высокой ущербности и неприемлемости для него последствий применения ядерного оружия. Основное его содержание, в случае эскалации агрессивных действий по отношению к Российской Федерации, составляют демонстративные и реальные действия по контролируемому наращиванию и поддержанию боеспособности и боеготовности сил ядерного сдерживания, а также последовательная информационная и реальная демонстрация применения ядерного оружия. Все это убеждает в готовности Российской Федерации к нанесению агрессору неприемлемого для него ущерба в ответных действиях.

Необходимо напомнить, что ***основными военными опасностями***, которые в зависимости от обстановки могут перерасти в военные угрозы Российской Федерации и для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, являются[5]:

• наращивание потенциальным противником на сопредельных с Российской Федерации территориях и в прилегающих морских акваториях группировок сил общего назначения, в составе которых находятся средства доставки ядерного оружия;

• развертывание государствами, которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии;

• создание и размещение в космосе средств противоракетной обороны и ударных средств;

• наличие у государств ядерного оружия и (или) других видов ОМП, которые могут быть применены против Российской Федерации и (или) ее союзников, а также средств доставки этих видов оружия;

• неконтролируемое распространение ядерного оружия, средств его доставки, технологий и оборудования для их изготовления;

• размещение на территориях неядерных государств ядерного оружия и средств его доставки.

Анализируя эти условия, можно понять, насколько бесцеремонно и безответственно сегодня на Украине ведут себя США и НАТО, постоянно провоцируя Российскую Федерацию и ее Верховного Главнокомандующего накачиванием оружием и подталкиванием к дальнейшим бессмысленным военным действиям. Как крайнюю меру Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного оружия и других видов ОМП, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства[6].

Силы ядерного сдерживания Российской Федерации включают ядерные силы наземного, морского и воздушного базирования. Основой наземных сил ядерного сдерживания являются Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), которые сегодня имеют наибольшую из компонентов сил ядерного сдерживания суммарную мощность ядерного оснащения и максимальное количество средств доставки ядерных боеприпасов. Доля современных боевых ракетных комплексов (БРК) с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), способными преодолеть современную и перспективную систему противоракетной обороны (ПРО) США, на сегодня в РВСН более 80 %. Анализ их возможностей по поражению стратегических объектов противника — время готовности к пу-

Крайней мерой предотвращения для Российской Федерации военной опасности является оставление за собой права применения ядерного оружия в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного оружия и других видов ОМП, а также в случае агрессии с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

ску, мощность ядерного боеприпаса, надежность, возможность обеспечения скрытности подготовки к пуску, вероятность преодоления противовоздушной и противоракетной обороны — свидетельствует о ***ведущей роли РВСН в реализации задач поражения стратегических объектов противника***. Это понятно и нашим оппонентам. Поэтому, на наш взгляд, для убеждения военно-политического руководства стран, рассматривающих Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, в ведущей роли РВСН наиболее доходчивой является демонстрация боевых возможностей именно этих войск, хотя и другие компоненты сил ядерного сдерживания возможно задействовать в зависимости от обстановки.

В условиях постоянного моделирования и регулярной отработки США и НАТО вопросов ядерного противостояния с РФ закономерен вопрос о достаточности боевого состава РВСН для гарантированного выполнения поставленных задач, в том числе ядерного сдерживания. При этом основными характеристиками группировки РВСН, обеспечивающими достаточность мер сдерживания и находящимися в поле неусыпного внимания командования РВСН, являются количество боеготовых пусковых установок, боевые и технические возможности МБР по преодолению ПРО и поражению стратегических объектов, а также живучесть современных БРК. Анализ, проведенный учеными Военной академии РВСН имени Петра Великого по этим вопросам, показывает, что реализация Ракетными войсками задач стратегического силового сдерживания посредством комплексного критерия «принуждения агрессора к отказу от нанесения превентивного массированного ракетно-ядерного удара (МРЯУ) по Российской Федерации» (критерия реализации РВСН функции сдерживания) возможна в том случае, если выполняется хотя бы один из трех частных критериев сдерживания.

Первый, если поддерживается паритет по стратегическим наступательным вооружениям на минимально допустимом уровне и обеспечивается доставка к объектам США количества ядерных боевых зарядов (ЯБЗ) более допустимого, чем необходимо для нанесения агрессору неприемлемого ущерба.

Второй, если в РВСН уровень потерь ЯБЗ на МБР в пусковой установке будет ниже заданного по прогнозу.

Третий, если уровень потерь ЯБЗ в космосе от средств поражения глобальной системы ПРО США будет ниже заданного.

РВСН сегодня и в ближайшей перспективе состоянием своего боевого состава и боевыми возможностями обеспечивают соответствие вышеназванным критериям.

Важнейшей задачей стратегических ядерных сил (СЯС) России в современной динамичной военно-политической обстановке является поиск решений на противодействия США и их сателлитам, направленных на изменение баланса сил в группировке в свою пользу. Наглядными примерами воздействия для снижения пороговых значений угроз России являются принятые и реализуемые решения по модернизации группировки РВСН и испытаниям БРК «Авангард» и «Сармат».

В структуре устойчивого функционирования общей ***системы комплексного стратегического ядерного сдерживания*** можно условно выделить четыре относительно самостоятельные подсистемы, каждой из которых соответствует: группировка привлекаемых сил и средств сдерживания; комплект присущих данной подсистеме сдерживающих мер; свои цели и задачи сдерживания в интересах предотвращения начала и эскалации возможной агрессии.

Важнейшей задачей стратегических ядерных сил (СЯС) России в современной динамичной военно-политической обстановке является поиск решений по противодействию США и их сателлитам, направленных на изменение баланса сил в группировке в свою пользу.

К ним можно отнести следующие подсистемы сдерживания.

Первая — экзистенциального сдерживания эскалации конфликтной ситуации *до применения военной силы*, обеспечиваемого комплексом мер по демонстрации наличия достаточных по составу, боеспособности, боеготовности и эффективности применения компонентов стратегических наступательных (ядерных и неядерных) и оборонительных сил. Сдерживающий эффект создается отсутствием уверенности в полном исключении непредсказуемого перехода жертвы к применению ядерного оружия.

Вторая — собственно ядерного сдерживания *от массированного применения противником СЯС*, обеспечиваемого комплексом демонстративных мер по наращиванию состава, боеготовности СЯС РФ и решительности ВПР страны по их применению с целью гарантированного нанесения по агрессору ответно-встречного, ответного МРЯУ. Сдерживающий эффект создается отсутствием уверенности в полном исключении ядерного воздействия по своей территории.

Третья — сдерживания *от попыток нарушения ядерного сдерживающего паритета в свою пользу*, обеспечиваемого комплексом мер по демонстрации достаточности состава, боеспособности, боеготовности и эффективности применения привлекаемых средств воздушно-космической обороны для отражения превентивного контрсилового воздушно-космического воздействия средствами мгновенного глобального удара на объекты СЯС (РВСН) и недопущения критичного снижения сдерживающей устойчивости группировки ответного ядерного возмездия.

Четвертая — сдерживания *от попыток добиться успеха в превентивном МРЯУ* в надежде на гарантированное прикрытие своей территории средствами глобальной системы ПРО. Обеспечивается комплексом мер по демонстрации достаточности состава, боеспособности, боеготовности и эффективности применения группировки стратегических наступательных ядерных сил и радиоэлектронной борьбы для подавления и поражения элементов глобальной системы ПРО в целях сопровождения и надежной доставки к целям сохранившихся ЯБЗ для нанесения агрессору неприемлемого ущерба в ответном ядерном возмездии.

Каждой подсистеме в комплексном стратегическом ядерном сдерживании может и должна быть приведена в соответствие, как необходимый сдерживающий инструмент, своя группировка сил и средств. Такой подход к формированию и применению системы комплексного стратегического ядерного сдерживания агрессора от нанесения превентивного контрсилового мгновенного глобального удара сегодня надежно обеспечивается Ракетными войсками стратегического назначения и другими компонентами сил ядерного сдерживания. Вместе с тем в реальной военно-политической обстановке потребуется уточнение условий, форм и способов силового, в том числе комплексного стратегического ядерного, сдерживания и непосредственного применения сил и средств РВСН.

Таким образом, в статье представлен анализ военно-политических ус-

ловий и обоснована ведущая роль и место РВСН в перспективной системе комплексного стратегического ядерного сдерживания возможной агрессии против Российской Федерации.

Основные выводы. На современном этапе развития военно-политических отношений США и их союзники по НАТО, уверовав в безнаказанность и всемогущество, пытаются навязать свою политическую и экономическую волю, пренебрегая международными правилами и интересами других стран. При этом в ближайшей перспективе они делают ставку на силовое разрешение экономических и политических проблем, вплоть до разжигания, поддержки и эскалации вооруженных конфликтов, в том числе и на территории Европы. Ими существенно снижен порог международных защитных механизмов предотвращения ядерного конфликта и понимания его возможных последствий, в том числе для населения США. У руководства США пока нет желания решать проблемные вопросы за столом переговоров с Россией. Следовательно, изложенные условия определяют в перспективе необходимость реализации силовых подходов в сдерживании агрессивных намерений США и их союзников. Опыт разрешения Карибского кризиса 1962 года говорит об их эффективности.

Комплексное стратегическое ядерное сдерживание, как и силовое сдерживание, по своей сути представляет действия, направленные на устрашение, ограничение и принуждение потенциальных противников[7]. Дополняя друг друга, эти действия проводятся в рамках единого механизма политических, экономических, информационных и военных мер. РВСН сегодня и в ближайшей перспективе, в том числе благодаря своевременной модернизации группировки РК, готовы к реализации мероприятий стратегического сдерживания, демонстрации решительности намерений по нанесению неприемлемого ущерба любому потенциальному агрессору.

Что касается достаточности сил и средств РВСН как основной ударной составляющей СЯС, то ее реализация обеспечивается постоянным контролем, анализом и прогнозом развития теории применения, своевременным принятием мер по обеспечению функционирования системы комплексного стратегического ядерного сдерживания, а также техническими и боевыми возможностями средств глобального удара потенциальных противников и средств ПРО (в том числе космического эшелона). Ракетные войска стратегического назначения сегодня способны выполнить возложенные на них задачи в любых условиях обстановки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указ Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[2] Указ Президента РФ от 02.06.2020 г. № 355 «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

[3] *Кокошин А.А., Есин В.И., Шляхтуров А.В.* Стратегическое сдерживание в политике нацбезопасности РФ // Независимое военное обозрение. 2021. 14 октября.

[4] Указ Президента РФ от 02.06.2020 г. № 355.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Мещеряков С.Д., Кайралапов М.Т., Сиников А.А.* Воздушно-космические силы в стратегическом сдерживании: необходимость и достаточность // Военная Мысль. 2021. 11. С. 22—28.

Воздушно-космический театр военных действий как закономерный результат эволюции вооруженной борьбы

Генерал-майор С.А. ЖМУРИН,
доктор военных наук

Полковник в отставке Ю.В. КРИНИЦКИЙ,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ факторов, предопределивших появление научной категории «театр военных действий» (ТВД). Показан эволюционный процесс разделения ТВД в соответствии со сферами вооруженной борьбы — наземной и морской. Выявлены предпосылки, указывающие на неизбежность введения в теорию военного искусства понятия «воздушно-космический театр военных действий» (ВК ТВД).

ABSTRACT

The paper analyzes the factors that predetermined the emergence of the scientific category theater of war (TOW). It follows the evolution of TOW split in accordance with the armed struggle areas into the ground and naval kinds. It also discovers the prerequisites suggesting that the concept aerospace theater of war (AS TOW) was inevitable in the theory of military art.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Театр военных действий, сфера вооруженной борьбы, силы воздушно-космического нападения (СВКН), воздушно-космическая оборона (ВКО), воздушно-космический ТВД.

KEYWORDS

Theater of war, armed struggle area, forces of aerospace attack (ASAF), aerospace defense (ASD), aerospace TOW.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА — сложное общественно-политическое явление, затрагивающее все стороны деятельности людей и государств. Изучение войны не ограничивается рассмотрением проблем, связанных только с ведением вооруженной борьбы. Ряд вопросов рассматривает одно из направлений военной науки — военная география, которая изучает влияние различных (военно-политических, военно-экономических, физико-географических и др.) факторов на подготовку, ход и исход военных действий в отдельных районах, государствах и континентах.

Как самостоятельная область знаний военная география утратила свое значение в XX веке. Но ее составные части вошли в другие разделы военной науки (стратегию, оперативное искусство, тактику) и обогатили их содержание.

Опыт военных конфликтов показывает, что детальное изучение военно-географических условий воз-

можных районов военных действий способствует принятию наиболее целесообразного решения на операцию, значительно облегчает ее планирование и успешное проведение. Поэтому изучение военно-географических факторов является необходимым условием оперативно-тактической подготовки офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ).

Первыми военными учеными, которые подвели научную основу под изучение военно-географических факторов, были Антуан Анри Жомини и Карл Клаузевиц. Теоретическое наследие А. Жомини составил двухтомник «Очерки военного искусства». Главным научным трудом К. Клаузевица стал его труд «О войне» (также в двух томах).

Клаузевиц и Жомини практически одновременно, опираясь на опыт наполеоновских войн, ввели военно-географические категории — **театр войны** (ТВ) и **театр военных действий** (ТВД). По их мнению, ТВ охватывал территорию всех стран, «вовлеченных в вихрь войны», а ТВД ограничивался пространством, *«где действовала одна или несколько армий отдельно от других войск»*. Конкретно, театром военных действий авторы определяли незначительную по размерам территорию, в пределах которой проходило генеральное сражение главных сил воюющих сторон.

Но каким образом возникла ассоциация ***вооруженной борьбы*** со словом ***«театр»***?

Первое, что их формально объединяет, это *зрелищность*. С господствующей высоты, используя оптические приборы, за ходом битвы наблюдали полководцы и их помощники. Все поле боя было хорошо просматриваемым и напоминало большую сцену, на которой разыгрывалась самая настоящая трагедия.

Второе — это *наличие сценария*. В театре он написан драматургом. На войне — он представлен замыслом командующего, конкретизирован в его решении, детализирован соответствующими планами, доведен до подчиненных приказами и распоряжениями.

Третье — *актеры и режиссеры*. На войне это войска и полководцы. Чем лучше «отрепетированы» действия солдат и офицеров (достигнута слаженность подразделений и частей, тем больше шансов на то, что сценарий (замысел вооруженной борьбы) будет в точности реализован. Режиссер (в нашем случае — полководец) вмешивался в ход сражения, посылая на фланги или в тыл гонцов с распоряжениями для командиров корпусов (дивизий), вводя в нужное время резервы, совершая боевые перестроения, в зависимости от того, как его актеры (подчиненные) справляются с отведенными им «ролями».

Четвертое — *наличие сцены и декораций*, усиливающих зрительное восприятие спектакля. На войне их роль выполняют характерные условия местности, которые способствуют успешному достижению цели полководца, если район будущего сражения выбран грамотно. И наоборот, вынужденный принять бой в невыгодном для себя месте командир несет дополнительные потери, ограничивает возможности войск по маневру, а значит, имеет меньшие шансы на победу.

Исторически выделялись **три признака**, по которым то или иное пространство может называться театром военных действий.

Первый признак — это пространство охватывает как «свою», так и неприятельскую территорию.

Второй признак — в пределах данной территории имеются объекты, жизненно важные для государства (объекты стратегического значения).

Третий признак — по своим размерам, физико-географическим условиям

и степени оперативного оборудования данная территория позволяет развертывать и применять стратегические группировки вооруженных сил.

Кроме категорий ТВ и ТВД использовалось понятие «операционная зона». Под операционной зоной понималась *«часть ТВД, через которую армия проходит с определенной целью, как действуя отдельно, так и комбинируя свои действия со вспомогательной армией»*. Операционная зона обычно включала несколько операционных линий.

Очень важно, что система ***военно-географических категорий*** четко коррелировалась с системой ***воинских формирований*** и преследуемых ими ***целей***. На театре войны (ТВ) применялись вооруженные силы государств и даже коалиций. Их цели были стратегическими и заключались в разгроме вооруженных сил противника, завоевании других стран, переделе карты мира. На театре военных действий (ТВД) применялась одна или несколько армий, которые в сражении имели цель разгрома мощной группировки неприятельских войск. В операционной зоне мог действовать корпус, который решал одну (в современной системе понятий — оперативную или оперативно-тактическую) задачу. На операционной линии развертывалась дивизия, решавшая конкретную тактическую задачу. Полк тоже имел свое пространство ответственности — район позиций, систему редутов и др.

Понятия ТВ и ТВД прочно вошли в военную терминологию многих стран мира. В России определение числа, границ театров, их наименование и оценка в интересах организации вооруженной борьбы стали постоянной функцией Генерального штаба. Так было в царской армии, так было в Красной (Советской) армии, такой порядок сохранился в Вооруженных Силах Российской Федерации.

При изучении ТВД первоначально основное внимание уделялось только характеристике *природных условий* и их влиянию на ход и исход военных действий. Такими природными условиями были рельеф местности, водные преграды, растительность, состояние почв, климатические и погодные условия и др.

Русский военный теоретик Д.А. Милютин (1816—1912), профессор кафедры военной географии Академии Генерального штаба (в последующем генерал-фельдмаршал, военный министр России), в 1847 году в труде «Первые опыты военной статистики» сформулировал положение о том, что *«при оценке ТВД, кроме чисто географических факторов, необходимо учитывать политические, экономические, нравственные и другие факторы»*.

Условная «нарезка» числа и границ ТВД вначале осуществлялись **в основном в интересах сухопутных войск**, так как они играли решающую роль в войне.

По мере изменения характера вооруженной борьбы, совершенствования средств, форм и способов ее ведения уточнялось содержание категории «театр военных действий», изменялись пространственные характеристики и количество ТВД.

Например, накануне и в ходе Первой мировой войны глубина ТВД достигла 500—700 км. Это вовсе не означало, что полтысячи верст пехотинец или кавалерист должен пробежать без остановки в наступлении или при отходе от противника. Глубина ТВД — это глубина одной стратегической (наступательной или оборонительной) операции, спланированной на недели и даже месяцы военных действий.

Накануне Второй мировой войны глубина зарубежной части театров военных действий возросла до 1200 км, что соответствовало теории глубокой операции и взглядам того вре-

мени на ведение военных действий. Опять же, 1200 км — это не пробег танка на одной заправке топливных баков. Но механизация армий обусловила большие темпы передвижения войск и позволила планировать стратегическую операцию на большую глубину, чем это было возможно в начале XX века.

После окончания Второй мировой войны произошли коренные изменения всех основных факторов, определяющих параметры ТВД. Образовались блок НАТО и блок Варшавского договора. Появились новые средства и способы ведения вооруженной борьбы. Все это потребовало уточнения числа и границ ТВД. И Генеральный штаб к концу 40-х годов прошлого столетия определил 8 континентальных ТВД в Европе и Азии: Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный, Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный и Северо-Восточный.

С повышением роли флотов в состав ТВД стали включать и акваторию морей. Так, в трудах русских военных теоретиков о Крымской войне (1853—1856) наряду с Дунайским, Крымским, Кавказским и Армянским сухопутными ТВД упоминаются также Белое и Балтийское моря. Во время Русско-японской войны (1904—1905) акватории Японского и Желтого морей составили самостоятельный морской ТВД.

Но только во второй половине XX столетия произошло формальное разделение театров военных действий по **«сферам вооруженной борьбы»**. Появились самостоятельные континентальные (КТВД) и океанские (ОТВД) театры. Причем в состав КТВД могла входить часть морской (океанской) акватории точно так же, как в состав ОТВД входила часть прибрежной территории. Определяющим фактором была не физическая среда (вода или суша), а то, какими войсками (силами) достигалась стратегическая цель действий. Если основным средством в стратегической операции был флот (а сухопутные войска играли вспомогательную роль), то пространство рассматривалось как ОТВД. Если основным средством в стратегической операции являлись наземные формирования (а флот играл вспомогательную роль) — это был КТВД. Конкретно рассматриваемая точка на земной поверхности могла в одном случае принадлежать континентальному, а в другом случае — океанскому ТВД.

Проведенный выше анализ позволяет перейти к рассмотрению военно-географических категорий для **воздушно-космической сферы** вооруженной борьбы. Откуда эти категории взялись?

Появление нового противника или новой сферы вооруженной борьбы требует не только наличия средств поражения такого противника, но и установки тех областей пространства, где должна быть развернута группировка войск для эффективного отражения агрессии.

На заре воздухоплавания применение авиации носило вспомогательный, обеспечивающий характер[1]. В Первую мировую войну самолеты решали задачи разведки, связи, поражения отдельных объектов и коммуникаций в прифронтовой полосе, уничтожения летательных аппаратов противника в воздухе. Уровень решения этих задач был ***тактическим***. Основные же цели вооруженной борьбы возлагались на сухопутную группировку войск.

Во Второй мировой войне ВВС противоборствующих сторон вышли на ***оперативный уровень*** боевого применения. Германские люфтваффе уже имели такие оперативные объединения, как воздушные флоты (в каждой группе войск вермахта — по одному воздушному флоту). В Красной Армии были сформированы воздушные армии (ВА). И все-таки основную

силу при достижении стратегических целей войны составляла наземная группировка ВС. Типовой фронт того времени включал от трех до девяти общевойсковых, от одной до трех танковых армий (не считая нескольких механизированных, кавалерийских корпусов, частей специальных войск) и только одну (редко две) воздушные армии. Причем воздушная армия чаще всего применялась по планам командующего фронтом и в основном для поддержки наземных войск в наступлении или обороне.

С учетом обеспечивающей роли военных действий «в воздухе» и «из воздуха» такое же ***вспомогательное значение в войне имела противовоздушная оборона*** и силы ПВО, создававшие ее. Поэтому театры военных действий, стратегические и операционные направления в то время по-прежнему оставались двухмерными (в горизонтальной плоскости «x, y»). Воздушное пространство в них не включалось. Тем более не изобретались какие-то специальные объемы пространства для планирования действий вне земной поверхности.

Необходимость в определении таких областей пространства возникла после Второй мировой войны с появлением ракетно-ядерного оружия и планированием его массового применения, а также в связи с освоением космоса. В 70-е годы XX века пришло осознание того, что воздушно-космический противник вышел на уровень решения таких же по масштабу (как ранее сухопутный и морской противник) стратегических задач.

США и страны НАТО разработали теорию Глобальной воздушно-космической операции как совокупности согласованных по цели, месту и времени ударов стратегических наступательных сил (СНС) США, Великобритании, Франции и ударов сил общего назначения (СОН) США и НАТО, развернутых на различных ТВД. Это не было похоже ни на Вторую мировую войну, ни на расправу с Хиросимой. Это было принципиально новым взглядом на ведение крупномасштабной войны. Ее стратегические цели могли быть достигнуты только применением сил воздушно-космического нападения, даже без участия наземных и морских группировок войск (сил)[2]. Теперь они (пехотные, танковые и др. формирования) становились обеспечивающими и могли быть введены в вооруженную борьбу на завершающем (постядерном) этапе. Так ***борьба в воздушном (а вернее, уже в воздушно-космическом) пространстве достигла высшего — стратегического масштаба***.

Достигнутое единство сил воздушного нападения и космических средств обеспечения, освоенных ими общих форм агрессии требовали организации такой же интегрированной по задачам, средствам, реализуемым формам, пространству и времени **воздушно-космической обороны (ВКО)** России[3].

Примечателен тот факт, что при полном отсутствии концепции построения и теории применения ВКО наша страна впервые в мире ее создала и успешно использовала как один из факторов сдерживания войны.

Еще 30 марта 1967 года Директивой Генерального штаба было предписано в составе Войск ПВО страны сформировать управление противоракетной обороны (ПРО) и противокосмической обороны (ПКО), несколько позже — систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и контроля космического пространства (ККП). Тем самым были заложены практические начала ВКО. Она строилась на принципах комплексного ведения как противовоздушной, так и ракетно-космической обороны (ПВО, РКО) против единого противника, действующего

в воздушно-космическом пространстве. В рамках единого вида ВС было организовано единое управление войсками противовоздушной и ракетно-космической обороны (ПВО, РКО). Это были округа и отдельные армии ПВО, объединения предупреждения о ракетном нападении (ПРН), противоракетной обороны (ПРО), контроля космического пространства и противокосмической обороны (ККП и ПКО).

Совместное применение этих сил предусматривалось в рамках общей формы военных действий — **стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника (СООВКН)**.

Операция планировалась по направлениям, названным *стратегическими воздушно-космическими* (СВКН). Каждое СВКН включало несколько *воздушных направлений* (воздушное направление — часть СВКН, где базируются и могут вести военные действия группировки воздушных и ракетных сил и средств, а также сил и средств борьбы с ними, выполняющие оперативные задачи).

Наряду с СВКН была введена такая военно-географическая категория, как *стратегическая космическая зона (СКЗ)*. Это околоземное космическое пространство, в пределах которого развертываются и функционируют орбитальные группировки космических сил (систем), где есть потенциальная угроза военной безопасности государству или при определенных условиях военно-политической обстановки такая угроза может возникнуть. В пределах СКЗ выделяются *операционные космические зоны (ОКЗ)*.

Для отражения агрессии со стратегических воздушно-космических направлений в масштабе страны создавалась единая система ПВО страны и межвидовая группировка Вооруженных сил при основной роли Войск ПВО страны. Главком Войск ПВО со своим штабом планировал стратегическую операцию по отражению воздушно-космического нападения противника (СООВКН), ставил боевые задачи объединениям, управлял их действиями с центрального командного пункта (ЦКП) Войск ПВО и нес полную ответственность за результат[4].

По своей оперативной сути СВКН — **прототип понятия воздушно-космический театр военных действий (ВК ТВД)**, хотя в официальной военной терминологии никакого ВК ТВД до сих пор нет. Границы СВКН условно нарезались, исходя из базирования и пространства возможных действий стратегической группировки сил воздушно-космического нападения потенциального противника. Для чего?

Для того чтобы именно в этом пространстве противопоставить стратегической группировке противника свою стратегическую группировку ВС. Что это была за стратегическая группировка ВС? Это были объединения СПРН, ПРО, ККП и ПКО, несколько объединений Войск ПВО совместно с выделенными силами ПВО военных округов, флотов, истребительной авиации воздушных армий фронтового назначения (ВА ФН). Ракетно-космическая составляющая была глобальной и единой на всех СВКН и в стратегической космической зоне (СКЗ). А противовоздушная составляющая была распределена по воздушным направлениям. Совокупность оперативных задач, решенных силами ПВО на нескольких ВН, с учетом общих задач, решенных силами РКО в космосе, интегрировалась в конечном счете в решение стратегической задачи ВКО на одном или нескольких СВКН.

На нижних уровнях иерархии все так же логично. Оперативную задачу на одном воздушном направлении решало оперативное объединение ПВО — отдельная армия (ОА ПВО).

Тактическую — основное тактическое соединение (дивизия ПВО).

Вплоть до 90-х годов прошлого столетия дело стояло за малым — переименовать Войска ПВО в Войска ВКО. Изменение формальных признаков материальной системы ВКО могло инициировать прогрессивные изменения в содержании ее действий. Военно-научная категория «воздушно-космическая оборона» была обоснована еще в 80-е годы. Соответствующее исследование проводили ученые Военной командной Краснознаменной академии ПВО, 2 ЦНИИ Минобороны, Военно-воздушной академии. По результатам работы в 1993 году был издан военно-теоретический труд «Воздушно-космическая оборона страны».

Официальное признание научной категории «воздушно-космическая оборона» неизбежно обусловило бы и **признание воздушно-космического ТВД** как единого глобального пространства, в котором войска и система ВКО решают единую стратегическую задачу по отражению воздушно-космического нападения противника (а в мирное время участвуют в сдерживании ВК агрессии).

Но этого не произошло, поскольку начавшаяся с 90-х годов XX столетия череда реформ ВС РФ привела к сокращению войск, ответственных за решение задач ВКО. Соответственно, многократно снизились и возможности ВС России по проведению СООВКН. Как следствие — СООВКН была исключена из системы стратегических действий ВС РФ, а единая система и группировка войск ВКО понижена в своем официальном статусе до тактической. Самым высоким по уровню формированием, решающим задачи борьбы с воздушным противником, оказалась дивизия ПВО, да и та в составе ударно-оборонительного объединения ВВС и ПВО, выполняющего задачи по плану командующего войсками военного округа.

США и страны НАТО разработали теорию Глобальной воздушно-космической операции как совокупности согласованных ударов стратегических наступательных сил США, Великобритании, Франции и ударов сил общего назначения, развернутых на различных ТВД.

Важно заметить, что путь деградации (с 90-х годов XX столетия) войска и система ПВО (ВКО) РФ прошли на фоне усиления единства средств, способов и форм осуществления воздушно-космической агрессии. У потенциального противника после развала СССР возник соблазн лишить нашу страну способности сдерживать агрессию посредством упреждающего уничтожения ее ядерного потенциала. Так родилась ***концепция «мгновенного глобального удара»***. Ее суть сводится к тому, чтобы поразить все пункты и органы управления стратегических ядерных сил (СЯС) и сами объекты СЯС до того, как они будут применены в ответ. Для этого необходимо реализовать такую форму военных действий, как **стратегический удар**. И этот удар должен быть внезапным и массированным.

Разумеется, в будущем стратегическом ударе (реализованном в рамках концепции мгновенного глобального удара) против России будут задействованы все компоненты ВС США и все ресурсы. Будут проводиться специальные, гибридные и кибероперации, стратегические переброски войск, обеспечивающие (а в ближайшей перспективе и боевые) действия в космосе. Но все это ради успеха стратегического удара. Его эффективность должна быть такой, чтобы российские

межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), которые уцелеют и стартуют в ответ, гарантированно были бы поражены эшелонированной системой ПРО США.

Что противопоставить такой концепции и такой стратегии противника? Главным образом — собственные стратегические ядерные силы и их ответные (ответно-встречные) действия. Но чтобы применить СЯС, их надо сохранить на первом, решающем этапе войны. То есть отразить внезапный массированный стратегический удар сил ВКН (способность отразить стратегический удар сил ВКН и сохранить свои СЯС гарантирует сдерживание самой агрессии).

Для этого нужно признать главенство воздушно-космической сферы вооруженной борьбы не на словах, а в делах и государственных решениях. Если мы понимаем, что в едином воздушно-космическом пространстве состоится стратегическое по масштабам, первоочередное во времени, глобальное по размаху и охвату, решающее по значимости военное столкновение, то нужна цельная, исчерпывающе содержательная теория вооруженной борьбы в воздушно-космической сфере. Задел такой теории сделан профессором Ерохиным Иваном Васильевичем в его 9 книгах. Это богатейшее наследие, которое еще до конца не осмыслено и подлежит изучению[5].

Кроме И.В. Ерохина решением проблемы организации воздушно-космической обороны (ВКО) в воздушно-космической сфере вооруженной борьбы (а по сути — на ВК ТВД) занимались и занимаются ныне здравствующие и ушедшие из жизни ученые Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: А.П. Корабельников, А.И. Хюпенен, Ю.Д. Подгорных, Е.С. Сиротинин, В.В. Барвиненко, С.К. Бурмистров и многие другие. За пределами ВА ВКО этой проблемы касались В.Н. Слипченко, В.И. Останков, Д.О. Рогозин, И.Р. Ашурбейли, А.Ю. Горьков, А.А. Ноговицын, Б.Ф. Чельцов и другие[6].

Из признания решающей роли воздушно-космической сферы следует объективная необходимость подготовки **стратегической операции**, целью которой должно быть отражение (срыв) стратегического удара воздушно-космического противника. Основной силой в такой операции могут быть только войска ВКО (ПВО, СПРН, ПРО, ККП и ПКО, специальные войска), сведенные в единую систему и действующие под единым управлением. Что, впрочем, не исключает действий в интересах данной операции и других сил — наземных и морских.

Сказанное выше потребует нового взгляда на пространство, в котором будет проводиться данная операция. Это пространство должно быть узаконено как самостоятельный театр военных действий. Именно **на воздушно-космическом ТВД**, а не на континентальном театре имени Дмитрия Милютина решится исход крупномасштабной войны, если мы не сумеем ее предотвратить.

При определении сущности данной категории пространства нередко перемешиваются понятия «воздушно-космическая среда», «воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы» и, собственно, «воздушно-космический театр военных действий». Проведенный выше анализ позволяет их разделить по смыслу[7].

Воздушно-космическая среда — категория физико-географическая. Это воздушно-космическое пространство, которое существовало до человека, существует при человеке и будет существовать после человека. В ней перемещаются насекомые, птицы, планеты и астероиды. Ее освоили люди, использующие законы аэродинамики, баллистики, гравита-

ции и др., поэтому в воздушно-космической среде летают аэростаты, вертолеты, самолеты, ракеты, искусственные спутники Земли различного предназначения. Ее можно делить на воздушную среду и космическую среду, рассматривая их по отдельности в зависимости от области науки и цели исследования.

Воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы охватывает ту область (часть) воздушно-космической среды, где находятся, по которой перемещаются, откуда применяются силы и средства военного назначения противника, подлежащие уничтожению или подавлению в ходе вооруженной борьбы, которые могут быть подвержены воздействию (огневому, радиоэлектронному и иному) в целях прекращения их нормального функционирования. Эти силы и средства являются воздушными, космическими, воздушно-космическими целями для специального оружия воздушно-космической обороны. Таким образом, воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы — категория не физико-географическая, а военно-географическая.

В отличие от «воздушно-космической среды» и «воздушно-космической сферы вооруженной борьбы» научная категория **«воздушно-космический театр военных действий»** является геостратегической. Она в своей основе охватывает ту часть воздушно-космической среды, где развертывается и может быть применена стратегическая группировка сил воздушно-космического нападения (СВКН) и сил борьбы с ними. По аналогии с КТВД и ОТВД в структуру ВК ТВД могут включаться и некоторые области других сред (наземной, морской), где создана инфраструктура СВКН и ВКО. На воздушно-космическом ТВД планируется стратегическая операция по отражению стратегического ВК нападения. Ее основные задачи решаются в воздушно-космической сфере вооруженной борьбы войсками (силами) ВКО. Но в состав стратегической группировки ВС на ВК ТВД могут включаться формирования войск (сил), применяемые в других сферах вооруженной борьбы. Их действия будут способствовать успеху проводимой стратегической операции.

ВК ТВД — категория ***стратегического уровня***. Он охватывает все воздушное и околоземное космическое пространство, а также те области поверхности земного шара, где базируются силы ВК нападения и силы ВКО. На ВК ТВД планируется одна стратегическая операция (ее можно назвать «стратегическая операция по отражению воздушно-космического нападения противника» или «стратегическая операция на ВК ТВД» по аналогии с операциями, планируемыми в других сферах).

ВК ТВД должен быть разделен на объемы ***оперативно-стратегического*** масштаба. Такими объемами могут быть «оперативно-стратегическая космическая зона» (ОС КЗ) и «оперативно-стратегическое воздушно-космическое направление» (ОС ВКН).

ОС КЗ — одна глобальная, а число и границы ОС ВКН определяются Генеральным штабом исходя из анализа противников, способных осуществить агрессию соответствующего (оперативно-стратегического)

Из признания решающей роли воздушно-космической сферы следует объективная необходимость подготовки стратегической операции, целью которой должно быть отражение (срыв) стратегического удара воздушно-космического противника.

масштаба. Допустим (условно) — их будет четыре: Северное (угроза — от СНС США); Западное (угроза — от сил воздушно-космического нападения европейских стран НАТО); Южное (угроза — от стран, располагающих значительным потенциалом сил ВКН и ядерным оружием); Восточное (имеются в виду потенциальные возможности сил воздушно-космического нападения КНР).

Для обеспечения готовности к сдерживанию и отражению ВК агрессий с этих направлений необходимо иметь: одну группировку (формирование) ВКО ОС масштаба на западе страны; одну группировку (формирование) ВКО ОС масштаба на юге страны; одну группировку (формирование) ВКО ОС масштаба на востоке страны. Северное ОС ВКН, учитывая его глобальность и охват всей территории РФ, будет прикрыто сразу тремя выше названными ОС объединениями ВКО, действующими по единому замыслу стратегической операции на ВК ТВД.

Оперативно-стратегические объемы следует разделить на объемы ***оперативного масштаба***. Для ОС ВКН это, как и прежде, будут «воздушные направления» (ВН). На каждом из них может действовать войсковое формирование — от оперативно-тактического до оперативного, или тактическое соединение (дивизия ПВО) с оперативно подчиненными соединениями, частями и подразделениями ПВО видов (родов войск) ВС РФ. Такое оперативное подчинение возможно, поскольку на начальном (воздушно-космическом) этапе крупномасштабной войны эти формирования ПВО никаких других задач решать не будут.

Для ОС КЗ могут быть сохранены «операционные космические зоны» (ОКЗ). Хотя вопрос их целесообразности требует отдельного обсуждения. Деление космического пространства «по высоте», как это принято сейчас, имеет скорее физический, а не оперативный смысл.

Таким образом, воздушно-космический ТВД можно признавать или не признавать — он существует[8]. Его определяют не директивы и не реформы, а научно-технический прогресс. Проблема не в том, чтобы принять очередной термин в лексикон ученых и военнослужащих. Необходимо изменить отношение к современной крупномасштабной войне, которая начнется внезапно из воздушно-космического пространства и в нем же закончится (или в основном в нем закончится).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ашурбейли И.Р.* Третья сфера вооруженной борьбы: зарождение и становление. М., 2015. 328 с.

[2] *Криницкий Ю.В.* Новая сфера вооруженной борьбы // Воздушно-космическая оборона. 2013. № 3.

[3] *Криницкий Ю.В., Хюпенен А.И.* Создание ВКО — необходимое условие обеспечения военной безопасности России // Военная Мысль. 2012. № 7.

[4] *Криницкий Ю.В.* Космос как поле битвы // Воздушно-космическая оборона. 2015. № 6.

[5] *Ерохин И.В.* Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней. Тверь: Тверская областная типография, 2008. 240 с.

[6] *Сиротинин Е.С., Подгорных Ю.Д.* Космический театр военных действий. Тверь, 2004. 192 с.

[7] *Криницкий Ю.В.* Воздушно-космический театр военных действий: монография. Изд. второе. Тверь: ВА ВКО, 2021. 370 с.

[8] *Криницкий Ю.В.* Воздушно-космическому ТВД — быть! // Воздушно-космическая оборона. 2015. № 1.

Оборонительные бои в городе: факторы успеха по опыту вооруженного конфликта на Северном Кавказе

Полковник в отставке Б.А. БОЖЕДОМОВ,
кандидат исторических наук

Подполковник Т.Г. ЛЕВЧЕНКО

АННОТАЦИЯ

На основе изучения опыта боевых действий Объединенной группировки российских войск в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе в 1994—1996 годах анализируются факторы, определяющие успех оборонительных боев в крупном городе, даются рекомендации по повышению эффективности их подготовки и ведения в современных военных конфликтах.

ABSTRACT

The paper relies on the study of combat experience of the Russian United Troop Grouping in the course of the 1994—1996 armed conflict analyzing the factors that determined successful defensive fighting in a major city, and giving recommendations as to more efficient preparation and conduct of battles in contemporary military conflicts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Северный Кавказ, город Грозный, Объединенная группировка войск, незаконные вооруженные формирования, оборона в городе, снайперское движение.

KEYWORDS

North Caucasus, city of Grozny, United Troop Grouping, illegal armed formations, urban defense, sharpshooter movement.

ПРИ ВЕДЕНИИ боевых действий войска переходят к обороне, как правило, в обстановке, когда противник владеет инициативой, имеет значительное (подавляющее) превосходство в силах и средствах, обладает более высокими возможностями для маневра, массирования сил и средств на избранных направлениях, нанесения внезапных ударов и другими преимуществами.

В такой ситуации от командиров обороняющихся подразделений требуется умение всесторонне и правильно оценивать обстановку, принимать продуманные и целесообразные решения, проявлять волю, настойчивость и решительность при выполнении поставленных задач, твердость в управлении, военную хитрость и другие подобные качества, а от личного состава — стойкость, мужество, отвага, находчивость и высокий уровень профессионального мастерства.

Еще более высокие требования предъявляются при подготовке и ведении обороны в особых условиях, в том числе на урбанизированной территории и в крупных городах. В годы Великой Отечественной войны соединения и части Красной Армии в полной мере овладели искусством уличных боев. Яркие тому при-

меры — оборона Брестской крепости, Одессы, Севастополя, Сталинграда и других городов.

Однако за 50 послевоенных лет бесценный опыт ведения боевых действий в городских условиях был почти полностью утрачен. Считалось, что возможная будущая война будет мировой, широкомасштабной, с применением ядерного оружия. В ходе боевой подготовки войска отрабатывали вопросы организации и ведения боевых действий в классических условиях, в основном на открытой местности. Наличие на полосе препятствий кирпичной стенки, разрушенной лестницы и дощатого фасада здания, через окно которого должен пролезть солдат, не решали проблемы подготовки подразделений к ведению боев в городе. А офицеров и органы управления учили воевать в населенных пунктах в основном по картам.

Все это негативно сказалось в начальный период специальной операции на Северном Кавказе в конце 1994 — начале 1995 года, когда Объединенная группировка войск РФ получила задачу овладеть столицей Чеченской Республики (так называемой Республики Ичкерия), которую в то время контролировали международные банды террористов.

Встретив ожесточенное сопротивление боевиков в ходе начавшегося штурма Грозного 31 декабря 1994 года, подвергшись атакам и ударам с их стороны в последующие дни, подразделения и части ВС России стали вынужденно переходить к обороне, организуя отдельные очаги сопротивления в городских кварталах. Самые крупные из них образовались в районе железнодорожного вокзала, где в полном окружении вела бой отдельная мотострелковая бригада, и в республиканской больнице, где оборонялись подразделения мотострелкового полка из состава 8-го гвардейского армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Я. Рохлина и присоединившиеся к ним солдаты из других частей. Кроме того, отдельные подразделения и разрозненные группы российских военнослужащих удерживали ряд объектов и в других районах города.

Учиться грамотно организовывать оборонительный бой в городских условиях и приобретать опыт его ведения приходилось непосредственно в ходе жесткого противостояния с противником. Так, **при обороне крупного участка городской застройки (квартал и более) подразделения и части занимали круговую оборону, строя боевой порядок, как правило, в один эшелон с выделением резерва**: в батальоне — в составе усиленного отделения или взвода, а в полку — до роты. Примером может служить боевой порядок усиленного мотострелкового батальона при удержании республиканской больницы в Грозном в начале января 1995 года (рис. 1).

Оборонительные позиции выбирались по периметру удерживаемого квартала (группы зданий), чаще всего в строениях или за имевшимися укрытиями. Для защиты от пуль и осколков над открытыми окопами иногда устанавливалась бронетехни-

При обороне крупного участка городской застройки (квартал и более) подразделения и части занимали круговую оборону, строя боевой порядок, как правило, в один эшелон с выделением резерва: в батальоне — в составе усиленного отделения или взвода, а в полку — до роты.

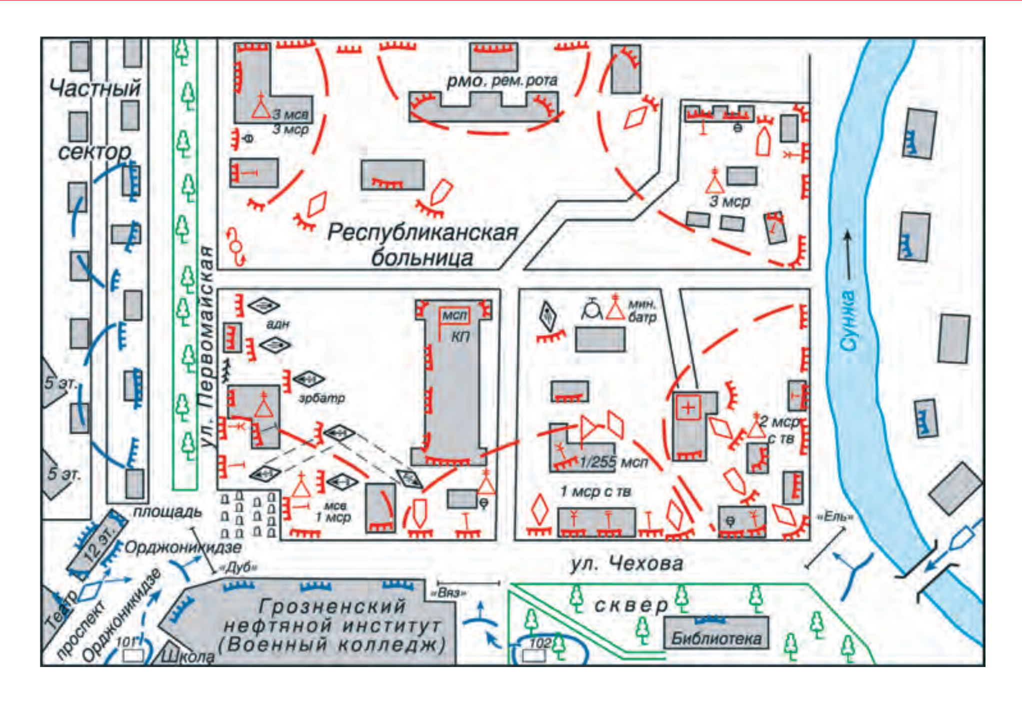

Рис. 1. Боевой порядок усиленного мотострелкового батальона при удержании республиканской больницы в Грозном (январь 1995)

ка. На подступах к позициям создавалась система инженерных заграждений: устанавливались минные поля и отдельные мины, гранаты на растяжках и устраивались искусственные завалы. Минировались также выходы из подземных коммуникаций, находившиеся на территории обороняемого участка. На переднем крае постоянно дежурило не менее трети личного состава.

Система огня строилась круговой и, как правило, увязывалась с инженерными заграждениями и естественными препятствиями. Она включала огонь стрелкового оружия, гранатометов, минометов, безоткатных орудий, танков, БМП, БТР, зенитных установок ЗУ–23-2 и ЗСУ–23-4. Последние оказались незаменимыми при ведении огня прямой наводкой по пулеметчикам и снайперам противника, засевшим на крышах высотных зданий.

При отражении атак боевиков военнослужащие занимали заранее определенные каждому места и открывали огонь по команде или самостоятельно в установленных секторах и полосах изо всех имевшихся в распоряжении видов оружия. Управление боем в отделении и взводе осуществлялось обычно голосом с передачей и дублированием команд, а в роте — голосом, установленными сигналами и по рации. Для связи с вышестоящим командованием использовались штатные радиостанции. В ряде случаев из-за постановки боевиками помех в эфире обеспечить устойчивую связь не удавалось.

Ведущая роль в подготовке боя и управлении подразделениями в ходе его ведения принадлежала офицерам, которые не только руководили подчиненными, но и являлись цементирующей основой стойкости подразделений. Своевременно поданная команда, личный пример, храбрость в бою, выдержка и рассудительность, забота о раненых поднимали авторитет командира, сплачивали воинский коллектив.

При удержании отдельного здания небольшим подразделением (группой) все военнослужащие обычно находились на боевых позициях в первом эшелоне. По возможности создавался небольшой мобильный резерв в составе двух-трех солдат (пулеметчик, гранатометчик, снайпер), который в ходе боя выдвигался для усиления на наиболее опасные участки.

Подходы к зданию минировались и посыпались битым стеклом, чтобы боевики не могли скрытно подойти и бесшумно проникнуть в него. Проемы окон первого этажа закладывались кирпичами, мебелью и другими подручными средствами. В них же устанавливались гранаты на растяжках и противопехотные мины. Для обеспечения маневра внутри здания в стенах между подъездами с помощью взрывчатки и подручных инженерных средств пробивались проходы.

На крыше здания располагались артиллерийский корректировщик и гранатометчики, которые поражали танки, автомобили и пехоту противника. На верхних этажах занимали огневые позиции пулеметчики и снайперы. Тяжелое вооружение (штатное и снятое с подбитой техники — автоматические гранатометы АГС-17, пулеметы ПК, ПКТ, НСВТ и др.) при смене огневой позиции не переносилось, а оставалось на прежнем месте. Днем личный состав оборонялся обычно в полуподвальных помещениях, на первом и втором этажах, а на ночь, создав завалы на лестницах, перемещался на верхние этажи.

В ходе боя военнослужащие, как правило, работали парами, взаимодействуя между собой и прикрывая друг друга. При высокой плотности огня противника один из них скрытно (иногда с помощью зеркала) наблюдал за полем боя и корректировал стрельбу другого. Подобным образом велся огонь и из подствольных гранатометов по навесной траектории через проем окна. Для этого один боец ложился на спину, упирал приклад автомата в пол, фиксировал его положение и производил выстрел. Затем по указаниям напарника, который, находясь неподалеку, вел наблюдение и корректировал огонь, менял наклон ствола автомата и вносил в стрельбу поправки.

Оборонявшиеся подразделения стремились проявлять активность, которая заключалась в устройстве так называемых встречных огневых засад в соседних с обороняемым домом строениях. Ночью в близлежащие здания скрытно выходили группы по три-четыре человека, которые занимали там выгодные позиции. Когда утром боевики начинали выдвигаться на исходные рубежи для атаки, по ним открывался перекрестный кинжальный огонь из засад. После выполнения задачи группы под прикрытием огня своего подразделения из удерживаемого здания возвращались на исходные позиции[1,2].

Подобная тактика обороны отдельного здания себя полностью оправдала. Примером умелой организации и ведения обороны по удержанию отдельного здания можно считать боевые действия группы десантников под командованием старшего лейтенанта М. Теплинского за дом № 1 на проспекте Орджоникидзе в Грозном с 2 по 8 января 1995 года (рис. 2).

Оборонительные позиции выбирались по периметру удерживаемого квартала (группы зданий), чаще всего в строениях или за имевшимися укрытиями. Для защиты от пуль и осколков над открытыми окопами иногда устанавливалась бронетехника. На подступах к позициям создавалась система инженерных заграждений: устанавливались минные поля и отдельные мины, гранаты на растяжках и устраивались искусственные завалы.

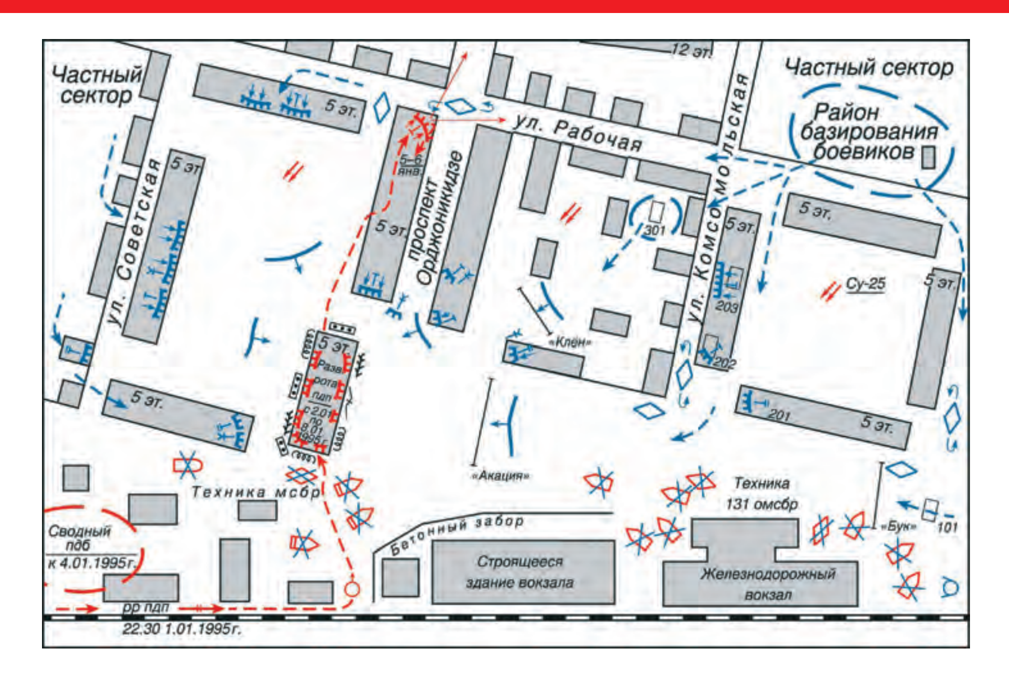

Рис. 2. Ведение обороны дома № 1 на проспекте Орджоникидзе десантниками под руководством старшего лейтенанта М. Теплинского (2—8 января 1995)

Интерес представляет ***оборона нескольких зданий***, организованная штурмовыми отрядами из состава двух бригад оперативного назначения внутренних войск (ВВ) МВД РФ с учетом ранее приобретенного опыта. В ходе боев в Грозном в августе 1996 года они более двух недель удерживали в районе площади Минутка в Грозном четыре девятиэтажных здания, превратив их в неприступный опорный пункт[3] (рис 3).

Гарнизон каждого здания располагался на втором и девятом этажах. На втором этаже оборона организовывалась для уменьшения «мертвого пространства» и ведения ближнего боя, на девятом — для поражения противника на дальних подступах. Огневые средства всех зданий увязывались в единую систему огня. Окна удерживаемых домов закладывались кирпичами, оставляя в них лишь амбразуры для стрельбы. На чердаках круглосуточно дежурили по два снайпера и по одному гранатометчику с РПГ-7. На крышах оборудовались огневые точки для огнеметчиков.

Днем у амбразур дежурили 30 % личного состава, остальные отдыхали. На ночь весь гарнизон разбивался на две смены — дежурную и отдыхающую. По два бойца из состава дежурной смены находились у каждого окна на втором и третьем этажах. Входы в подъезды и подвалы минировались. Связь между гарнизонами домов поддерживалась по рации. На лестничных площадках между вторым и третьим этажами оборудовались огневые точки на случай, если боевики смогут ворваться в здание.

Под окнами насыпалось битое стекло, и если ночью слышался хруст, то сразу бросалась граната. Каждую ночь в домах бодрствовали по два офицера, которые проверяли службу дежурной смены через каждые 20—30 минут. Строго соблюдалась светомаскировка, так как боевики имели снайперские винтовки с ночными прицелами.

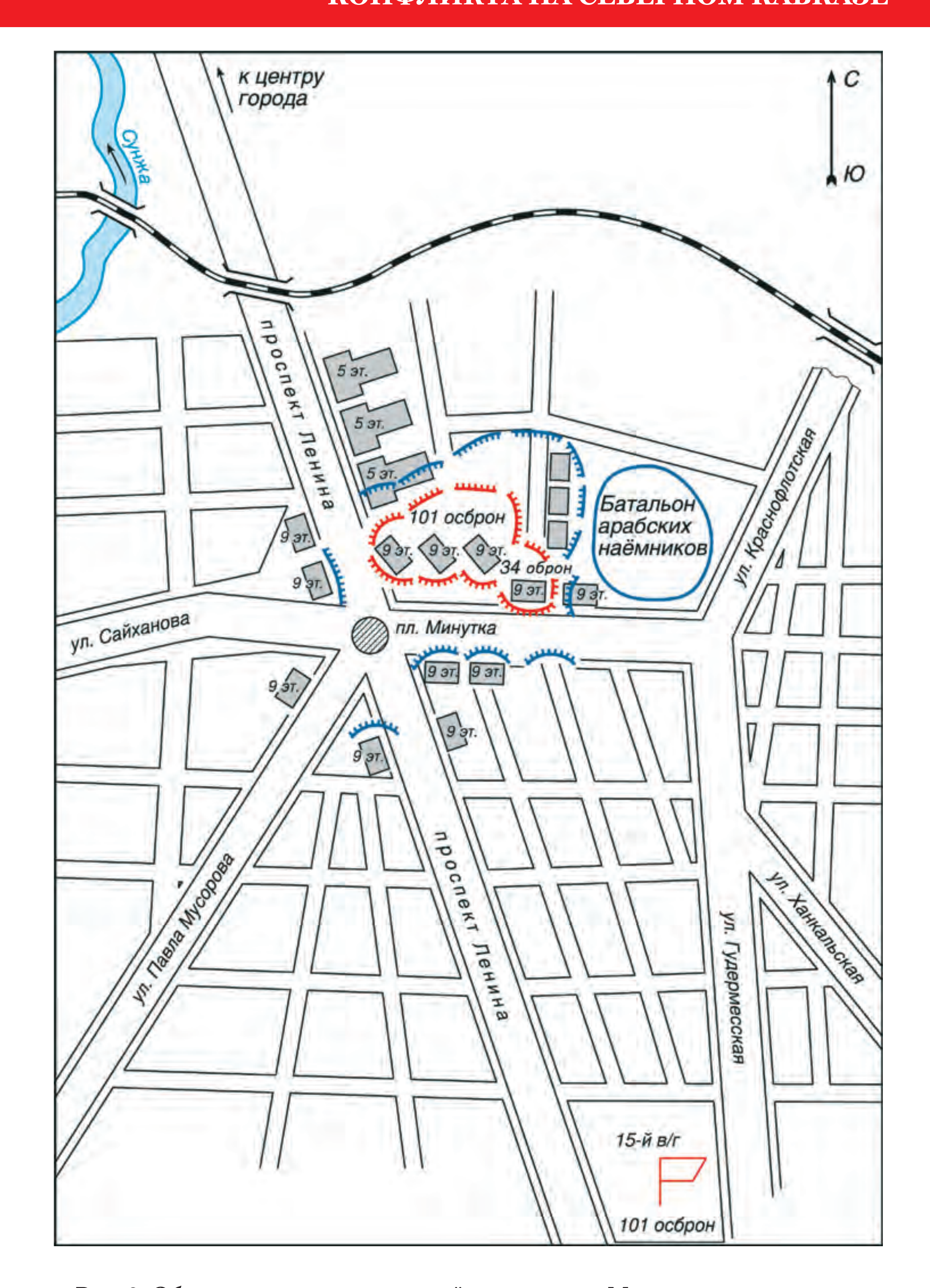

Рис. 3. Оборона нескольких зданий на площади Минутка штурмовыми отрядами из состава двух бригад ВВ МВД РФ (август 1996)

При отражении атак противника занималась круговая оборона здания, по два-три человека в каждой комнате. Стрельба велась плотная, с применением всего имеющегося оружия. Особо следует отметить самоотверженные действия отдельных солдат, которые, высовываясь из окон домов,

вели огонь из гранатометов вдоль стены здания, поражая танки противника и не давая им возможности стрелять прицельно.

В целом грамотное и творческое отношение к организации обороны в каждом здании позволило подразделениям ВВ МВД выдержать 18-дневную осаду, отразить многочисленные атаки противника и нанести ему значительный урон.

В связи с существенными потерями, понесенными частями и подразделениями ВС РФ от огня снайперов противника на начальном этапе операции по овладению Грозным в январе 1995 года, в войсках Объединенной группировки войск стихийно зародилось ***контрснайперское движение***. Снайперами в федеральных войсках, кроме штатных, становились любые подготовленные военнослужащие. Чаще всего это были поступившие на военную службу по контракту опытные воины, бывшие «афганцы», стрелки-спортсмены, а также представители народов Сибири и Севера, традиционно занимавшиеся промысловой охотой.

Используя собственные знания, перенимая боевой опыт у своих товарищей и противника, они действовали все более умело и грамотно. Так, в прессе упоминалось о лейтенанте морской пехоты, который уничтожил более 20 снайперов противника, за что был объявлен Дудаевым личным врагом, а своим командованием представлен к званию Героя России. Другой снайпер-разведчик ефрейтор Ринат Р. огнем из СВД за первую половину января 1995 года ликвидировал 12 боевиков. На личном счету заместителя командира роты по воспитательной работе одной из мотострелковых частей старшего лейтенанта Сергея К. — восемь снайперов противника. Кроме того, имея хорошую стрелковую подготовку, данный офицер обучил снайперскому искусству несколько солдат и в дальнейшем вместе с ними уничтожал бандитов.

Тактика и способы действий российских снайперов во многом были схожи со снайперской практикой противника. Обычно снайпера поддерживали, обеспечивали и прикрывали пулеметчик и один-два автоматчика. В отдельных случаях огонь снайпера маскировался длинными очередями пулеметчика, во время которых и велась прицельная стрельба. Нередко снайперы действовали парами, но не для того, чтобы повысить плотность огня, а главным образом потому, что снайперу-одиночке весьма сложно и стрелять, и обнаруживать противника, ведущего огонь по нему. Работая в паре, лишь один из снайперов поражает цели, а второй в это время наблюдает за противником и корректирует огонь первого[4]. Вместе с тем многие снайперы предпочитали действовать абсолютно автономно.

Огневые позиции снайперы зачастую выбирали в глубине помещения, чтобы не демаскировать себя вспышками и звуками выстрелов. Иногда во внутренней стене (перегородке) здания убирался всего один кирпич и через данную своеобразную амбразуру велся огонь. В отдельных случаях для опоры и удобства стрельбы сооружались импровизированные помосты из подручных предметов.

Между тем, **как свидетельствует боевой опыт, наилучшие результаты в борьбе со снайперами боевиков показывали специально создаваемые группы в составе трех—пяти своих штатных снайперов**. Их сосредоточение на небольшом участке позволяло надежно подавлять действия снайперов противника. Так, во время боев в районе консервного завода в Грозном в первые дни января 1995 года некоторые подразделения из состава 8-го армейского корпуса оказались в настоящей снайперской

блокаде террористов. Ежедневные потери убитыми и ранеными от их пуль достигали несколько десятков человек. Тогда на помощь российским подразделениям была переброшена контрснайперская группа, в которую свели всех штатных снайперов спецназа Воздушно-десантных войск. День они посвятили наблюдению, а с ночи начали работать. Через двое суток снайперский террор боевиков прекратился, и войска смогли двинуться дальше.

Мотострелки боролись со снайперами противника своими, порой «дедовскими» способами и средствами. Например, один из солдат, находясь в укрытии или окопе, поднимал на палке каску или шапку, привлекая внимание снайпера боевиков. Другие в это время засекали вспышки выстрелов, а затем ответным сосредоточенным огнем из всего имеющегося оружия уничтожали снайпера.

Однако, как показал опыт городских боев, ликвидировать снайпера противника огнем только из стрелкового оружия было весьма сложно. Поэтому для борьбы с ними широко применялись гранатометы, зенитные установки (чаще всего ЗУ–23-2), танки и реактивные огнеметы «Шмель», позволявшие уничтожать живую силу в укрытиях и разрушать внутренние перекрытия в строениях, откуда велся снайперский огонь. Так, 1 февраля 1995 года при выдвижении одной из мотострелковых рот к зданию университета в 1-м микрорайоне Грозного по ней открыл огонь снайпер. После того как по предполагаемому месту его укрытия произвел два выстрела танк, он замолчал[5]. Конечно, такие способы приводили к значительным разрушениям города, но, к сожалению, другого выбора, по словам участников боев, иногда просто не было[6].

Оборонявшиеся подразделения стремились проявлять активность, которая заключалась в устройстве так называемых встречных огневых засад в соседних с обороняемым домом строениях. Ночью в близлежащие здания скрытно выходили группы по три-четыре человека, которые занимали там выгодные позиции. Когда утром боевики начинали выдвигаться на исходные рубежи для атаки, по ним открывался перекрестный кинжальный огонь из засад.

В целом **контрснайперское движение, зародившееся в ходе боев в Грозном и получившее свое дальнейшее развитие, позволило значительно снизить эффективность действий снайперов противника**. Опыт показал, что с ними лучше всего способен бороться свой снайпер или снайперская группа. Использование для этой цели танков результативно только при ведении огня прямой наводкой непосредственно в ходе боя. Привлечение же артиллерии для ведения огня с закрытых огневых позиций лишь приводило к значительным разрушениям города, гибели гражданских лиц и практически не достигало своих целей, так как снайперы, произведя несколько выстрелов, обычно меняли свои позиции.

Значительную роль в отражении атак боевиков на опорные пункты российских войск играла ***артиллерия***. По вызову общевойсковых командиров она поражала отряды террористов в местах их скопления и при переходе в атаку. Так, 16 января 1995 года в Грозном огнем артиллерии Северной группировки войск была сорвана готовившаяся атака противника (численностью более 200 боевиков), сосредоточившегося в пойме реки Сунжа, на здание бывшего Совета министров ЧИАССР.

Особенно результативно работала артиллерия, когда поддерживала свои штатные подразделения. В этом случае лучше организовывалось взаимодействие, управление и корректирование огня батарей, сокращалось время вызова огня. Например, при отражении атак боевиков в районе железнодорожного вокзала 2—3 января 1995 года командир разведгруппы из состава воздушно-десантной дивизии настолько умело управлял огнем своей артиллерии, что снаряды ложились в 40—50 м от собственных позиций, нанося значительные потери противнику, но не причиняя ущерба своим войскам. При этом время от запроса огня до первых разрывов не превышало двух минут[7].

Длительная и кропотливая подготовка артиллеристов 8-го гвардейского армейского корпуса, проводимая еще в мирное время под руководством генерал-лейтенанта Л.Я. Рохлина, позволяла им в ходе городских боев демонстрировать высочайший профессионализм. Находясь на огневых позициях в районе села Толстой-Юрт, они поражали цели в Грозном, «раскладывая снаряды как по полочкам на складе»[8]. Боеготовность артиллерийских расчетов многократно перекрывала все нормативы. В отдельных подразделениях уже через 20—30 секунд после поступления команды открывался огонь. По мнению генерала Рохлина, «именно артиллерия решила исход первых дней боев»[9].

Вместе с тем в применении артиллерии имелись и существенные недостатки. Так, из-за общей нехватки войск в начале операции часть личного состава артиллерийских подразделений приходилось отвлекать на выполнение других задач (охрана, инженерное оборудование огневых позиций). Наблюдались также некоторые упущения в организации артиллерийской разведки, что порой снижало эффективность огня.

В интересах поддержки частей и подразделений Объединенной группировки войск и нанесения потерь противнику применялась также ***авиация***, удары которой представляли собой сочетание воздушных (объемных) взрывов для очистки крыш домов от снайперов и использование бетонобойных бомб для уничтожения боевиков в зданиях. Подобным образом был частично разрушен «президентский дворец» (бывшее здание обкома КПСС Чечено-Ингушской АССР), где располагались наиболее фанатично настроенные боевики из личной охраны Дудаева.

Однако активность авиации в ходе боев в Грозном была невысокой, что объясняется очень близким расстоянием (иногда до 70—100 м) между своими войсками и противником, очаговым характером боевых действий, трудностями в определении объектов города с воздуха, его сильной задымленностью, низкой облачностью и туманами.

В целом, несмотря на ряд неблагоприятных факторов, части и подразделения Объединенной группировки войск смогли организовать достаточно устойчивую оборону в городе и удержать занимаемые участки и объекты. Ни один из созданных российскими войсками очагов обороны противник взять не смог. Даже железнодорожный вокзал был оставлен только после получения приказа от вышестоящего командования.

В тяжелейших условиях первых дней боев в Грозном российские солдаты и офицеры показывали ***примеры несгибаемой стойкости, мужества и героизма***. Так, в начале января 1995 года при отражении атаки смертников из «мусульманского батальона» на один из опорных пунктов группировки «Запад» в Заводском районе Грозного в ответ на крики террористов «Аллах акбар» десантники запели свою ротную песню и под ее слова вели неравный смертельный бой.

В другом случае одна из мотострелковых рот, оборонявшая высотное здание на улице Комсомольской (в районе городского цирка), в начале января 1995 года оказалась в окружении значительно превосходящих сил террористов. Не имея возможности вырваться, военнослужащие вели бой до последнего патрона, а когда они закончились, чтобы не сдаваться в плен, командир роты капитан Владимир Ч. вызвал огонь артиллерии на себя и наседавших со всех сторон боевиков. Раненый и контуженый он в бессознательном состоянии был схвачен бандитами и подвергся пыткам. Однако через двое суток, воспользовавшись моментом, когда противник спрятался в подвале от огня артиллерии, отважный офицер перетер связывавшие его веревки, выбрался через шахту лифта и бежал из плена. Позже за проявленные мужество и героизм он был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации[10].

Известен также факт, когда лейтенант с группой бойцов занял господствующее высотное здание в центре Грозного и, держа оборону, методично расстреливал оттуда боевиков. За то, чтобы он покинул это место, боевики предложили 100 тыс. долларов, но офицер боевой позиции не оставил[11].

Можно привести и такой пример верности присяге и войсковому братству. В январе 1995 года разведчики парашютно-десантного полка, захватившие и удерживавшие одно из тактически важных зданий в центре Грозного, несколько дней вели тяжелые бои в окружении значительно превосходящих сил противника. На третий день тяжелое ранение получил заместитель командира роты по воспитательной работе, ему срочно требовалась медицинская помощь. Ночью солдаты, скрытно пройдя через боевые порядки боевиков, на руках доставили офицера в место базового расположения полка, а сами вернулись в окруженный дом к своим боевым друзьям[12]. Подобных примеров бескорыстной взаимопомощи и риска собой ради товарищей было множество.

В докладе на сборе руководящего состава Вооруженных Сил РФ 28 февраля 1995 года командующий Объединенной группировкой войск генерал-полковник А.В. Квашнин высоко оценил мужество и стойкость российских военнослужащих — участников специальной операции: «Несмотря на тяжелейшие условия обстановки и мощнейший психологический прессинг со стороны боевиков, к чести наших солдат следует отметить, что ни один из них не пошел на сделку со своей совестью. Многие недостатки, недоработки в предыдущем строительстве нашей армии были перекрыты на войне в Чечне благодаря мужеству и героизму солдат и офицеров»[13].

Контрснайперское движение, зародившееся в ходе боев в Грозном и получившее свое дальнейшее развитие, позволило значительно снизить эффективность действий снайперов противника. Опыт показал, что с ними лучше всего способен бороться свой снайпер или снайперская группа. Использование для этой цели танков результативно только при ведении огня прямой наводкой непосредственно в ходе боя. Привлечение же артиллерии для ведения огня с закрытых огневых позиций лишь приводило к значительным разрушениям города, гибели гражданских лиц и практически не достигало своих целей, так как снайперы, произведя несколько выстрелов, обычно меняли свои позиции.

На основе вышеизложенного можно выделить **ряд особенностей подготовки и ведения оборонительных боев частями и подразделениями Объединенной группировки войск в Грозном в 1994—1996 годах**:

• к обороне федеральные войска переходили вынужденно, в связи с неблагоприятно складывавшейся обстановкой в условиях непосредственного соприкосновения с противником и под его воздействием;

• оборона носила очаговый характер (в отдельных кварталах, зданиях или на небольшой территории);

• боевые порядки частей и подразделений в обороне из-за недостатка сил и средств строились, как правило, в один эшелон с выделением резерва;

• оборонительные рубежи занимались по периметру удерживаемой территории;

• широко применялись взрывные и невзрывные инженерные заграждения (в том числе созданные из подручных материалов) на подступах к очагам обороны;

• при обороне здания создавалась комплексная, круговая, поэтажная система огня в сочетании с инженерными заграждениями;

• важнейшая роль в отражении атак боевиков принадлежала артиллерии;

• отмечалась высокая активность оборонявшихся подразделений и частей (маневр силами и средствами, организация встречных огневых засад и др.);

• широкое развитие получили контрснайперское движение, применение снайперских пар (групп) и другие способы борьбы со снайперами противника.

Успешное ведение оборонительных боев в городе было обусловлено, на наш взгляд, следующими основными факторами:

• постоянный поиск новых и совершенствование известных приемов и способов ведения боевых действий в условиях городской застройки;

• ведущая роль и личный пример офицеров, которые являлись цементирующей основой подразделений при ведении боя;

• превосходство в тяжелой технике и вооружении;

• умелая и своевременная подготовка отдельных зданий и районов обороны в инженерном отношении, что способствовало их удержанию и защите личного состава от огня противника;

• творческие, нешаблонные решения командиров частей и подразделений;

• твердое управление подразделениями (группами);

• четкое взаимодействие как внутри подразделений, так и с соседями и поддерживающими силами и средствами, особенно с артиллерией;

• использование ранее накопленного опыта ведения боевых действий в городских условиях;

• мужество, героизм, стойкость и отвага российских солдат и офицеров, достойное выполнение ими своего воинского долга.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые **просчеты и упущения, негативно влиявшие на эффективность боевых действий в городе**:

• первоначально слабая морально-психологическая готовность личного состава к ведению боевых действий на территории собственного государства;

• низкий уровень боеспособности и выучки некоторых частей и подразделений, привлеченных к проведению специальной операции;

• отсутствие необходимой полной и упреждающей информации о противнике, его тактике, возможном характере и особенностях предстоящих действий;

• встречавшаяся шаблонность принимаемых решений, стремление использовать классические формы и способы ведения боя;

• первоначально недостаточный учет специфики обстановки и тактики боевиков;

• устаревшие топографические карты и средства связи, что затрудняло управление частями и подразделениями, устойчивый обмен информацией как в открытом, так и в закрытом режимах;

• слабое, а иногда полное отсутствие взаимодействия между подразделениями различных видов ВС, родов войск и других силовых министерств (ведомств) РФ;

• неспособность некоторых командиров в звене взвод—рота действовать самостоятельно, без приказов свыше.

Глубокое осмысление, анализ и извлечение уроков из опыта, полученного при освобождении Грозного в 1995—1996 годах, позволили выработать **ряд рекомендаций по организации и ведению боя в городе (обороны здания) небольшими подразделениями и отдельными группами военнослужащих**.

Первое. Отражая атаки противника на удерживаемое здание, необходимо вести огонь, постоянно меняя позиции. Для стрельбы выбирать места в глубине помещений, по возможности за укрытиями и с опорой для оружия. Для наблюдения и поражения противника использовать не только проемы окон, но также пробоины и проломы в стенах.

Второе. При высокой плотности огня противника осматривать из здания поле боя целесообразно с помощью перископических приборов наблюдения, а при их отсутствии использовать зеркала. Достаточно эффективно себя зарекомендовали маленькие карманные зеркала (например, женская пудреница с зеркальцем). Закрепив ее на опоре (палка, штырь, проволока), можно вести наблюдение, находясь в укрытии.

Третье. При невозможности вести огонь из здания из подствольного гранатомета ГП-25 прямым выстрелом можно стрелять через проемы окон по навесной траектории.

Четвертое. Поражать цели из РПГ-7 допустимо не только с открытого пространства, но и из здания, например, с крыши или высунувшись из проема окна (фактически вдоль фасада дома).

Пятое. Нежелательно стрелять из автоматического оружия очередями, особенно длинными. Лучше вести беглый огонь одиночными выстрелами, уточняя наводку после каждого. Темп стрельбы при этом сохраняется достаточно высокий, а кучность значительно увеличивается по сравнению с ведением огня очередями.

Шестое. Целесообразно отказаться от использования трассирующих патронов, так как они вскрывают позицию стрелка. Лучше иметь снаряженный ими один магазин исключительно для целеуказания или обозначения при необходимости своего местонахождения.

Седьмое. При подготовке обороны здания (объекта) командиру подразделения следует провести ряд следующих первоочередных мероприятий:

• организовать постоянное круговое наблюдение;

• распределить личный состав «двойками» или «тройками» по этажам занимаемого строения (объекта);

• для повышения боеспособности и маневренности к расчетам пулеметов и автоматических гранатометов добавить по возможности еще по одному человеку;

• особое внимание обратить на занятие и оборудование угловых помещений;

• забаррикадировать все входы в здание, включая подвалы и проемы окон первого этажа, любыми подручными материалами, поставить в них противопехотные мины или гранаты на растяжках, разбросать на подступах к зданию битое стекло;

• для повышения маневренности группы внутри здания с помощью взрывчатых веществ проделать проломы в стенах смежных подъездов;

• организовать поэтажную (многоуровневую) систему огня;

• определить график дежурства и отдыха личного состава;

• установить связь со старшим начальником, организовать взаимодействие с подразделениями (группами), обороняющимися в соседних зданиях.

На основе исследования опыта, накопленного частями и подразделениями российских войск в ходе боев за Грозный в 1994—1996 годах, были выработаны и многие другие рекомендации по подготовке и ведению боевых действий в городских условиях, которые легли в основу последующих изменений некоторых положений теории и практики отечественного военного искусства и нашли отражение в боевых уставах.

Однако данный раздел военного искусства требует, на наш взгляд, дальнейшего развития, поскольку ведение напряженных боевых действий в условиях плотной городской застройки и в крупных населенных пунктах становится объективной реальностью современных военных конфликтов. В связи с этим военно-научным организациям и органам военного управления всех уровней следует больше внимания уделить анализу, обобщению позитивного опыта, изысканию и внедрению новых эффективных способов и приемов как ведения оборонительных боев в городе, так и его штурма (овладения) без существенных для своих войск потерь. Накопленный опыт и полученные знания также следует активнее внедрять в образовательный процесс слушателей и курсантов военных учебных заведений Министерства обороны и других силовых министерств и ведомств РФ.

Не должен оставаться в стороне и оборонно-промышленный комплекс страны, наращивая усилия по разработке и производству высокоэффективного вооружения, военной техники и специальных средств, в максимальной степени приспособленных к ведению городских боев. Прежде всего это касается создания тактического высокоточного оружия, робототехнических комплексов, ударных беспилотных летательных аппаратов, дальнобойных снайперских винтовок, технических средств разведки, приборов наблюдения и целеуказания, а также улучшения защищенности бронетехники и личного состава.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 1295. Оп. 10. Д. 2. Л. 5.

[2] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[3] ЦАМО. Ф. 102161. Оп. 1. Д. 7. Л. 53, 74, 75—76, 77, 84, 141.

[4] *Козлов С.* и др. Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. М.: Русская панорама, 2003. С. 428.

[5] ЦАМО. Ф. 6472. Оп. 50. Д. 1. Л. 21.

[6] ЦАМО. Ф. 101782. Оп. 24. Д. 1. Л. 90.

[7] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[8] *Антипов А.* Лев Рохлин: жизнь и смерть генерала. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 162.

[9] Там же. С. 163.

[10] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[11] *Новичков Н.Н.* и др. Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте: Анализ. Итоги. Выводы. Париж, М.: Холвег-Инфоглоб: Тривола, 1995. С. 53.

[12] Материалы из личного архива Б.А. Божедомова.

[13] Красная звезда. 1995. 2 марта.

О функционировании системы управления материально-техническим обеспечением группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ

Генерал-лейтенант А.В. ТОПОРОВ,
доктор экономических наук

Полковник А.В. БЫЧКОВ,
кандидат военных наук

Полковник запаса И.В. МУРМАНСКИХ

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ отдельных результатов исследования проблемных вопросов управления материально-техническим обеспечением (МТО) при развертывании и применении группировок Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), выявленных в ходе проведенных в 2019—2021 годах специальных учений с силами и средствами МТО Войск (Коллективных сил) ОДКБ «Эшелон».

ABSTRACT

The paper analyzes some results of research into problem issues of logistic support control when deploying and using Troop Groupings (Collective Forces) of the Collective Treaty Security Organization revealed in the course of the 2019—2021 special exercises codenamed Echelon with the LS forces and assets of the CSTO Troops (Collective Forces).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Войска (Коллективные силы), Коллективные миротворческие силы, материально-техническое обеспечение, Организация Договора о коллективной безопасности, система управления МТО.

KEYWORDS

Troops (Collective Forces), Collective Peacekeeping Forces, logistical support, Collective Security Treaty Organization, LS control system.

А.В. ТОПОРОВ, А.В. БЫЧКОВ, И.В. МУРМАНСКИХ

В ЗОНЕ ответственности Организации Договора о коллективной безопасности военно-политическая обстановка в последние годы обострилась во всех трех регионах коллективной безопасности.

Военный конфликт в Кавказском регионе коллективной безопасности между Азербайджанской Республикой и Республикой Арменией остановлен только в результате развертывания миротворческого контингента России.

Реализация проектов по усилению наступательного потенциала НАТО и расширение военного присутствия США в Европе создают реальные предпосылки к сохранению высокого уровня военно-политической напряженности в Восточно-Европейском регионе коллективной безопасности.

В Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности всплеску террористической активности способствовал вывод войск международной коалиции с территории Афганистана. Угроза национальной безопасности и суверенитету Республики Казахстан, вызванная, в том числе, вмешательством извне, потребовала от Совета коллективной безопасности ОДКБ направить в Республику Казахстан Коллективные миротворческие силы ОДКБ с целью стабилизации и нормализации обстановки[1].

На сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, в Душанбе, 16 сентября 2021 года подписан основополагающий документ в системе МТО сил и средств коллективной безопасности — Соглашение о совместном материально-техническом и медицинском обеспечении Войск (Коллективных сил) ОДКБ[2].

Своевременность и качество МТО развертывания и применения группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ напрямую зависит от своевременности развертывания соответствующей системы управления в регионе коллективной безопасности и ее готовности к функционированию[3]. При этом к системе МТО предъявляются требования упреждающего по отношению к войскам (силам) развертывания своих сил и средств[4], с учетом применения воинскими контингентами шести государств различающихся национальных уставных нормативно-правовых актов, норм содержания запасов материальных средств и т. п.

В этих условиях гарантированность материально-технического обеспечения группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ напрямую зависит от подготовленности и слаженности их многонациональных органов управления МТО.

Анализ нормативно-правовых актов ОДКБ и результаты исследований в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки позволили выявить ряд проблемных вопросов функционирования системы управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ (рис. 1) и выработать предложения по ее совершенствованию.

Анализ утвержденных типовых штатов командований группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ[5] показал, что в них не установлены конкретные военно-учетные специальности (ВУС) должностных лиц оперативного состава.

Так, например, отсутствие в составе органа управления МТО структур, отвечающих за коммунально-эксплуатационное и ветеринарно-санитарное обеспечение, экологическую и пожарную безопасность в сложных условиях жаркого климата в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах коллективной безопасности, неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки может привести к серьезным проблемам

Рис. 1. Проблемные вопросы функционирования системы управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ

в обеспечении жизнедеятельности воинских контингентов.

Практический опыт, полученный в ходе учений «Взаимодействие» и «Эшелон», показал, что для обеспечения непрерывности и оперативности управления, как правило, на практике формируется не отдел, предусмотренный штатом, а управление МТО, при этом численность органа управления наращивается минимум в 1,5 раза, до 20 человек.

На рисунке 2 представлены фрагменты работы органа управления МТО КСОР ОДКБ.

Опыт развертывания Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Республике Казахстан подтверждает необходимость формирования в органах управления МТО структур, отвечающих за организацию инженерно-аэродромного и аэродромно-технического обеспечения военно-транспортной авиации, в том числе и на аэродромах принимающего государства.

С учетом отечественного и зарубежного опыта МТО группировок войск (сил), действующих за пределами национальных территорий, целесообразно иметь в составе органа управления МТО группировки Войск (Коллективных сил) ОДКБ специалистов так называемой группы сопровождения контрактного обеспечения на поставку отдельных номенклатур материальных средств и оказание услуг.

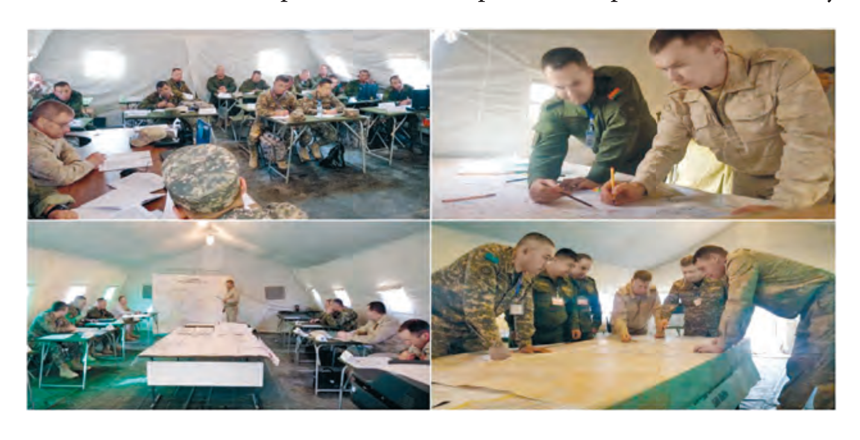

Рис. 2. Работа органа управления МТО КСОР ОДКБ на специальном учении «Эшелон-2021»

При планировании МТО в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки предполагается, что система МТО уже развернута, многонациональный орган управления МТО сформирован и готов к работе.

В то же время процесс оперативного развертывания подразумевает реализацию двуединой задачи: развертывание самой системы МТО и материально-техническое обеспечение развертывания коалиционной группировки (рис. 3).

Для выполнения этих задач особую роль на завершающем этапе развертывания группировки играют:

Рис. 3. Задачи системы МТО на этапе развертывания группировки Войск (Коллективных сил) ОДКБ в регионе коллективной безопасности

группы координации МТО от органов военного управления принимающего государства по вопросам использования инфраструктуры в интересах группировок ОДКБ и организации взаимодействия;

оперативные группы органов управления МТО государств — членов ОДКБ со средствами связи и автоматизации (рис. 4).

Так, с принятием решения Совета коллективной безопасности ОДКБ, в Республику Казахстан направлены оперативные группы от центральных органов военного управления МТО Вооруженных Сил Российской Федерации и Объединенного штаба ОДКБ для координации взаимодействия с оборонными ведомствами государств — членов ОДКБ, формирования и развертывания Коллективных миротворческих сил, организации МТО, размещения воинских контингентов и восполнения расхода материальных средств[6].

В дальнейшем оперативные группы целесообразно разместить на пункте управления МТО группировки на весь период операции до вывода воинских контингентов на национальные территории и предусмотреть организацию рабочих мест для них.

Опыт, полученный в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки, говорит о том, что формирование и развертывание органов управления МТО значительно осложняется отсутствием в Объединенном штабе ОДКБ именных списков военнослужащих, предназначенных на замещение должностей в органах управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ.

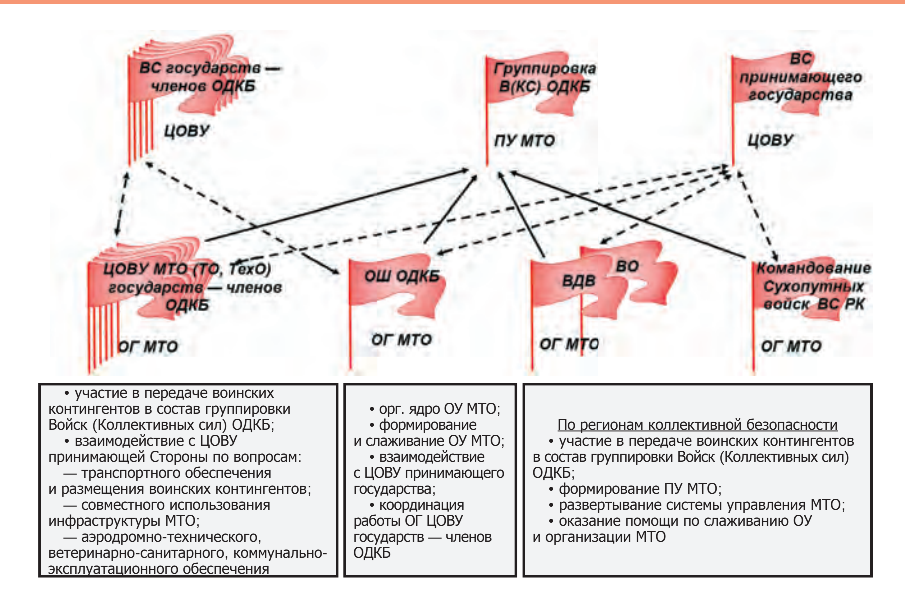

Рис. 4. Схема взаимодействия оперативных групп МТО при развертывании группировки Войск (Коллективных сил) ОДКБ (вариант)

При этом необходимо учитывать, что функционирование многонационального органа управления МТО коалиционной, межвидовой, межведомственной группировки требует знания оперативным составом обширной нормативно-правовой базы, уникальных национальных особенностей тылового и технического обеспечения воинских контингентов, принципов формирования и применения коалиционных группировок[7]. Отсюда — вторая группа проблемных вопросов: недостаточный уровень подготовки должностных лиц, выделяемых в органы управления МТО.

Для комплектования органов управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ необходимо закрепление конкретных военнослужащих в боевых расчетах органов военного управления, их выделяющих. Это позволит привлекать подготовленных должностных лиц к качественному планированию МТО оперативного развертывания группировок ОДКБ, на мероприятия совместной оперативной и боевой подготовки, к участию в профильных научно-практических конференциях.

В Объединенном штабе ОДКБ целесообразно проработать предложения по организации системной подготовки должностных лиц, предназначенных для комплектования органов управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ. Здесь в полной мере может быть использован потенциал базовой учебно-методической организации по подготовке военных кадров для государств — членов ОДКБ (по специальностям материально-технического (тылового и технического) обеспечения) — Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева[8,9].

Проявила себя и недостаточная унификация документов по управлению МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ. Причем решение этой проблемы, как показывает опыт, занимает длительное время, связанное с процедурами внутригосударственных и межгосударственных согласований.

Результаты исследований на учениях «Взаимодействие» и «Эшелон»[10,11]

показали, что состав, содержание и формы документов по управлению материально-техническим (тыловым и техническим) обеспечением группировок ОДКБ существенно различаются, понятийный аппарат по вопросам МТО требует унификации. Должностными лицами органов управления МТО используются привычные документы, в соответствии с национальными подходами к организации материально-технического (тылового и технического) обеспечения.

В 2019 году активизирована совместная работа Рабочей группы при СМО ОДКБ по вопросам МТО, которую возглавил заместитель Министра обороны Российской Федерации генерал армии Д.В. Булгаков[12], и Объединенного штаба ОДКБ по разработке основополагающих нормативно-правовых актов МТО, с привлечением базовой научно-исследовательской организации ОДКБ по вопросам МТО и национальных органов управления МТО оборонных ведомств государств — членов ОДКБ.

По решению начальника Штаба материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-лейтенанта В.В. Тришункина Научно-исследовательским институтом (военно-системных исследований МТО ВС РФ) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева по данному направлению была проведена научно-исследовательская работа «Обоснование направлений развития системы МТО Войск (Коллективных сил) ОДКБ».

В результате этой работы разработан проект Рекомендаций по МТО Войск (Коллективных сил) ОДКБ[13] с приложением форм документов по управлению МТО, совмещающих и учитывающих национальные подходы к организации материально-технического (тылового и технического) обеспечения группировок.

Подписанное в Душанбе Соглашение о совместном материально-техническом и медицинском обеспечении Войск (Коллективных сил) ОДКБ[14], как результат кропотливой работы Рабочей группы при Совете министров обороны ОДКБ и органов управления МТО, стало основой нормативно-правового регулирования процессов МТО коалиционных группировок.

После введения в действие Соглашения, для унификации и стандартизации процессов управления МТО продолжилась работа по согласованию и вводу в действие Рекомендаций по МТО Войск (Коллективных сил) ОДКБ, которые были апробированы сформированным многонациональным коллективом отдела МТО командования КСОР в ходе специального учения «Эшелон-2021».

По инициативе заместителя Министра обороны Российской Федерации генерала армии Д.В. Булгакова организована работа по согласованию проектов Положения о запасах материальных средств для обеспечения формирований Войск (Коллективных сил) ОДКБ и Рекомендаций о порядке проведения взаиморасчетов (взаимозачетов) за передаваемые материальные средства (предоставляемые услуги) между национальными контингентами Войск (Коллективных сил) ОДКБ[15].

Требует дальнейшей проработки вопрос автоматизации процессов управления МТО. Исследования, проведенные по заданию начальника Штаба МТО Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-лейтенанта В.В. Тришункина в ходе специальных учений, показали, что в качестве средств автоматизации на пунктах управления материально-техническим (тыловым и техническим) обеспечением воинских контингентов группировок ОДКБ используются разнотипные программно и информационно несовместимые изделия.

Для повышения оперативности обработки боевых документов необходимо обеспечение единого информационного пространства (ЕИП) пунктов управления командования и воинских контингентов группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ и формирование унифицированной формы входной и выходной информации взаимодействующих комплексов средств автоматизации (КСА)[16].

Опыт специальных учений с силами и средствами МТО Войск (Коллективных сил) ОДКБ показал, что органы управления МТО автоматизированными комплексами управления не оснащались. Обработка информации осуществлялась без возможности информационного обмена между должностными лицами органа управления МТО и подчиненными силами и средствами. Одним из путей решения данного вопроса может быть назначение конкретного подразделения связи для функционирования органа управления МТО группировки ОДКБ, с выделением требуемого количества автоматизированных комплексов управления, а также автоматизированных рабочих мест с установленной операционной системой *Astra Linux*, объединенных в ЕИП группировки.

Предлагаемые пути решения автоматизации управления МТО представлены на рисунке 5.

Рис. 5. Направления совершенствования АСУ МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ

Таким образом, сложившаяся в зоне ответственности ОДКБ военно-политическая обстановка обусловливает необходимость совершенствования в ближнесрочной перспективе вопросов комплектования органов управления МТО группировок Войск (Коллективных сил) ОДКБ, апробации, рассмотрения и принятия разработанных проектов нормативно-правовых актов по вопросам МТО.

В статье изложены только некоторые проблемные вопросы функционирования системы управления МТО. Отдельные вопросы требуют совместной проработки специалистами оборонных ведомств государств — членов ОДКБ во взаимодействии с базовой научно-исследовательской организацией ОДКБ в области исследования проблем МТО — Военной академией материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/zayavlenie-predsedatelya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-premer-ministra-respubliki-armeniya-n/#loaded (дата обращения: 06.01.2022).

[2] Соглашение о совместном материально-техническом и медицинском обеспечении Войск (Коллективных сил) ОДКБ. Душанбе: б.н., 2021.

[3] *Тришункин В.В., Топоров А.В., Бычков А.В., Мурманских И.В.* Система материально-технического обеспечения Войск (Коллективных сил) ОДКБ: современное состояние и перспективы развития: монография. СПб.: ВА МТО, 2020. С. 192.

[4] *Булгаков Д.В.* Современное состояние и перспективы развития системы материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации // Материально-техническое обеспечение ВС РФ. 2020. № 1. С. 4—12.

[5] Решение Комитета секретарей советов безопасности и Совета министров обороны Организации Договора о коллективной безопасности от 23 апреля 2014 года, от 10 июня 2014 года «О типовых структуре и штате Командования Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» М.: б.н., 2014.

[6] Оборонные ведомства обсудили обстановку в Казахстане и действия Коллективных миротворческих сил ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/oboronnye-vedomstva-obsudili-obstanovku-v-kazakhstane-i-deystviya-kollektivnykh-mirotvorcheskikh-sil/#loaded (дата обращения: 09.01.2022).

[7] *Тришункин В.В., Бычков А.В., Мурманских И.В.* Реализация опыта материально-технического обеспечения на удаленном театре военных действий Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности // Военная Мысль. 2021. № 2. С. 43—54.

[8] Протокол заседания Рабочей группы при Совете министров обороны ОДКБ по вопросам материально-технического обеспечения Войск (Коллективных сил) ОДКБ от 23 ноября 2021 г. М.: б.н., 2021.

[9] Положение о базовой учебно-методической организации по подготовке военных кадров для государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (по специальностям материально-технического (тылового и технического) обеспечения). М.: б.н., 2017.

[10] Отчет по итогам исследований на специальном учении с силами и средствами МТО Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ «Эшелон-2019». СПб.: ВА МТО, 2019.

[11] Отчет по итогам исследований на специальном учении с силами и средствами МТО Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ «Эшелон-2020». СПб.: ВА МТО, 2020.

[12] Решение Совета министров обороны Организации Договора о коллективной безопасности «О создании Рабочей группы при Совете министров обороны Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам материально-технического обеспечения Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности». Бишкек: б.н., 2019.

[13] Рекомендации по материально-техническому обеспечению Войск (Коллективных сил) Организации Договора о коллективной безопасности: проект. СПб.: ВА МТО, 2019.

[14] Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/zayavlenie-predsedatelya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-premer-ministra-respubliki-armeniya-n/#loaded (дата обращения: 06.01.2022).

[15] Рекомендации о порядке проведения взаиморасчетов (взаимозачетов) за передаваемые материальные средства (предоставляемые услуги) между национальными контингентами Войск (Коллективных сил) ОДКБ: проект. СПб.: ВА МТО, 2020.

[16] *Алексеев П.Н.* Проблемы и перспективы применения информационных технологий в деятельности органов военного управления // Военная Мысль № 11. 2021. С. 69—79.

Направление развития перспективного вооружения и средств радиационной, химической и биологической защиты с элементами искусственного интеллекта в системе автоматизации управления

Полковник Р.Ю. КОНДАУРОВ,
доктор военных наук

Подполковник Д.А. ГАНГАН,
кандидат военных наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются перспективы развития и применения современных образцов вооружения и средств, в том числе робототехнических комплексов войск радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты в единой системе автоматизированного управления войсками РХБ-защиты с возможностью внедрения в них технологий и элементов искусственного интеллекта. Предлагаются перспективные способы действий вооружения, средств и комплексов в интересах выполнения задач РХБ-защиты войск.

ABSTRACT

The paper looks at the development and employment prospects of modern specimens of armaments and assets, including robotechnical systems for the radiation, chemical and biological (RCB) protection troops within the system of automated control of RCB protection troops providing for introduction of artificial intelligence technologies and elements. It proposes advanced methods of action for armaments, assets and units in the interests of RCB protection of troops.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вооружение и средства радиационной, химической и биологической защиты, робототехнические средства и комплексы, оперативность обмена информацией, автоматизированные системы управления войсками, «облачные ресурсы».

KEYWORDS

Armaments and assets of radiation, chemical and biological protection, robotechnical systems and units, quick information exchange, automated systems of troops control, cloud resources.

ПРИНЯТИЕ в 2015 году «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» послужило своеобразным переходом к началу оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) современной военной техникой, создаваемой в том числе с применением принципов роботизации, цифровых технологий с элементами искусственного интеллекта (ИИ)[1].

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин не раз публично заявлял о том, что «механизмы искусственного интеллекта в военной сфере, функционирующие в режиме реального времени, обеспечивают оперативное принятие оптимальных решений на основе анализа гигантских объемов информации, что дает колоссальные преимущества перед противником по качеству и результативности действий»[2].

Утверждение в октябре 2019 года Указом Президента Российской Федерации № 490 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» совпало с запланированным руководством ВС РФ и успешно проведенным учением по испытанию единого боевого информационного контура Крымского полуострова.

Объединение нескольких автоматизированных систем управления (АСУ), в том числе воздушно-десантных войск (ВДВ), противовоздушной обороны (ПВО) и воздушно-космических сил (ВКС) позволили к настоящему времени создать, развернуть и обеспечить функционирование автоматизированной системы управления, объединившей в боевой контур все средства ПВО и авиацию полуострова. Под единое управление перешли истребители, бомбардировщики, штурмовики, боевые вертолеты, беспилотники, а также комплексы ПВО и радары, дислоцирующиеся на полуострове[3].

Необходимость развития технологий искусственного интеллекта и перевод их в военную сферу связаны со сложностью современных систем вооружений, с кратно возросшим объемом доступной информации о состоянии войск, как в мирное время в военных округах, так и в военное время на театрах военных действий, о состоянии и действиях противника, а в целом — с дальнейшим развитием концепции сетецентричной войны. Последняя предполагает информационную интеграцию всех сил и средств на поле боя, что позволяет им действовать в качестве единой системы, обмениваясь данными в режиме реального времени.

Главным «идеологическим» отличием технологий ИИ в военной сфере от традиционных цифровых решений (применения роботов военного назначения) является тот факт, что при выполнении задач они не опираются на логические схемы (алгоритмы и протоколы), заданные программистами, а сами выстраивают комплексные механизмы принятия решений («нейронные сети») на основе данных и задач, определенных в первую очередь условиями тактической (оперативной) обстановки.

Технологии ИИ, применяемые в военной сфере, отличаются от роботизации тем, что в их основе не лежит применение аппаратных средств, их цель — не автоматизация труда солдата в бою, а надежное и непрерывное выполнение многочисленных крупномасштабных компьютеризированных задач, требующих оперативного решения в боевой обстановке.

Войска РХБ-защиты, в связи с возлагаемыми на них задачами в мирное и военное время, не должны оставаться и не останутся в стороне от применения в своих интересах технологий и элементов ИИ.

В условиях существующей динамики оснащения войск РХБ-защиты перспективными образцами вооружения (рис. 1) к специфическим для них областям, требующим применения технологий и элементов ИИ, следует отнести:

- интеллектуальные системы поддержки принятия решений, обеспечивающие оперативное реагирование на изменение РХБ-обстановки как в мирное, так и в военное время;
- интеллектуальные системы и элементы управления вооружением и средствами войск РХБ-защиты;
- экспертные системы.

Рис. 1. Бронированная машина радиационной, химической и биологической разведки РХМ-8

Современные концепции ведения сетецентрических и мозаичных войн, «роевых» действий подразумевают не только вертикальную, но и горизонтальную интеграцию всех участников операции (боя). В части применения войск РХБ-защиты в данном случае речь идет не только о смене тактики их действий, но и о повышении роли информационного обмена между подразделениями данных войск и боевыми подразделениями (объектами).

В условиях ведения современных операций ускорение процессов обмена информацией особо актуально для подразделений радиационной, химической и биологической разведки и аэрозольного противодействия в связи с существующими взглядами противника на применение тактического ядерного оружия, развитием высокоточных вооружений, в первую очередь крылатых ракет воздушного и морского базирования, повышением роли космических средств разведки и поражения[4].

Возможно предположить, что на первых этапах ведения современных операций ключевое значение будет иметь не столько продвижение сухопутных войск, сколько их защита от нанесения противником молниеносных и высокоточных ударов, с дальнейшей оперативной концентрацией сил и средств на важнейших направлениях (районах), для нанесения сокрушительных ответных действий. В данных условиях оперативность обмена информацией, помноженная на скорость и синхронность управления войсками РХБ-защиты, будет играть ключевую роль в достижении объединениями, соединениями и частями целей операции.

Наращивание возможностей соединений, частей и подразделений войск РХБ-защиты обеспечивается посредством создания современной системы выявления и оценки масштабов и последствий применения противником оружия массового поражения (ОМП), интегрированной с автоматизированными системами управления войсками и оружием и устойчиво функционирующей в ус-

На первых этапах ведения современных операций ключевое значение будет иметь не столько продвижение сухопутных войск, сколько их защита от нанесения противником молниеносных и высокоточных ударов, с дальнейшей оперативной концентрацией сил и средств на важнейших направлениях (районах), для нанесения сокрушительных ответных действий. В данных условиях оперативность обмена информацией, помноженная на скорость и синхронность управления войсками РХБ-защиты, будет играть ключевую роль в достижении объединениями, соединениями и частями целей операции.

ловиях применения отдельных видов ОМП и высокоточного оружия (ВТО).

Внедрение автоматизации в процесс управления войсками РХБ-защиты за счет применения высокоскоростных персональных ЭВМ и облачных ресурсов с применением элементов ИИ в обозримом будущем позволит существенно сократить время на сбор, обработку и выдачу в органы управления объединений (соединений) данных о РХБ-обстановке в реальном масштабе времени, в разы уменьшить долю времени и усилий, затрачиваемых должностными лицами на техническую и расчетно-информационную работу при выполнении задач РХБ-защиты войск, повысить качество вырабатываемых предложений по действиям войск (сил), значительно уменьшить затраты и время доведения задач до подразделений войск РХБ-защиты с одновременным их документированием и архивированием в общей облачной базе электронного документооборота на серверах оперативного отдела объединения.

Передача и обмен данными РХБ-обстановки в автоматизированном режиме с применением элементов искусственного интеллекта исключают необходимость участия в данном процессе человека, имеют неоспоримые преимущества перед речевым обменом информации с точки зрения устойчивости, оперативности и скрытности управления. Перспективные бортовые комплексы обмена данными — разведывательные химические машины РХМ-8, 9, комплексы сбора и обработки информации УКСОД-Т, совместно с информационно-навигационной и управляющей из единого центра системой обеспечивают органы управления необходимыми данными для принятия решений на действия войск в условиях радиационного, химического и биологического заражения.

В перспективе наличие в стратегическом, оперативном и тактическом звеньях войск достаточного количества технических средств (вооружения, военной и специальной техники, дронов, робототехнических средств и комплексов) обеспечит формирование беспроводной единой информационно-коммуникационной сети, являющейся основой функционирования искусственного интеллекта — важного программного компонента в едином информационном пространстве, способного кроме прочих задач решать задачу выявления и оценки РХБ-обстановки.

В этих условиях вся необходимая информация для организации и планирования РХБ-защиты войск будет концентрироваться на электронных носителях (серверах), сведенных в единый информационный ресурс командующего объединением (командира соединения)[5].

Подключение к единому электронному ресурсу должностных лиц, отвечающих за организацию РХБ-защиты в различных звеньях управления войск предоставит им возможность оперативного использования элементов общей и частной обстановки методом удаленного доступа с мобильных или стационарных автоматизированных рабочих мест начальника войск РХБ-защиты объединения (соединения).

В перспективе идея использования элементов ИИ будет реализована в принятом на снабжение войск РХБ-защиты комплексе дистанционного управления дымопуском, обеспечивающем в автоматическом режиме раскладку на местности и приведение в действие перспективных дымовых шашек, обеспечивающих снижение заметности войск и объектов не только в видимом и инфракрасном, но и в радиолокационном диапазонах длин волн, что особо актуально в ходе применения противником высокоточного оружия, в том числе крылатых ракет воздушного базирования (рис. 2).

Существующая динамика оснащения огнеметных подразделений войск РХБ-защиты робототехническими комплексами, обладающими элементами ИИ, приведет к повышению эффективности их применения в условиях ведения сетецентрических боевых действий за счет интеграции автоматизированных средств управления огнеметными подразделениями в единую автоматизированную систему огневого поражения тактического и оперативно-тактического звеньев войск, функционирующую в едином информационно-коммуникационном пространстве и поддерживаемую искусственным интеллектом. Создание и принятие на вооружение войск РХБ-защиты штурмового тяжелого робототехнического комплекса огнеметных подразделений, оснащенного элементом ИИ, позволяющим проводить разведку и уничтожение целей, позволит использовать его в составе боевого огневого контура общевойскового соединения XXI века.

Оснащение тяжелых огнеметных подразделений на базе ТОС-2 пер-

Рис. 2. Комплекс дистанционного управления дымопуском

спективными автоматизированными системами управления, а также увеличение их состава в значительной мере расширят рамки их применения в бою и операции (рис. 3). Имея в своем боекомплекте боеприпасы различного состава (кассетного и моноблочного) и назначения (термобарический, зажигательный, дымовой), тяжелые огнеметные подразделения будут способны обеспечить нанесение поражения не только площадным, но и одиночным целям, расположенным в глубине обороны противника.

Рис. 3. Тяжелая огнеметная система (ТОС-2)

С принятием на снабжение войск РХБ-защиты наземного многофункционального робототехнического комплекса (МРК-РХБЗ), обладающего элементами ИИ, будет реализована идея совместного (группового) применения наземных и воздушных робототехнических средств в интересах решения задач РХБ-защиты в условиях аварий (разрушений) РХБ-опасных объектов (рис. 4). Управляемые ИИ комплексы беспилотных летательных аппаратов обеспечат ведение радиационной и химической разведки, поиск источников ионизирующих излучений в районах аварий, в условиях сильно пересеченной, непроходимой местности, дефиците времени, отводимого на решение задач разведки, а также ведение визуальной разведки и визуального управления действиями наземных роботов, обеспечивающих выполнение наиболее сложных работ на аварийно-опасных объектах.

В настоящее время профессорско-педагогический состав академии активно участвует в реализации стратегических национальных проектов, в том числе и в области научно-технологического развития.

В рамках научно-исследовательской работы «Нейрон» проводятся исследования поисковых и прикладных вопросов по:

- определению основных направлений развития и внедрения технологий искусственного интеллекта военного назначения (ИИ ВН) в систему автоматизации управления образцами ВВСТ войск РХБ-защиты;
- повышению автономности робототехнических комплексов войск РХБ-защиты за счет применения в них технологий ИИ ВН;
- разработке проекта концепции развития ИИ ВН войск РХБ-защиты на период до 2033 года.

Рис. 4. Наземный многофункциональный робототехнический комплекс (МРК-РХБЗ)

Таким образом, оснащение войск РХБ-защиты новыми образцами вооружения и военной техники с элементами искусственного интеллекта в системе автоматизации управления обеспечит возможность их группового применения в интересах сил общего назначения, позволит к 2030 году принципиально изменить всю систему вооружения и средств РХБ-защиты. Выполнение данной задачи планируется осуществлять исходя из четкого понимания задач, стоящих перед войсками РХБ-защиты как в мирное время, так и в ходе ведения современных вооруженных конфликтов (войн), с учетом общих направлений развития ВС РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Минобороны РФ создаст управление по искусственному интеллекту // Известия. 2021. 31 мая. URL: https://iz.ru/1171694/2021-05-31/minoborony-rf-sozdast-upravlenie-po-iskusstvennomu-intellektu (дата обращения: 08.09.2021).

[2] Россия неожиданно вырвалась вперед в развитии военного искусственного интеллекта // C-news. 2021. 26 мая. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-05-26_ssha_rossiya_neozhidanno_vyrvalas (дата обращения: 08.09.2021).

[3] Десант на автомате: В Крыму испытали умную систему управления огнем // Известия. 2019. 23 июня. URL: https://iz.ru/900825/aleksei-kozachenko/desant-na-avtomate-v-krymu-ispytali-umnuiu-sistemu-upravleniia-ognem (дата обращения: 08.09.2021).

[4] Памятная бригада: генералам поможет искусственный интеллект // Известия. 2019. 13 ноября. URL: https://iz.ru/941925/aleksei-ramm-aleksei-kozachenko-roman-kretcul/pamiatnaia-bigdata-generalam-pomozhet-iskusstvennyi-intellekt (дата обращения: 08.09.2021).

[5] Минобороны создает военное облачное хранилище // Известия. 2018. 5 июля. URL: https://iz.ru/751658/aleksandr-kruglov-aleksei-ramm-bogdan-stepovoi/minoborony-sozdaet-voennoe-oblachnoe-khranilishche (дата обращения: 08.09.2021).

Об оценке вклада группировки сил и средств радиоэлектронной борьбы в снижение боевого потенциала противника

Генерал-майор В.Е. ХАРЧЕНКО,
кандидат военных наук

Подполковник Р.П. КАЛУЦКИЙ

АННОТАЦИЯ

Предложена методика оценки вклада группировки сил и средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) в снижение боевого потенциала противника, которая представляет собой инструмент перевода боевых возможностей формирований радиоэлектронной борьбы на расчетные боеприпасы. Методика позволит расширить границы применения оперативно-тактических расчетов по радиоэлектронной борьбе при планировании операций (боевых действий).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Радиоэлектронная борьба, боевые возможности, боевые потенциалы, расчетные боеприпасы, сфера ведения военных действий.

ABSTRACT

The paper offers a methodology of assessing the contribution of the grouping of EW forces and assets to reducing the combat potential of the adversary; the methodology is an instrument of translating the combat capacity of EW formations into estimated ammunition. It will help expand the limits of using operational-tactical EW calculations when planning operations (combat actions).

KEYWORDS

Electronic warfare, combat capacity, combat potentials, estimated ammunition, combat sphere.

ОБ ОЦЕНКЕ ВКЛАДА ГРУППИРОВКИ СИЛ И СРЕДСТВ РАДИОЭЛЕКТРОННОЙ БОРЬБЫ В СНИЖЕНИЕ БОЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОТИВНИКА

В СОВРЕМЕННОЙ войне степень реализации боевых возможностей группировок войск (сил) в значительной мере зависит от устойчивой работы информационно-управляющих систем, интегрированных в космические, воздушные, морские и наземные группировки сил и средств разведки, управления, связи и навигации.

Каждая из противоборствующих сторон при ведении военных действий стремится к достижению превосходства в управлении войсками и применении оружия, в том числе снижению эффективности функционирования радиоэлектронных объектов противника и обеспечения устойчивости работы своих информационно-управляющих систем.

В последние годы российские военные специалисты в отдельную сферу ведения военных действий (наряду с наземной, воздушно-космической и морской) выделяют **информационную сферу**. Одной из ключевых составляющих ведения противоборства в этой сфере, безусловно, является воздействие на информационно-технические объекты противника. В первую очередь подобные воздействия могут оказывать средства радиоэлектронного поражения различного функционального назначения (радиоэлектронного подавления, разрушения информации специальным программным воздействием и уничтожения носителей и средств передачи (обработки, хранения) информации электромагнитным излучением).

Аналогичное направление развития вооруженной борьбы широко освещено не только российскими учеными, но и руководящими документами вооруженных сил США и НАТО[1]. Так, действующими наставлениями вооруженных сил США, раскрывающими сущность и содержание понятия «электромагнитная война», в качестве сферы ведения военных действий выделяется **электромагнитный спектр**[2]. С появлением этих документов военно-теоретические исследования российских ученых посвящены обсуждению стратегии планирования и проведения вооруженными силами стран НАТО совместных операций в новой сфере ведения военных действий.

Важность выделения электромагнитного спектра в особую область ведения вооруженного противоборства можно подкрепить цитатой 1973 года адмирала Флота СССР С.Г. Горшкова в опубликованном в 2014 году Наставлении вооруженных сил США JP 3-85: «Следующую войну выиграет та страна, которая лучше всего использует электромагнитный спектр»[3].

Кроме вооруженных сил США и НАТО вопросам ведения противоборства в электромагнитном спектре уделено большое внимание и в вооруженных силах других стран. Так, в последнее десятилетие представителями Народно-освободительной армии Китая (НОАК) отмечается бурный процесс интеграции информационных технологий в ход ведения военных действий. Для купирования угроз в информационном пространстве, управления навигационным обеспечением и ведения космической разведки в декабре 2015 года в составе НОАК на одном уровне с другими видами вооруженных сил появился новый вид — **«Силы стратегической поддержки»**[4]. Возможности нового вида вооруженных сил увеличены за счет синергетического эффекта при объединении под единое командование сил и средств контроля и воздействия различных родов войск, действующих в электромагнитном и киберпространствах. Это обеспечит, по мнению китайской

стороны, возможность достижения превосходства над противником в информационной сфере.

Такой подход свидетельствует о схожести взглядов в формировании боевого пространства для ведения военных действий и выделения информационной сферы как особой среды ведения вооруженного противоборства, а средств радиоэлектронного поражения — как ключевого инструмента в достижении цели по завоеванию превосходства в новой сфере ведения военных действий. Особенность применения оружия в электромагнитном сегменте новой сферы заключается в том, что непосредственно среда распространения электромагнитных волн, в которой воздействие со скоростью света возможно на любой радиоэлектронный объект, расположенный в пределах боевого пространства, является средством поражения.

Степень реализации боевого потенциала любой группировки войск (сил) неразрывно связана с боевыми возможностями входящих в эту группировку подсистем (наступательной, оборонительной, управляющей и обеспечивающей). В ходе расчетов общего боевого потенциала группировки войск (сил) оценка вклада каждого вида Вооруженных Сил в конечный показатель учитывается как слагаемое ущербов, наносимых в различных сферах ведения военных действий, но только тех группировок, которые наносят физическое поражение противнику. Поражающие действия средств разрушения информации электромагнитным импульсом и специальным программным воздействием, включенных в радиоэлектронные удары и систематические действия группировок сил и средств РЭБ, по разрушающему эффекту приравниваются к огневому поражению.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о необходимости выделения составной части радиоэлектронной борьбы — радиоэлектронного поражения из обеспечивающей подсистемы в наступательную. Объективность данного суждения подкрепляется включением в содержание армейских операций радиоэлектронных ударов наравне с действиями группировок ракетных войск и артиллерии, армейской авиации и других группировок, наносящих огневое поражение противнику.

Стоит уточнить, что действия сил и средств комплексного технического контроля, выполнение органами военного управления мероприятий по противодействию техническим средствам разведки и защиты от радиоэлектронного поражения противника, обеспечение электромагнитной совместимости радиоэлектронных средств должны учитываться при проведении оперативно-тактических расчетов в рамках боевых и обеспечивающих действий соединений и воинских частей специальных войск.

Значимость оценки эффективности радиоэлектронной борьбы в операциях непрерывно повышается. Это определяется прежде всего тем, что результаты прогнозирования вклада группировки сил и средств РЭБ в снижение боевого потенциала противника могут существенным образом влиять на принимаемые органами военного управления решения. Затрагивая сущность и содержание понятия эффективности РЭБ в операциях (боевых действиях), необходимо отметить, что ее принято оценивать совокупностью общих и частных показателей. В теории эффективность РЭБ характеризуется снижением способности системы управления противника функционировать в условиях радиоэлектронного и огневого поражения (захвата, вывода из строя) радиоэлектронных объектов. При этом в качестве показателей эффективности ис-

пользуются степени дезорганизации управления противника: **сорвано**, **нарушено**, **затруднено**[5]. В соответствии с руководящими документами общие показатели эффективности применения сил и средств РЭБ (выполнения мероприятий РЭБ) определяются при дезорганизации управления войсками (силами) и оружием противника, в ходе защиты своих войск и объектов от управляемого оружия, а также должны **учитывать вклад в реализацию боевого потенциала** своей группировки.

Ведущими военными учеными нашей страны неоднократно проводилась оценка вклада группировок сил и средств РЭБ в реализацию боевого потенциала войск (сил). Анализ существующих методов оценки эффективности позволил выявить недостатки, ограничивающие возможности их применения в практике войск, штабов и научных организаций Министерства обороны. Исходя из опыта применения сил и средств РЭБ на мероприятиях оперативной подготовки, а также в вооруженных конфликтах, становится понятно, что существующий подход к оценке эффективности РЭБ не может быть в полной мере реализован в ходе работы пункта управления радиоэлектронной борьбой. Рассчитать вклад, вносимый группировками сил и средств РЭБ в реализацию боевого потенциала, применяя имеющийся инструмент оценки эффективности РЭБ при выполнении оперативных задач стратегической (армейской) и других операций, не представляется возможным. Целесообразно упомянуть, что вклад группировок видов и родов войск (сил) характеризуется общепринятыми универсальными расчетными единицами поражения противника — **расчетными боеприпасами**.

При совместном применении разновидовых (разнородных) средств поражения (подавления) возникает необходимость четкого согласования сил и средств по цели, месту, времени и решаемым задачам совместного использования и, как следствие, выбора методов оценки эффективности различных поражающих воздействий с учетом их взаимного отягощения.

Возникает необходимость разработки такого показателя эффективности ведения РЭБ, который учитывал бы вклад сил и средств РЭБ группировки войск (сил) в изменение соотношений боевых потенциалов своих войск и противника, был универсальным и мог использоваться при проведении оперативно-тактических расчетов. В зависимости от целей и задач операции вклад разнородных сил и средств поражения различен и определяется их **долевым участием**[6]. Степень радиоэлектронного поражения противника, как и огневого, должна выражаться долей ущерба, полученного в результате воздействия, т. е. необходимо дать количественную оценку выполненной работы, определить ее результат. Следовательно, в качестве показателя эффективности применения сил и средств РЭБ может выступать **доля ущерба**, нанесенного группировке

В соответствии с руководящими документами общие показатели эффективности применения сил и средств РЭБ (выполнения мероприятий РЭБ) определяются при дезорганизации управления войсками (силами) и оружием противника, в ходе защиты своих войск и объектов от управляемого оружия, а также должны учитывать вклад в реализацию боевого потенциала своей группировки.

противника в результате радиоэлектронного поражения его объектов.

Долевое участие группировки сил и средств РЭБ — это относительная величина возможностей группировки сил и средств РЭБ по поражению радиоэлектронных объектов противника по отношению к общим возможностям средств поражения группировки войск (сил). При этом в отличие от средств огневого поражения, ресурс боеприпасов которого ограничен, ресурс группировки сил и средств РЭБ можно принимать как «условно неснижаемый».

Для расчета доли ущерба ($\Delta W_{РЭБ}$ — приращение относительной величины снижения боевого потенциала группировки противника), нанесенного группировке противника в результате радиоэлектронного поражения, справедливо следующее отношение:

$$\Delta W_{РЭБ} = \frac{W_{РЭБ}}{W_{Г}} 100\,\%, \qquad (1)$$

где: $W_{РЭБ}$ — ущерб, нанесенный противнику силами и средствами радиоэлектронной борьбы;

$W_{Г}$ — ущерб, нанесенный противнику всей группировкой войск (сил), выражаемый через математическое ожидание снижения боевого потенциала группировки противника.

Под поражением объекта понимают событие, состоящее в полной, частичной или временной потере его работоспособности (боеспособности), наступившее в результате целенаправленного воздействия средств поражения. Частным случаем является радиоэлектронное поражение, которое сохраняет его механическую целостность при одновременном снижении работоспособности сверх допустимых пределов. Степень снижения интенсивности функционирования объекта, его возможностей и (или) изменение состояния определяется нанесенным ему ущербом. Будем считать, что пункт управления выведен из процесса управления при условии комплексного воздействия на него средствами радиоэлектронного подавления системы связи, разрушения средствами специального программного воздействия и повреждения средствами электромагнитного излучения радиоэлектронных объектов.

В основе предлагаемого способа оценки лежит гипотеза о том, что воздействие сил и средств РЭБ на радиоэлектронный объект эквивалентно огневому поражению со степенью «подавлено». То есть радиоэлектронное поражение проявляется в выигрыше времени, которое противник тратит на восстановление боеспособности пункта управления. Таким образом, существует возможность «физически» оценить результат воздействия группировки сил и средств РЭБ на радиоэлектронные объекты и представить его в универсальных расчетных единицах, применяемых в ходе проведения оперативно-тактических расчетов.

Для определения ущерба, нанесенного противнику группировкой сил и средств радиоэлектронной борьбы, в расчетных боеприпасах предлагаем использовать выражение:

$$W_{РЭБ} = \sum_{i=1}^{M} N_{ПУ i} W_i, \qquad (2)$$

где: $N_{ПУi}$ — количество пунктов управления i-го уровня;

W_i — ущерб, нанесенный группировкой сил и средств радиоэлектронной борьбы пункту управления;

M — количество уровней управления, на которые оказывает воздействие создаваемая группировка сил и средств РЭБ объединения (соединения).

Из алгоритма работы пункта управления РЭБ объединений (соединений) следует, что при подготовке предложений в замысел операции формируется перечень важнейших радиоэлектронных объектов противника, поражение (нарушение функци-

онирования) которых обеспечит существенное снижение возможностей по управлению войсками (силами) и оружием. В мирное время на пунктах управления РЭБ объединений (соединений) с целью сбора наиболее полной и достоверной информации о радиоэлектронных средствах на важнейших радиоэлектронных объектах противника целесообразно разрабатывать **радиоэлектронные паспорта объектов РЭБ** (рис. 1).

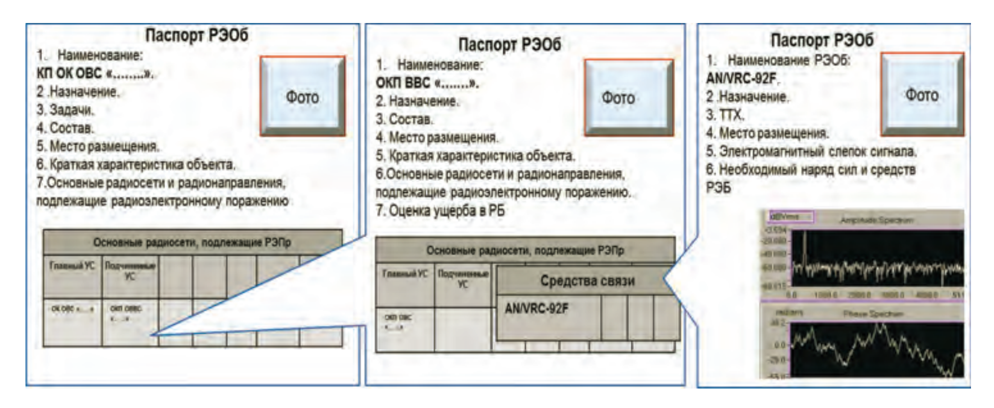

Рис. 1. Радиоэлектронный паспорт объекта РЭБ

Радиоэлектронный паспорт должен представлять собой описание пункта управления как объекта РЭБ с указанием типов радиоэлектронных средств, их количества, назначения, принадлежности к информационно-управляющим системам[7], тактико-технических характеристик, количества используемых радиосетей в каждом диапазоне длин волн и других необходимых данных.

Опираясь на информацию радиоэлектронного паспорта, ущерб, нанесенный группировкой сил и средств радиоэлектронной борьбы пункту управления выбранного уровня (рис. 2), выраженный в расчетных боеприпасах, можно получить на основе выражения:

$$W_i = \left(\frac{J P_{\text{РЭС}}^{\text{СПВ}} + K P_{\text{РЭС}}^{\text{ЭМИ}} + \sum_{l=1}^{L} P_{\text{РЭС}l}^{\text{РЭП}}}{N_{\text{РЭС}}} \right) N_{\text{бп}i}, \quad (3)$$

где: $P_{\text{РЭС}}^{\text{СПВ}}$, $P_{\text{РЭС}}^{\text{ЭМИ}}$, $P_{\text{РЭС}}^{\text{РЭП}}$ — вероятности радиоэлектронного поражения радиоэлектронных средств пункта управления средствами специального программного воздействия, электромагнитного излучения и радиоэлектронного подавления;

J, K, L — количество РЭС, поражаемых средствами специального программного воздействия, электромагнитного излучения, радиоэлектронного подавления (радиосети КВ-, УКВ- радиосвязи и т. д.) соответственно;

$N_{\text{РЭС}}$ — общее количество РЭС, разворачиваемых на пункте управления;

$N_{\text{бп}i}$ — количество расчетных боеприпасов, используемых средствами огневого поражения для вывода из строя пункта управления.

Под поражением объекта понимают событие, состоящее в полной, частичной или временной потере его работоспособности (боеспособности), наступившее в результате целенаправленного воздействия средств поражения. Частным случаем является радиоэлектронное поражение, которое сохраняет его механическую целостность при одновременном снижении работоспособности сверх допустимых пределов.

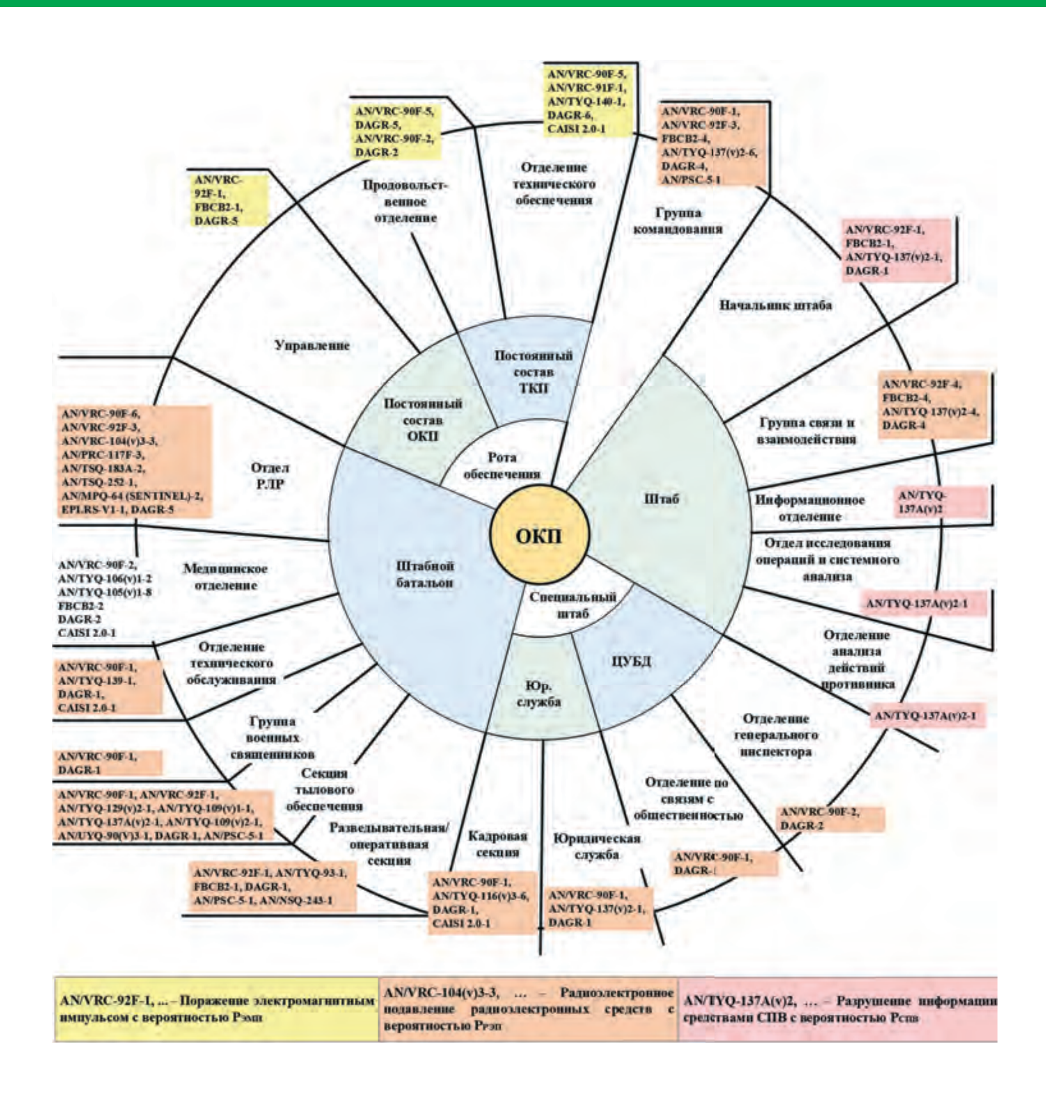

Рис. 2. Распределение радиоэлектронных средств ОКП *мд* США

Оценку боевых возможностей предполагаемых группировок сил и средств РЭБ можно дать уже в мирное время, с занесением соответствующих показателей в радиоэлектронные паспорта. Заблаговременное определение необходимого расчета сил и средств РЭБ на типовой радиоэлектронный объект служит дополнительным инструментом сокращения времени при планировании радиоэлектронного и огневого поражения противника (в том числе обоснования состава группировок сил и средств РЭБ при выполнении оперативных задач).

С учетом применения метода экспертных оценок, проведенного опросом специалистов в области применения группировок войск (сил) различного масштаба, опыта проведения мероприятий оперативной подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также анализа локальных войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий предлагается принять следующие критерии эффективности применения группировки сил и средств радиоэлектронной борьбы, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Оценка эффективности применения группировки сил и средств радиоэлектронной борьбы в операции

Показатель эффективности	Доля ущерба	Качественная характеристика долевого участия группировки сил и средств РЭБ
Долевое участие группировки сил и средств РЭБ	$\Delta W_{РЭБ} < 3\ \%$	СЛАБАЯ
	$3\ \% \le \Delta W_{РЭБ} < 6\ \%$	ДОСТАТОЧНАЯ
	$6\ \% \le \Delta W_{РЭБ}$	НАДЕЖНАЯ

Таким образом, предлагаемый подход к определению доли ущерба, наносимого войсками РЭБ противнику, позволяет:

• наиболее полно оценить эффективность ведения РЭБ в операции;

• количественно определить влияние сил и средств РЭБ на ход и исход операции;

• оценить объем задач, выполняемый группировкой сил и средств РЭБ в операции, а также ее вклад в разгром противника.

Предложенный подход оценки вклада группировки сил и средств РЭБ в снижение боевого потенциала органично вписывается в порядок работы элементов командного пункта при подготовке операции и обеспечивает представление необходимых исходных данных за войска РЭБ в группы центра боевого управления командных пунктов объединений (соединений).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Хомутов А.В.* О противодействии противнику в условиях ведения им «Многосферных операций» // Военная Мысль. 2021. № 5. С. 27—42.

[2] Department of Defense. Electromagnetic Spectrum Superiority Strategy. October 2020. Oct/29/2002525927/-1/-1/0/ELECTRO-MAGNETIC_SPECTRUM_SUPERIORITY_STRATEGY.PDF (дата обращения: 09.03.2022).

[3] JP 3-85 Joint Electromagnetic Spectrum Operations / Joint Chiefs of Staff, 2020. 148 p.

[4] *Кировец А.* Реформирование Народно-освободительной армии Китая // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 1. С. 11—16.

[5] *Анохин В.А., Холуенко Д.В.* Методические основы оценки эффективности дезорганизации сетецентрических информационно-управляющих систем // Военная Мысль. 2020. № 12. С. 92—99.

[6] *Буравлев А.И., Брезгин В.С.* Методика оценки ущерба при имитационном моделировании огневого поражения объектов // Вооружение и экономика. 2012. № 5 (21). С. 13—21.

[7] *Яковицкий С.А., Галов С. Ю., Ступак Н.Л.* Альбом схем штаб армейского корпуса и штаб дивизии сухопутных войск США: учеб. пособие. СПб.: ВАС, 2018. 70 с. (FKSM 71-8. ARMOR/CAVALRY REFERENCE DATA. HEAVY AND INFANTRY BRIGADE COMBAT TEAMS. June 2007. (дата обращения: 09.03.2022).

Повышение эффективности огня артиллерии применением метода пассивной пеленгации снаряда в ходе пристрелки цели

Полковник запаса В.В. КОЗЛОВ,
доктор технических наук

Капитан М.Ю. МУХИН

АННОТАЦИЯ

Представлены: обоснование необходимости создания перспективного пристрелочного огневого комплекса, его структурная схема и рекомендации по боевому применению.

ABSTRACT

The paper justifies the need to make an advanced targeting fire unit, and gives its structural diagram and recommendations for combat employment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Перспективный пристрелочный огневой комплекс, снаряд с радиоизлучающим пристрелочным модулем, радиолокационная станция пеленгаторного типа, эффективность.

KEYWORDS

Advanced targeting fire unit, shell with radio-emitting targeting module, radar station of direction finder type, effectiveness.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ огня артиллерии в общем понимании характеризуется мерой соответствия достигнутых результатов стрельбы поставленной огневой задаче. Для достижения требуемых результатов каждой отдельной стрельбы необходимо обеспечить выполнение условий их получения.

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на эффективность огня, является точность определения установок для стрельбы на поражение.

В артиллерии основным способом определения установок для стрельбы принято считать полную подготовку, поскольку данные, полученные на ее основе, позволяют поражать цели без пристрелки. На основании показателей точности полной подготовки, рассчитаны нормы расхода снарядов и выработаны способы обстрела различных типов целей.

Однако в боевой обстановке выполнение всех мероприятий, предусмотренных условиями полной подготовки, затруднено.

Во-первых, постоянный дефицит времени на проведение всех необходимых мероприятий по подготовке стрельбы и управления огнем.

Во-вторых, техническое обеспечение проведения метеорологической и баллистической подготовок стрельбы, оказывающих наибольшее влияние на точность полной подготовки, не соответствует современным требованиям.

Опыт современных локальных войн и боевых действий показывает, что артиллерийские подразделения должны открывать огонь на поражение практически сразу же после занятия боевого порядка.

Необходимо внедрить в практику способ определения установок, позволяющий практически сразу, с занятием боевого порядка, открывать огонь на поражение с точностью, не ниже заданной требованиями полной подготовки.

Проведем анализ характеристик точности существующих методов (способов) пристрелки цели, условий перехода стрельбы на поражение, корректирования стрельбы на поражение и причин, вызывающих ее проведение, а также временных характеристик существующих способов пристрелки.

Пристрелку целей осуществляют по измеренным отклонениям или по наблюдению знаков разрывов. К стрельбе на поражение после пристрелки переходят, когда:

$$R_{д1} \leq 2{,}5\ B_{д};$$
$$R_{Н1} \leq 2{,}5\ B_{б},$$

где: $B_{д}$ — срединное отклонение по дальности;

$B_{б}$ — срединное отклонение по направлению;

$R_{д1}$ — срединная ошибка пристрелки по дальности;

$R_{Н1}$ — срединная ошибка пристрелки по направлению.

Однако для повышения эффективности необходимо корректировать огонь при стрельбе на поражения до достижения показателей:

$$R_{д1} \leq 1\ B_{д};$$
$$R_{Н1} \leq 1\ B_{б}.$$

Таким образом, очевидно, что для получения требуемой эффективности при традиционных способах пристрелки необходимо проводить еще и корректирование огня в ходе стрельбы на поражение.

Анализ способов пристрелки и определения корректур показывает, что точность пристрелки (корректур) зависит от достоверности определения положения цели ($E_{дц}$, $E_{нц}$), величины технического рассеивания ($B_{д}$, $B_{б}$) и точности засечки снарядов ($E_{дс}$, $E_{нс}$).

Если говорить о временных характеристиках существующих способов пристрелки, то становится очевидным, что батарея (дивизион), обнаружившая себя выстрелами во время пристрелки, продолжающейся 4—6 минут, сама может быть уничтожена, так и не перейдя к стрельбе на поражение.

Кроме того, анализ боевых действий в различных конфликтах показывает, что с началом пристрелки активные боевые единицы противника уходят из зоны поражения, а после окончания стрельбы возвращаются на боевые позиции.

Применение артиллерийского разведывательного комплекса (АРК) типа «Зоопарк» ограничено по нескольким причинам. *Во-первых*, при работе в режиме «разведка — обслуживание стрельбы» он демаскирует себя мощным радиоизлучением и может быть обнаружен и уничтожен противником. *Во-вторых*, сложная организация взаимодействия АРК с огневыми подразделениями. *В-третьих*, стоимость АРК очень высокая и оснащение ими подразделений происходит медленно.

К несомненным достоинствам существующих способов определения установок стрельбы на поражение пристрелкой относятся:

- высокая точность;
- возможность совмещения центра рассеивания снарядов с центром цели в ходе стрельбы на поражение;
- снижение расхода боеприпасов относительно норм полной подготовки.

Основным недостатком пристрелки цели, существенно влияющим на

эффективность стрельбы, является потеря внезапности поражения. Также снижается живучесть огневых и разведывательных артиллерийских подразделений, обнаруживающих себя в ходе пристрелки.

И, наконец, не выдерживаются требования современных боевых документов о том, что огневое поражение противника с одной огневой позиции не должно продолжаться более 2—3 минут.

Проведенный анализ всех существующих способов определения установок для стрельбы на поражение, их достоинств и недостатков указывает на необходимость разработки и внедрения перспективного пристрелочного огневого комплекса (ПОК).

Вырабатывая идеологию построения ПОК, необходимо учесть недостатки существующих способов и технических средств определения установок для стрельбы на поражение. По мнению авторов, перспективный пристрелочный огневой комплекс должен соответствовать следующим требованиям:

- осуществлять расчет координат точек падения снарядов и корректур для перехода к стрельбе на поражение с высокой скоростью и с точностью не ниже определения установок по данным пристрелки (создания) репера;
- применяться как при самостоятельной стрельбе батареей (автономность), так и сопряженно с автоматизированной системой управления огнем (АСУО) в составе дивизиона (группы) различными типами боеприпасов;
- обслуживать метеорологическую подготовку стрельбы (зондирование атмосферы по пристрелочному модулю и составление бюллетеня по аналогии с бюллетенем ПОР);
- использоваться для создания собственной (местной) системы координат;
- применяться для траекторных измерений в целях уточнения таблиц стрельбы;
- размещаться в командирских машинах управления старшего офицера на батарее.

Исходя из выработанных к ПОК требований можно определить его структурную схему, которая, на наш взгляд, должна включать: радиоизлучающий пристрелочный модуль (РИМ), устанавливаемый на радиоизлучающий пристрелочный снаряд (РИПС); приемную антенну; блок обработки информации и расчета корректур.

Радиоизлучающий пристрелочный модуль — радиопередающее устройство миллиметрового диапазона с автономным источником питания устанавливается в корпус снаряда на место взрывателя.

Радиоизлучающий пристрелочный снаряд — штатный снаряд орудия с установленным на место взрывателя радиоизлучающим пристрелочным модулем.

Приемная антенна и блок обработки информации производят засечку РИМ на траектории полета снаряда, определяют координаты точки его падения и рассчитывают необходимые корректуры для перехода к стрельбе на поражение.

Применение артиллерийского разведывательного комплекса (АРК) типа «Зоопарк» ограничено по нескольким причинам. Во-первых, при работе в режиме «разведка — обслуживание стрельбы» он демаскирует себя мощным радиоизлучением и может быть обнаружен и уничтожен противником. Во-вторых, сложная организация взаимодействия АРК с огневыми подразделениями. В-третьих, стоимость АРК очень высокая и оснащение ими подразделений происходит медленно.

В настоящее время артиллерийские подразделения частей береговой обороны ВМФ РФ имеют на вооружении 122-мм гаубицы Д-30 и самоходные гаубицы 2С-1, поэтому разрабатывать и применять радиоизлучающие пристрелочные снаряды необходимо для этих систем.

К данным гаубицам разработано и принято на вооружение большое количество боеприпасов, что позволяет выполнять из них различные огневые задачи. Но при этом возникают затруднения в учете, оперативно-тактических расчетах потребности и снабжении ими войск. В случае разработки и принятия на вооружение нового радиоизлучающего пристрелочного снаряда проблема лишь усугубится. Кроме того, на его разработку и производство потребуются значительные временные и материальные затраты.

Анализ устройства артиллерийских снарядов для 122-мм гаубиц показывает, что наиболее просто этот вопрос можно решить путем замены штатного взрывателя радиоизлучающим пристрелочным модулем. Из этого можно сделать следующие выводы:

- предпочтителен вариант замены штатного взрывателя, например РГМ-2М, пристрелочным модулем, имеющим аналогичные габаритно-массовые и баллистические характеристики;
- необходимо провести обоснование энергетических характеристик действия выстрела на радиоизлучающий пристрелочный модуль осколочно-фугасных снарядов.

По мнению авторов, РИМ должен состоять из корпуса, отражателя, излучателя, электрической схемы и источника тока.

Корпус радиоизлучающего пристрелочного модуля унифицирован с конструкцией реакционного ударника взрывателя РГМ-2М. В нем имеется резьба для ввинчивания электрической схемы, углубление для размещения источника тока, а также резьбовая часть для соединения с жалом штатного ударника.

Отражатель изготавливается из пластмассы в форме колпачка штатного взрывателя. На внутреннюю часть, имеющую конусообразную форму, наносится токопроводящий слой. Угол наклона конуса обеспечит распространение радиоволн в зоне от оси снаряда в противоположную сторону его полета.

Излучатель представляет собой открытый конец коаксиального кабеля (волновод), являющийся выходом генератора СВЧ-излучения электросхемы.

Электрическая схема изготавливается в форме мембраны взрывателя РГМ-2М и размещается на гетинаксном плато. Она состоит из микросхем генератора СВЧ — излучения и стабилизатора тока. Выход генератора соединен с излучателем.

Источником тока служит батарейка AG 13, вставленная в гетинаксное плато электросхемы, постоянный «+» контакт с ней осуществляется посредством пружинной петли. При выстреле электросхема переходит в рабочий режим через инерционный включатель питания.

Проведенные исследования позволяют сформировать следующие основные требования к радиоизлучающему пристрелочному снаряду:

- радиоизлучающий модуль размещается в корпусе штатного взрывателя РГМ-2М;
- полное соответствие габаритно-массовых и баллистических характеристик РИМ показателям штатного взрывателя РГМ-2М;
- устойчивость к давлению в канале ствола величиной $230 \cdot 10^6$ Па, импульсу давления $125 \cdot 10^4$ Па, кратковременному (0,01 сек) воздействию температуры величиной 1800 °С и нагреву до 20 °С свыше температу-

ры применения[1], а также к воздействию силы инерции от линейного ускорения[2] величиной 5313 Н.

• материал конструкции модуля должен противостоять напряжениям[3] 182 Н/см².

Кроме того, РИПС должен отвечать требованиям, предъявляемым к штатным снарядам: боевым требованиям — не снижать их дальнобойность и кучность боя; служебным — безопасность в обращении и при выстреле, стойкость при длительном хранении; производственно-экономическим — простота конструкции, несложность технологии и оборудования, необходимого для изготовления радиоизлучающего пристрелочного модуля, доступность исходных материалов.

Исходя из требований к конструкции и анализа существующих механизмов, осуществлена общая компоновка системы наведения приемного антенного блока, представленная на рисунке 1.

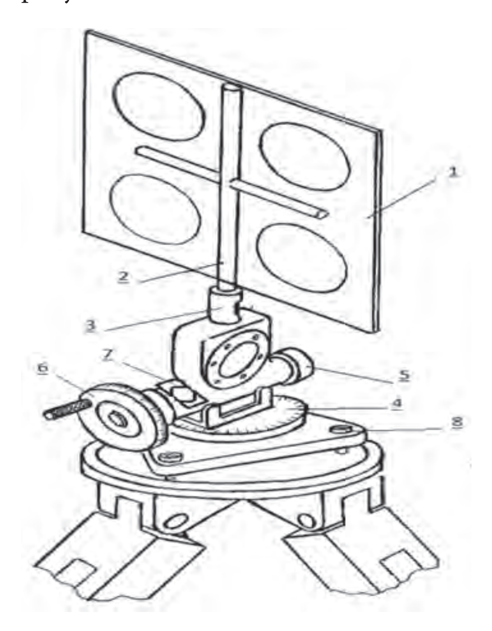

Рис. 1. Система наведения приемной антенны перспективного пристрелочного комплекса

Наличие рамы у волнового механизма позволяет использовать его в качестве механизма горизонтального наведения системы.

В качестве механизма вертикального наведения предлагается использовать прицел С 71, подходящий для этой цели по ряду причин:

• прицел является освоенным и отработанным устройством;

• обеспечивает точность установки заданного угла и его фиксацию благодаря самотормозящейся червячной передаче;

• два имеющихся уровня, смонтированные в двух взаимно перпендикулярных направлениях, позволяют производить установку нулевой отметки;

• наличие готовых и точных лимбов для отсчета углов.

Полотно антенны (1) шарнирно соединено со штангой (2), которая жестко закреплена в корзинке панорамы прицела (3) С 71. С прицела снимаются дистанционный барабан, зубчатая передача и винт регулировки поперечного наклона коробки прицела. К червячному сектору грубого отсчета (4), управляемого рукояткой (5), крепится кривошип, шарнирно соединенный с антенным полем. Основная червячная пара прицела имеет собственную рукоятку с фиксатором положения и лимбом на 100 делений.

Коробка прицела, являясь основой механизма наведения в вертикальной плоскости, жестко крепится к ползуну механизма горизонтального наведения. Положением ползуна можно управлять рукояткой (6). Ползун и винты располагаются в общей коробчатой раме, снабженной уровнем (7) и винтовыми опорами (8), с помощью которых антенная система выставляется в нулевое положение.

В условиях сложной помеховой обстановки в целях повышения эффективности обработки радиоэлектронного сигнала, поступающего от РИПС, предлагается использовать

многоканальные антенные системы с реализацией на их основе подсистем пространственной компенсации помех. Применение таких систем обеспечит практическую нечувствительность ПОК к помехам по боковым, а в ряде случаев и по главным лепесткам диаграммы направленности основных каналов антенных систем[4,5,6].

Рассмотрим несколько возможных вариантов боевого применения перспективного пристрелочного огневого комплекса.

Комплекс с радиоизлучающим модулем позволяет осуществлять пристрелку любых ***ненаблюдаемых целей***, координаты которых определены достоверно в общей системе координат с заданной точностью. При этом стрельба на поражение может вестись как батареей, так и дивизионом (группой).

При стрельбе дивизионом (группой) возможны следующие схемы пристрелки цели:

Первая — пристрелка проводится одной подручной батареей с последующим переходом к стрельбе на поражение дивизионом (группой). Рассмотрим порядок проведения пристрелки цели одной батареей, представленный на структурной схеме перспективного пристрелочного огневого комплекса (рис. 2).

Примечание: РИПС — радиоизлучающий пристрелочный снаряд;
АОИиРК — аппаратура обработки информации и расчета корректур;
ПОК — пристрелочный огневой комплекс.

Рис. 2. Структурная схема перспективного пристрелочного огневого комплекса

На исчисленных установках основное орудие производит выстрел РИПС. Наведение орудия производят в обычном порядке. Перед заряжанием снаряда на место штатного взрывателя устанавливают РИМ.

Приемники наводят в вершину траектории по углу места ε_{ys}, а также по направлению ∂_{ys} и проверяют эквивалентом-эталоном. По готовности приемников производят выстрел. Если первый снаряд не засечен, то, проверив установки и наведение приемников, на этих же или на исправленных установках выстрел повторяют.

После засечки снаряда на траектории и определения отклонения «точки падения снаряда» от цели пристрелку считают законченной. Введя корректуры дальности и направле-

ния, дивизион (группа) переходит к стрельбе на поражение. Под продолжительностью пристрелки понимают время от момента первого выстрела РИПС до начала стрельбы на поражение, она не должна превышать 1—1,5 минуты.

Вторая — пристрелка каждой батареей. Данный способ пристрелки возможен при наличии времени и отсутствии противодействия со стороны противника. Порядок пристрелки регламентирован правилами стрельбы и управления огнем (ПС и УО) артиллерии, но при этом каждая батарея расходует только по одному РИПС. Между выстрелами делается разнос по времени, исключающий возникновение помех работающим комплексам соседних батарей.

При поражении цели одной батареей пристрелка проводится по правилам, приведенным в первой схеме.

Пристрелка ***наблюдаемой цели*** с ПОК может осуществляться в общей или в собственной системе координат.

В *общей системе координат* пристрелку цели начинают выстрелом одного снаряда с пристрелочным модулем. После засечки снаряда на траектории и определения необходимых корректур переходят к стрельбе на поражение. В ходе стрельбы на поражение наблюдаемой цели корректирование огня осуществляется в порядке, установленном ПС и УО.

Собственная система координат создается для любых группировок артиллерии известным способом, но с некоторыми особенностями.

При создании собственной системы координат целесообразно использовать дымовой снаряд с пристрелочным модулем. По результатам засечки снаряда на траектории определяются координаты точки его падения. Передовые артиллерийские корректировщики батарей, дивизионов и других артиллерийских разведывательных подразделений осуществляют топогеодезическую привязку НП (КНП) от разрыва дымового снаряда и определяют поправки к общей системе координат (ΔX и ΔY).

В дальнейшем данные поправки вводятся или учитываются при определении установок для стрельбы по целям, координаты которых определены в общей системе координат для группы артиллерии.

Определенные поправки к общей системе координат могут использоваться для поражения ненаблюдаемых целей без пристрелки.

Рассмотрим возможности использования перспективного пристрелочного огневого комплекса для переноса огня на геодезической основе и составления «Бюллетеня РИПС».

Пристрелка цели с ПОК позволяет определять установки для стрельбы на поражение с точностью не ниже

Проведенный анализ всех существующих способов определения установок для стрельбы на поражение, их достоинств и недостатков указывает на необходимость разработки и внедрения перспективного пристрелочного огневого комплекса.

Комплекс с радиоизлучающим модулем позволяет осуществлять пристрелку любых ненаблюдаемых целей, координаты которых определены достоверно в общей системе координат с заданной точностью. При этом стрельба на поражение может вестись как батареей, так и дивизионом (группой).

После засечки снаряда на траектории и определения отклонения «точки падения снаряда» от цели пристрелку считают законченной. Введя корректуры дальности и направления, дивизион (группа) переходит к стрельбе на поражение. Под продолжительностью пристрелки понимают время от момента первого выстрела РИПС до начала стрельбы на поражение, она не должна превышать 1—1,5 минуты.

аналогичных показателей переноса огня от репера (на геодезической основе). Можно с уверенностью предположить, что поправки, определенные с его помощью (представленные в виде коэффициента стрельбы), можно применять при определении установок для стрельбы на поражение цели без пристрелки. Но при этом должны соблюдаться все условия переноса огня на геодезической основе.

Составление «Бюллетеня РИПС» осуществляется с использованием данных, определенных метеорологическим постом дивизиона, по алгоритму формирования бюллетеня пристрелочного орудия (ПОР).

Точность определения установок для стрельбы на поражение с использованием «бюллетеня РИПС» существенно превышает показатели полной подготовки. Кроме того, значительно расширяются временные рамки годности бюллетеня — до 5 часов.

Важно и то, что для составления «бюллетеня РИПС» не требуется создание репера, а также не обязательно получение разрыва снаряда. Этим существенно повышается скрытность подготовки артиллерии к боевым действиям.

Определение установок для стрельбы на поражение пристрелкой с РИПС предлагаем отнести к способу пристрелки по измеренным отклонениям. В данной связи при применении РИПС объем подготовки стрельбы и управления огнем практически не будет отличаться от работы в обычных условиях, за исключением дополнительной подготовки снаряда и приемной аппаратуры.

Применение перспективного пристрелочного огневого комплекса позволит, на наш взгляд, создавать удовлетворяющие современным требованиям средства (комплексы), которые обеспечат повышение «живучести» артиллерийских подразделений, эффективное и быстрое проведение пристрелки целей, внезапный переход к стрельбе на поражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Козлов С.В.* Пеленгационные антенные системы с пространственной компенсацией помех: учеб.-метод. пособие. Минск: БГУИР, 2019.

[2] *Клюев А.Н.* Боеприпасы артиллерии: учебник. ВАА, 1959.

[3] Там же.

[4] *Козлов С.В.* Пеленгационные антенные системы с пространственной компенсацией помех: учеб.-метод. пособие. Минск: БГУИР, 2019.

[5] *Ширман Я.Д., Манжос В.Н.* Теория и техника обработки радиолокационной информации на фоне помех. М.: Радио и связь, 1981.

[6] *Царьков Н.М.* Многоканальные радиолокационные измерители. М.: Сов. радио, 1980.

Формирование структуры робототехнической подсистемы поражения в ракетных войсках и артиллерии

Подполковник А.А. ЛОСИН,
кандидат технических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматривается вариант построения поражающей робототехнической подсистемы ракетных войск и артиллерии (РВиА), учитывающей опосредованное воздействие человеческого фактора (ЧФ) на показатели эффективности выполнения боевых задач (БЗ).

ABSTRACT

The paper looks at an option of constructing the robotechnical injurious subsystem of missile troops and artillery (MT&A) that takes into account the indirect impact of the human factor (HF) on effectiveness indices of combat assignment (CA) accomplishment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Подсистема поражения (ПСП), робототехническое вооружение (РТВ), потенциальная эффективность, модель.

KEYWORDS

Subsystem of injury (SSI), robotechnical systems (RTS), potential efficiency, model.

В ВОЕННЫХ конфликтах последних лет все более широко применяется так называемое «нелетальное» оружие, основанное на использовании различных видов излучений, воздействующих на личный состав и осуществляющих «неразрушающий» вывод из строя военной техники.

Для успешного противодействия вероятному противнику, применяющему широкий спектр «летального» и «нелетального» оружия, требуется разработка нового вооружения, обеспечивающего эффективное выполнение поставленных задач в любых условиях и способного при необходимости действовать без вмешательства человека.

Военным руководством страны определено, что одним из приоритетных направлений повышения боевого потенциала армии является разработка робототехнических комплексов (РТК) и робототехнических средств (РТС) военного назначения (ВН)[1].

Эффективность применения РВиА характеризуется своевременностью, качеством и точностью выполнения задач по огневому поражению противника, основными из которых являются:

• завоевание и удержание огневого превосходства;

• поражение средств ядерного нападения, живой силы и вооружения;

• дезорганизация системы управления войсками и оружием;

• нарушение работы оперативного и войскового тыла и другие.

Очевидно, что для выполнения такого объема задач в условиях противодействия противника любыми средствами, РВиА нуждаются в системах робототехнического вооружения (СРТВ), и их скорейшая разработка является актуальной проблемой.

Логика методики формирования структуры ПСП РТВ РВиА включает: дерево целей развития СРТВ РВиА, функциональную модель применения РТК, типаж и специализации РТС, структурный и параметрический синтез РТК, информационно-нормативную базу данных, формирование и выбор оптимального варианта[2].

Построение ПСП целесообразно начать со структурно-параметрического синтеза как основной составляющей эффективности применения РВиА. Формирование тактико-технических характеристик (ТТХ) робототехнических средств (РТС) и комплексов (РТК) зависит от задаваемой величины опосредованного влияния человеческого фактора на эффективность применения ПСП[3].

В соответствии с возлагаемыми на СРТВ функциями, ее структура должна включать следующие подсистемы: управления, разведки, поражения и обеспечения (рис. 1)[4].

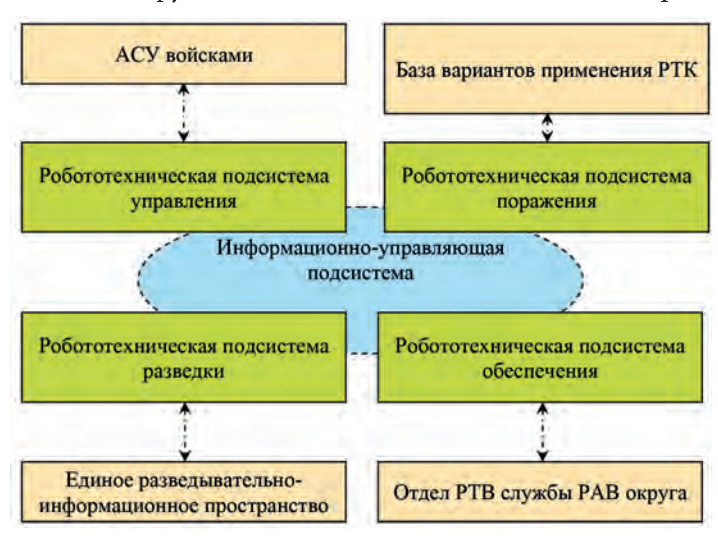

Рис. 1. Примерная структура СРТВ

Таким образом, под термином *«подсистема поражения РТВ РВиА»* будем понимать — *совокупность робототехнических (роботизированных) средств (комплексов), стоящих на вооружении подразделений РВиА для выполнения боевых задач автономно или дистанционно.*

Синтез структуры ПСП СРТВ — это определение ее оптимального состава при заданных показателях качества и ограничениях.

Для формирования структуры системы предлагается использовать конструктивный принцип из теории фракталов — повторение структуры конечного звена нижнего уровня на каждом последующем уровне.

Например, оружие боевой машины (БМ) РТК включает три составляющие: материальную — средство поражения или боеприпас; энергетическую — энергия, непосредственно взаимодействующая на цель; информационную — воздействие, управляющее этим оружием.

По такому же принципу строится базовое шасси, включающее корпус с движителем, систему энергопитания и аккумулятор, систему управления движением.

Система наведения состоит из: линии передачи информации (провод, оптоволокно, радио, лазер и другое), соответствующее электромагнитное излучение, команды управления.

В свою очередь, БМ РТС является одной из трех составных частей следующего уровня (технической составляющей), также включающего: средства информационного обеспечения (БПЛА с лазерным целеуказателем, или наземное разведывательное РТС); систему управления, включающую соответствующий канал связи с оператором (элементами искусственного интеллекта); датчиковую систему учета внешних воздействий.

Таким образом, формируется фрактальная структура, включающая три основные составляющие ПСП СРТВ — материальную, энергетическую и информационную, построенные по такому же принципу.

Техническая составляющая ПСП СРТВ является ее материальной основой и включает: БМ наземного РТК (боевое РТС); обитаемую машину управления (для взаимодействия с вышестоящим руководством, БПЛА и сервером единого разведывательно-информационного пространства (ЕРИП)); систему управления (автоматизированные рабочие места (АРМ) операторов, элементы искусственного интеллекта).

Фрактальная структура составляющей ЧФ ПСП СРТВ является энергетической и формируется на основе индивидуальных качеств оператора: особенности физического развития, морально-психологическое состояние, уровень квалификации (знания, навыки, умения).

Семантическая сеть типовых сценариев применения ПСП СТРВ является информационной и включает следующие составляющие: информацию о внутреннем состоянии (технические возможности); сведения о внешних условиях (театр боевых действий); прогноз времени боевого применения того или иного РТС.

В свою очередь информация о внутреннем состоянии РТС формируется бортовым компьютером и дублируется на автоматизированное рабочее место (АРМ) оператора. Так же учитывается часовая наработка узлов и агрегатов, состояние резервирования систем, прогноз технических возможностей при решении предстоящих боевых задач.

Сведения о внешних условиях формируются на основе: метеоклиматических данных, получаемых по каналу связи от информационно-управляющей системы; особенностей подстилающей поверхности в районе театра военных действий (ТВД);

сведений о наших подразделениях и противнике, характеристик его образцов ВВТ; ожидаемой продолжительности выполнения боевых задач.

Информационно-управляющая система (ИУС) в своем составе имеет: средства информационного обеспечения, включая данные оператора (ЧФ); сформированную базу данных и типовые алгоритмы; устройства ввода-вывода, передачи и хранения информации; информационные потоки и управляющие команды.

Фрактальность структуры ПСП позволит обеспечить оперативность реконфигурации при выходе из строя каких либо ее элементов за счет резервирования и дублирования. Данное свойство необходимо учесть при расчете коэффициента технической готовности ПСП РТВ, включающего уровень технического исполнения входящих элементов: БМ РТК, системы управления и канала управления.

В свою очередь, коэффициент опосредованного влияния человеческого фактора ($К_{чф}$) на эффективность применения ПСП РТВ в интересах РВиА зависит от уровня физического состояния операторов (расчета) РТК, его квалификации (знания, навыки, умения) и его морально-психологического состояния. Физическое состояние операторов (расчета) РТК изменяется в условиях применения противником традиционных и новых способов вывода из строя личного состава (лучевое оружие направленного действия, электромагнитное низкочастотное излучение, и т. д.) от легкого недомогания до летального исхода. Поэтому возникает риск невыполнения боевой задачи.

Для расчета коэффициента учета типовых сценариев применения (ТСП) ПСП РТВ в интересах РВиА необходимо учитывать уровни технического совершенства ИУС и обобщения базы данных, а также объем мероприятий, выполняемых в интересах всестороннего обеспечения боевых действий.

При выстраивании иерархии свойств задается приращение эффективности ПСП РТВ в различных условиях боевого применения РВиА.

В качестве основных свойств ПСП РТВ рассматриваются:

• огневая и техническая маневренность;

• надежность безотказного функционирования;

• живучесть (устойчивость) управления и реконфигуративность структуры;

• потенциальная эффективность;

• опосредованность.

Параметры элементов ПСП РВиА формируются в зависимости от условий применения и тактико-технических требований к применяемым РТК (РТС).

Исходной информацией для формирования параметров структуры ПСП является:

• число предусмотренных вариантов применения РТС по назначению;

• режимы функционирования;

• функциональная зависимость эффективности применения от времени функционирования;

• способность восстановления работоспособного состояния после отказов на местах;

• возможность оценивания технического состояния и проведения технического обслуживания и ремонта;

• способность восстановления ресурса;

• максимальная вероятность отказов из-за наличия ЭВМ;

• переход в критическое состояние;

• условия перехода в небоеготовое состояние;

• комплексный показатель маневренности ПСП;

• уровень технических готовностей БМ РТК;

• иерархическая структура фрактально-модульного типа;

• время готовности и реконфигурации;

• минимальный уровень резервирования элементов ПСП РТВ;

• минимальный типаж сценариев применения;

• диапазон влияния человеческого фактора.

Типовой ряд РТК (РТС) ПСП определяется функциональной зависимостью от возлагаемых на РВиА задач с обязательным учетом опосредованного влияния человеческого фактора. При этом ТТХ, коэффициенты боевой эффективности и боевой готовности ($К_{бг}$) РТК (РТС) должны быть не ниже аналогичных показателей штатного аналога РАВ.

Для оценивания эффективности РТК ПСП автор предлагает использовать термин «потенциальная эффективность», обозначающий величину математического ожидания (МОЖ) поражения за период боя 3/4 от общего возможного количества целей с вероятностью не ниже 0,9.

БМ РТС является одной из трех составных частей следующего уровня (технической составляющей), также включающего: средства информационного обеспечения (БПЛА с лазерным целеуказателем, или наземное разведывательное РТС); систему управления, включающую соответствующий канал связи с оператором (элементами искусственного интеллекта); датчиковую систему учета внешних воздействий.

Также существует вероятность риска невыполнения боевой задачи, зависящая от различных факторов, основным из которых является человеческий фактор (ЧФ). Зададим граничные условия уровня риска невыполнения задачи в диапазоне от 0 до 1 (приведены в таблице).

Таблица

Характеристика уровней риска невыполнения задачи

Неприемлемый	Серьезный	Незначительный
> 0,25	0,1—0,24	< 0,1

Благодаря такому подходу появляется возможность учитывать опосредованное влияние человеческого фактора на показатель эффективность применения ПСП РВиА.

Формализованное представление параметров ПСП РТВ и способа формирования структуры СРТВ осуществим в векторной форме:

$$S(r, v) = [\overline{r}, \overline{v}]$$

где: $\overline{r}$ — структурный вектор типа РТК;

$\overline{v}$ — параметрический вектор способа формирования ПСП РТВ.

Предлагаемый подход облегчает определение соответствующих коэффициентов на каждом иерархическом уровне структуры. Так, первый уровень включает 9 элементов, второй — 27 элементов, третий — 81 элемент. При определении необходимых параметров возникает сложность, связанная с перебором большого объема вариантов комбинаций, которых может быть более 212 х 10^{21}.

Поэтому для наглядности и удобства определения взаимосвязей между элементами системы на рисунке 2

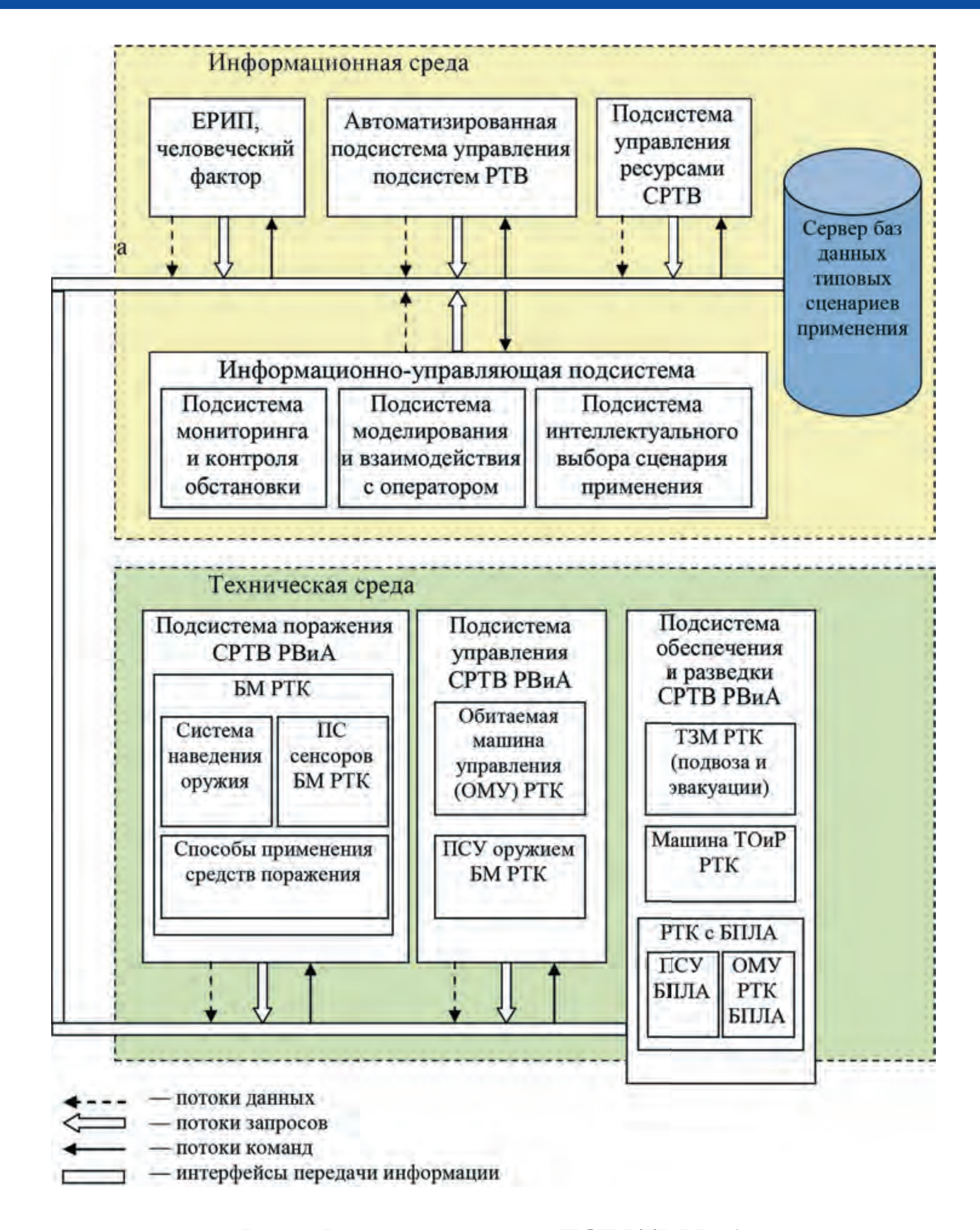
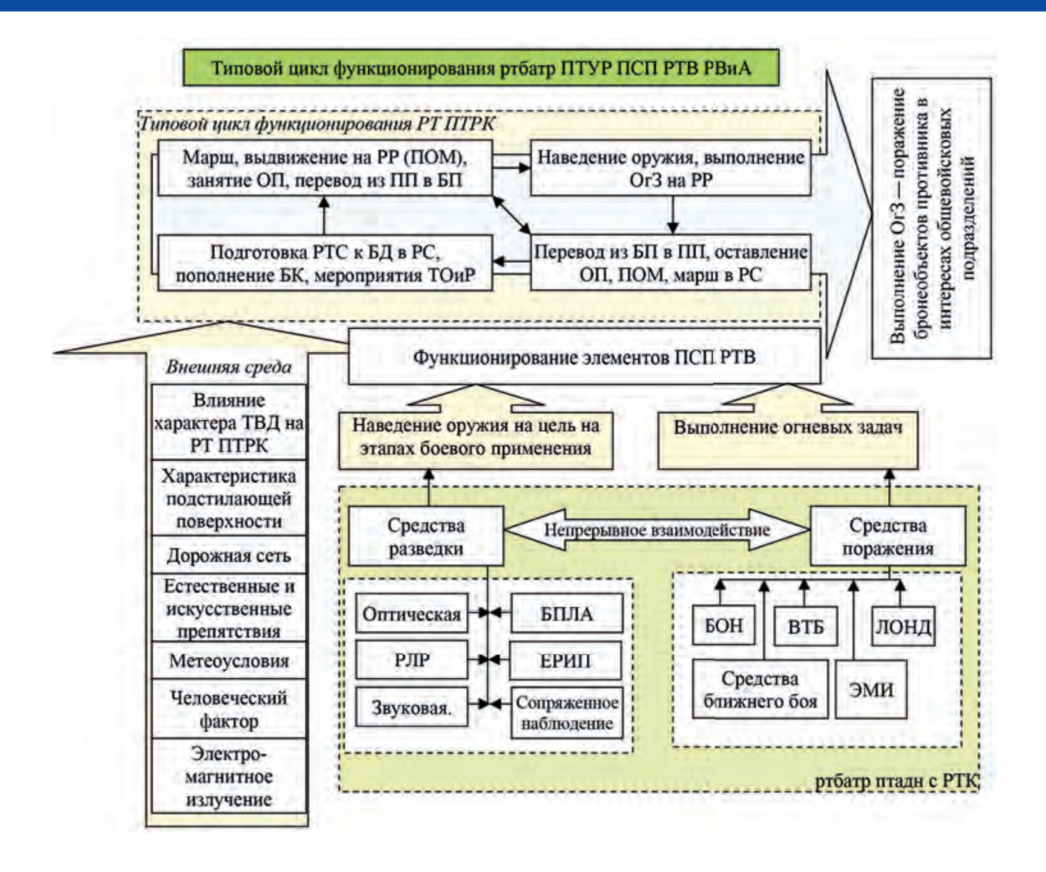

Рис. 2. Вариант структуры ПСП РТВ РВиА

представлен вариант структуры ПСП РТВ РВиА.

Данную структуру можно представить в виде функций с определенным набором параметров, оказывающих наибольшее влияние на потенциальную эффективность применения ПСП РВиА. Рассмотрим ее на примере типового цикла функционирования гипотетической робототехнической батареи (ртбатр) противотанковых управляемых ракет (ПТУР) противотанкового артиллерийского дивизиона (птадн) (рис. 3).

Для оценивания потенциальной эффективности применения ПСП РВиА, оснащенной РТК, необходимо

Примененные сокращения: БОН — боеприпасы основного назначения; БП — боевое положение; ВТБ — высокоточные боеприпасы; ЛОНД — лучевое оружие направленного действия; ОгЗ — огневая задача; ОП — огневая позиция; ПОМ — противоогневой маневр; ПП — походное положение; РЛР — радиолокационная разведка; РР — рубеж развертывания; РС — район сосредоточения; ЭМИ — электромагнитное излучение.

Рис. 3. Типовой цикл функционирования ртбатр ПТУР

разработать модель ее функционирования. Для этого создается массив данных о РТС и РТК, входящих в состав ПСП РТВ, формируется информационная база типовых циклов их функционирования.

Модель функционирования ПСП с РТВ РВиА, учитывающую опосредованное влияние человеческого фактора, целесообразно представить в виде совокупности модулей и их параметров (рис. 4).

Модуль анализа и обработки на протяжении всего цикла боевого применения РТК решает следующие задачи:

Информационно-управляющая система в своем составе имеет: средства информационного обеспечения, включая данные оператора; сформированную базу данных и типовые алгоритмы; устройства ввода-вывода, передачи и хранения информации; информационные потоки и управляющие команды.

Рис. 4. Модель функционирования ПСП РТВ

• осуществляет оценку потенциальной эффективности;

• проводит контроль технического состояния;

• анализирует влияние человеческого фактора.

Предлагаемый вариант формирования структуры робототехнической ПСП РВиА позволяет:

• оценить потенциальную эффективность применения противотанковых подразделений РВиА оснащенных робототехническими комплексами с учетом опосредованного влияния человеческого фактора;

• сформировать структуру и выбрать параметры элементов ПСП с учетом эффективности применения подразделений РВиА оснащенных РТК в бою.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Перспективная система вооружения сухопутных войск // Арсенал отечества. 2015. № 2 (16). С. 12, 15.

[2] *Наговицин А.И., Молоткова Б.Б.* Робототехнические комплексы военного назначения, перспективы их применения в РВиА ВС РФ // Известия ЮФУ. Технические науки. 2017. № 1 (186). Раздел I. Наземная робототехника. С. 6—20.

[3] *Баканеев С.А.* Робототехнические комплексы военного назначения для ракетных войск и артиллерии сухопутных войск // Новый оборонный заказ. 2017. № 2 (44). С. 31.

[4] *Буренок В.М.* Развитие системы вооружения и новый облик ВС РФ // Защита и безопасность. 2009. № 2.

Факторы, определяющие содержание способов применения робототехнических комплексов (средств) в боевых действиях

Полковник В.В. ИЧЕТОВКИН

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются основные факторы, определяющие содержание способов применения робототехнических комплексов в боевых действиях на примере беспилотных летательных аппаратов.

ABSTRACT

The paper examines the main factors that determine the content of methods in using robotechnical systems in combat as exemplified by unmanned aerial vehicles.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Факторы, робототехнические комплексы, беспилотные летательные аппараты, боевые действия, способы применения.

KEYWORDS

Factors, robotechnical systems, unmanned aerial vehicles, combat actions, methods of employment.

АНАЛИЗ войн и вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI века свидетельствует о возрастании роли дистанционно управляемых и автономных робототехнических комплексов (средств) в достижении целей военных действий.

В соответствии с взглядами отечественных и зарубежных специалистов в боевых действиях будущего одними из наиболее перспективных видов вооружения и военной техники (ВВТ), в которых интегрируются и реализуются большинство направлений их развития, будут робототехнические комплексы военного назначения. При этом ряд специалистов предполагает, что широкомасштабное внедрение роботов и технологий робототехники изменит способы ведения операций и технический облик перспективных систем ВВТ, повысит эффективность их применения, а также обеспечит сокращение потерь личного состава[1].

Все технологически развитые страны активно проводят исследования и принимают на вооружение робототехнические комплексы (РТК), способные с высокой степенью автономности вести боевые действия без участия или с минимальным участием человека. При этом с уверенностью можно констатировать, что их широкое применение приведет к коренному пересмотру основных принципов ведения вооруженной борьбы, с учетом не только военно-технических ее аспектов, но и ее социально-психологических факторов[2].

Появление новых видов вооружения влечет за собой поиск способов их применения, а также изменения в содержании способов ведения боевых действий противоборствующими сторонами.

В связи с тем, что в настоящее время существует множество РТК (РТС) разновидовой направленности и принадлежности, а статья ограничивается сравнительно небольшим объемом материала, в ней, в качестве границ исследования, рассмотрены основные факторы, которые необходимо оценивать при выработке способов применения именно беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

В статье используется специфический понятийный аппарат, ключевые элементы которого, представлены, как справочный материал.

Фактор — причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты; условия — обстоятельства, от которых что-нибудь зависит[3].

Боевые действия — форма оперативного применения объединений и соединений видов Вооруженных Сил в рамках операции или между операциями для решения нескольких последовательно возникающих оперативных, оперативно-тактических и тактических задач; ***способ ведения операции (боевых действий)*** — порядок и приемы применения сил и средств для решения стратегических, оперативных и боевых задач в интересах достижения целей операции (боевых действий)[4].

Все технологически развитые страны активно принимают на вооружение робототехнические комплексы, способные с высокой степенью автономности вести боевые действия без участия или с минимальным участием человека. Их широкое применение приведет к коренному пересмотру основных способов ведения боевых действий.

Все виды робототехнических комплексов (средств), которые приведены ниже, описаны ГОСТ Р 60.0.0.2-2016[5]:

Автономность — способность выполнять задачи по предназначению, основанная на текущем состоянии изделия и особенностях считывания данных без вмешательства человека.

Робототехническое устройство или роботизированное устройство — исполнительное устройство, обладающее свойствами промышленного или сервисного робота, но у которого отсутствует требуемое число программируемых степеней подвижности или определенный уровень автономности.

Данное определение существенно расширяет охват устройств по степени вовлеченности человека в действия робота. К робототехническим устройствам вполне можно отнести и дистанционно-управляемые устройства, которые могут как иметь связь с оператором (получать от него команды), так и действовать автономно. Исходя из этого военные дистанционно-управляемые роботы корректнее называть робототехническими устройствами, под это определение попадают и дистанционно управляемые беспилотные летательные аппараты (ДПЛА).

Робототехнический комплекс (РТК) — комплекс, состоящий из одного или нескольких роботов, их рабочих органов и любых механизмов, оборудования, приборов или датчиков, обеспечивающих выполнение роботом функционального назначения. По аналогии применительно к военной робототехнике целесообразно использовать следующий термин «робототехнический комплекс» — комплекс, состоящий из одного или нескольких роботов и (или) робототехнических устройств (средств) военного назначения их рабочих органов и любых механизмов,

оборудования, приборов или датчиков, обеспечивающих выполнение роботами и (или) робототехническими устройствами (средствами) функционального назначения (задания).

Робототехническое средство военного назначения (РТС ВН) — конструктивно обособленное безэкипажное техническое средство (отдельная боевая единица) в основном многократного (многоразового) применения, способное в соответствии с целевым предназначением самостоятельно, за счет имитации (автоматизации) сенсорных, двигательных и/или интеллектуальных функций человека, выполнять боевые и обеспечивающие задачи, автономно или под управлением оператора или сочетанием указанных способов.

Робототехнический комплекс военного назначения (РТК ВН) — совокупность функционально взаимосвязанных элементов: робототехнического средства и специальных технических средств, обеспечивающих подготовку к применению, применение и обслуживание РТС ВН в интересах выполнения боевых и обеспечивающих задач самостоятельно или в составе систем (комплексов) вооружения.

На способы применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в боевых действиях оказывает влияние множество факторов и условий.

Наиболее значимые факторы для определения содержания способов применения БПЛА в боевых действиях условно можно разделить на внешние (на которые невозможно повлиять до начала военных действий) и внутренние (подверженные влиянию субъекта).

К внешним факторам отнесены: группировка войск (сил) противника, действующих в районе операции, их состав, положение, состояние и возможности (в том числе по противодействию нашим БПЛА и применению РТК (РТС)), а также вероятный характер их действий; возможности противоборствующих сторон по восполнению потерь в ВВТ, в частности РТК (РТС).

В части, касающейся внутренних факторов, рассмотрим тактико-технические характеристики (ТТХ) вооружения и военной техники (ВВТ); задачи, решаемые в боевых действиях с применением БПЛА; состав и состояние нашей группировки БПЛА, действующих в районе боевых действий; полноту и качество всех видов обеспечения боевых действий.

Оценим влияние указанных факторов на способы применения БПЛА в боевых действиях.

Первое. При оценке группировки войск (сил) противника, действующих в районе боевых действий определяются ВВТ, способные противодействовать нашим БПЛА (в первую очередь силы и средства ПВО и РЭБ); на основе их ТТХ оцениваются потенци-

Робототехнический комплекс — комплекс, состоящий из одного или нескольких роботов, их рабочих органов и любых механизмов, оборудования, приборов или датчиков, обеспечивающих выполнение роботом функционального назначения. По аналогии применительно к военной робототехнике целесообразно использовать следующий термин: «робототехнический комплекс» — комплекс, состоящий из одного или нескольких роботов и (или) робототехнических устройств (средств) военного назначения их рабочих органов и любых механизмов.

альные боевые возможности данных образцов ВВТ; путем их сравнения с потенциальными боевыми возможностями наших БПЛА, определяются сильные и слабые стороны ВВТ противника, а также делаются выводы в интересах определения способа применения БПЛА; через боевой и численный состав средств противодействия БПЛА противника оцениваются их возможности в районе предстоящих боевых действий; на основе вероятного характера боевых действий группировки войск (сил) противника и их возможностей по противодействию авиационным средствам определяются наиболее вероятные способы противодействия нашим БПЛА, которые учитываются при определении способов их применения.

Аналогично оцениваются возможности и вероятный характер применения противником своих РТК (РТС).

Второе. Возможности противоборствующих сторон по восполнению потерь в РТК (РТС) — является фактором более значимым для РТК, чем для пилотируемых летательных средств[6]. Это обосновано в первую очередь более низкими потерями операторов РТК, по сравнению с экипажами пилотируемых средств, ввиду удаленности операторов от поля боя (района боевых действий), с одной стороны, а с другой стороны — существует проблема «отсутствия погружения оператора в обстановку боевых действий»[7]. Данный фактор способен проявить себя при относительно длительных сроках ведения боевых действий. При этом, чем более высокой будет интенсивность боевые действия, тем быстрее данный фактор начнет оказывать влияние на количество БПЛА, а значит и способы их применения.

Наиболее значимые факторы для определения содержания способов применения БПЛА в боевых действиях условно можно разделить на внешние (на которые невозможно повлиять до начала военных действий) и внутренние (подверженные влиянию субъекта). Основные внешние — группировка войск (сил) противника, ее состав и возможности.

Рассмотрим внутренние факторы, влияющие на определение способов применения БПЛА.

Первый. Через ТТХ рассматриваются потенциальные боевые возможности БПЛА и определяются границы, в которых впоследствии выстраиваются способы их применения. Чем больше потенциальных боевых возможностей БПЛА реализуются в конкретном способе, тем более рациональным он является по отношению к альтернативному варианту.

Второй. Выбор боевых задач, решение которых целесообразно возложить на БПЛА, осуществляется исходя из их опасности для жизни личного состава либо физических возможностей человека, а также необходимых для выполнения задач ТТХ БПЛА.

Третий. При оценке состава и состояния нашей группировки БПЛА рассматриваются виды и количество БПЛА различного класса и функционального назначения (разведывательные, разведывательно-ударные, корректировщики, РЭБ и др.), имеющиеся в составе группировки наших войск; на основе оценки потенциальных боевых возможностей, сильных и слабых сторон выбираются БПЛА различных классов и функционального предназначения, способные участвовать в выполнении задач с их участием; рассчитывается количественно-качественный состав

группировок БПЛА, создаваемых под задачи, решаемые с их участием; определяются варианты способов применения БПЛА при решении указанных задач; в ходе моделирования боевых действий осуществляется выбор наиболее эффективного (наиболее рационального) способа применения БПЛА.

Четвертый. При оценке возможностей всех видов обеспечения основное внимание необходимо уделять «специализированным» под РТК видам обеспечения, таким как: программное-информационное и телекоммуникационное обеспечение.

Кроме того, опыт применения ударных БПЛА показал, что операторы данных комплексов подвержены повышенной опасности нервных срывов из-за социально-психологического фактора применения РТК для поражения людей, что также необходимо учитывать при определении способов применения данных БПЛА.

Таким образом, содержание способов боевых действий РТК (РТС) зависит от множества различных факторов и условий обстановки. Чем большее количество факторов удастся выявить, проанализировать и учесть при планировании боевых действий РТК (РТС), тем более эффективными будут способы их применения.

Вместе с тем существуют основные (базовые) факторы, присущие любым видам боевых действий и требующие

Наиболее значимый внутренний фактор, определяющий способы применения БПЛА, их боевые возможности. Именно они определяют порядок и приемы применения БПЛА в ходе боевых действий, которые и являются сущностью способа их применения. Чем больше потенциальных боевых возможностей БПЛА реализуются в конкретном способе, тем более рациональным он является по отношению к другому варианту.

в силу данного свойства обязательной оценки в интересах определения способов боевых действий.

В части, касающейся выработки способов применения РТК, данный перечень предлагается дополнить военно-экономическими и технологическими возможностями противоборствующих сторон по разработке, производству и восполнению потерь в РТК (РТС).

Кроме того, необходимо учитывать наличие и состояние новых видов обеспечения, а также организации и проведения психологической работы с операторами комплексов с БПЛА.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Макаренко С.И.* Робототехнические комплексы военного назначения — современное состояние и перспективы развития. URL: http://sccs.intelgr.com/archive/2016-02/04 (дата обращения: 25.02.2022).

[2] Роботизация и военное дело будущего / под ред. В.Н. Бондарева. М.: ООО «Центр анализа стратегий и технологий», 2021.

[3] Толковый словарь Ожегова.

[4] Военный энциклопедический словарь, изд. 2007 г.

[5] ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения».

[6] Роботизация и военное дело будущего.

[7] *Макаренко С.И.* «Робототехнические комплексы военного назначения — современное состояние и перспективы развития».

Психологические аспекты формирования у военнослужащих мировоззрения Победителя

Майор в отставке Д.С. ЕЛЬЦОВ,

Подполковник А.В. БУКАЕВ,
кандидат технических наук

Полковник в отставке А.В. ПУТИН

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования является процесс корректировки мотивационной структуры человека, направленной на формирование его духовной стойкости в сочетании с сильной волей к победе в любых условиях. Рассмотрены психологические аспекты формирования у курсантов мировоззрения Победителя. Проведена оценка возможностей педагога по воздействию на мотивационную структуру обучающихся через коммуникативные уровни, в том числе с учетом боевого опыта преподавателя.

ABSTRACT

The research focuses on the process of adjusting the human motivation makeup aimed at forming the person's spiritual fortitude coupled with a powerful will to win, whatever the conditions. It examines the psychological aspects of forming the winner outlook in cadets. It also estimates the teacher's ability to affect the learners' motivation makeup via communication levels, including reliance on the combat experience of the teacher.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Психологические аспекты, мировоззрение Победителя, мотивационная структура человека, корректировка, коммуникативные уровни, воспитание, обучение, боевой опыт.

KEYWORDS

Psychological aspects, winner outlook, human motivation makeup, adjustment, communication levels, upbringing, education, combat experience.

СОВРЕМЕННЫЕ военные конфликты проходят не по шаблону и требуют оригинального подхода. Это неоднократно отмечалось Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Существующая в средней школе система обучения предполагает сдачу единого государственного экзамена, в процессе которого выпускнику предлагается дать ответы на задания контрольно-измерительных материалов. Структура, форма и содержание этих материалов определяются заранее, не допускается их изменение произвольным образом. Ответы на задания заносятся выпускниками в специальный бланк и проверяются компьютером. Те обучающиеся, которые в большей степени способны мыслить стандартно и действовать в соответствии с определенными алгоритмами и шаблонами, показывают наилучшие результаты.

Вместе с этим мировоззрение победителя предполагает особое построение мотивационной структуры человека, а соответственно, направленность его мыслей и действий на обязательное достижение поставленных целей, независимо от окружающей среды и любых внешних воздействий.

Выпускники школ, опираясь на имеющиеся у них представления о жизни, могут воспринимать мировоззрение Победителя как немыслимое, так как у них сформировалась устойчивое представление о том, что лучших результатов достигает действующий строго по правилам. Юноша, которому на первом этапе обучения в военном учебном заведении будет предложено принять судьбоносное решение в ситуации, когда решаются вопросы жизни и смерти, с большой долей вероятности проявит свои далеко не лучшие качества. Сама мысль о том, что человек может погибнуть из-за неправильной оценки складывающейся ситуации и, как следствие, неверных и необдуманных решений, способна привести его в неадекватное состояние.

В связи с этим одной из основных задач командного и профессорско-преподавательского состава военного учебного заведения в процессе планомерной работы по всем видам деятельности является избирательное корректирование мировоззрения будущих командиров. Путем последовательной трансформации мировоззрение Победителя должно из категории немыслимого перейти в разряд допустимого, затем — приемлемого, потом — разумного и, наконец, стать для обучающихся военнослужащих нормой жизни.

В Вооруженных Силах Российской Федерации одним из основных предметов обучения личного состава является военно-политическая подготовка как важнейшая форма военно-политического, государственно-патриотического, духовно-нравственного, воинского и правового воспитания военнослужащих. В связи с этим широкое распространение получили такие способы коррекции мировоззрения военнослужащих, как воздействие через мультимедиапродукты, встречи с ветеранами войн и военной службы, применение командирами различных видов дисциплинарной практики.

Рассмотрим подробнее психологические аспекты формирования у военнослужащих мировоззрения Победителя с учетом имеющегося опыта работы с курсантами Михайловской военной артиллерийской академии в контексте второй топики основателя психоанализа Зигмунда Фрейда[1].

Центральное место на рисунке 1 занимает ИД (часть психики человека, совокупность инстинктивных влечений), которое является бессознательным и врожденным. С точки зрения морали ИД совершенно аморально и олицетворяет в первую очередь агрессивно-сексуальные позывы. Социум накладывает ограничения на желания индивида через законы, институты власти, уставы, заповеди, функциональные обязанности, нравы, правила референтной группы, обычаи, корпоративную этику и традиции. Эти ограничения воспринимаются каждым индивидом по-своему, на основе имеющейся у него системы ценностей. Эта часть психики человека называется СУПЕР-ЭГО.

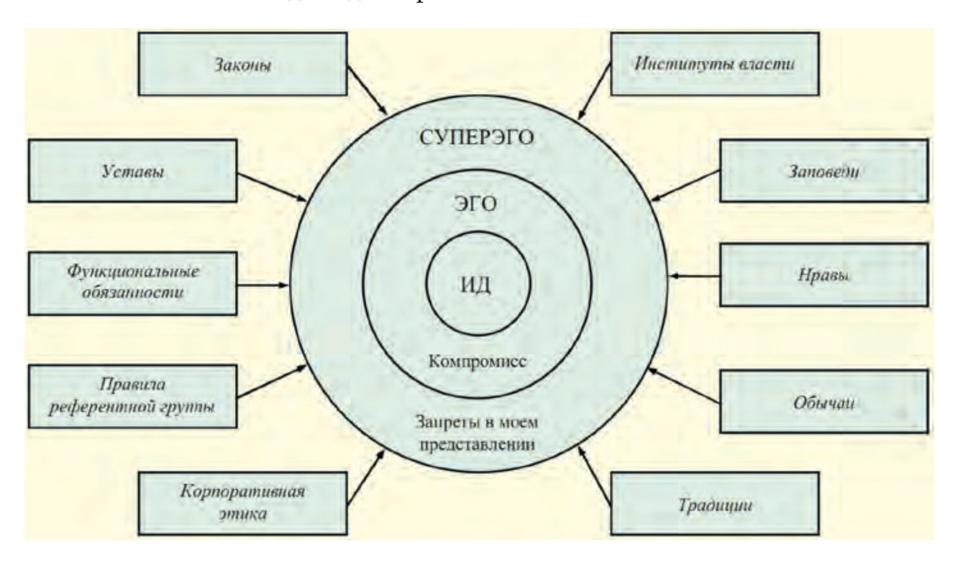

Рис. 1. К пояснению порядка формирования мировоззрения победителя

Постоянная война между ИД и СУПЕР-ЭГО обязательно разрушила бы человека, если бы не ЭГО, которое находит для них способ «договориться».

Согласно психоаналитической теории, ЭГО — та часть психики человеческой личности, которая находится в постоянном контакте с окружающим миром посредством восприятия. Осуществляет планирование, оценку, запоминание событий и иными путями управляет поведением человека в условиях воздействия физического и социального окружения, в том числе и при возникновении сложных нестандартных ситуаций.

Таким образом, мировоззрение, которое расположено внутри СУПЕР-ЭГО и ЭГО, определяет, как

Одной из основных задач командного и профессорско-преподавательского состава военного учебного заведения в процессе планомерной работы по всем видам деятельности является избирательное корректирование мировоззрения будущих командиров. Путем последовательной трансформации мировоззрение Победителя должно из категории немыслимого перейти в разряд допустимого, затем — приемлемого, потом — разумного и, наконец, стать для обучающихся военнослужащих нормой жизни.

воспринимаются запреты социума и какие способы компромисса допускаются для своего ЭГО при разрешении противоречий между желаниями и возможными ограничениями индивида. Любое мировоззрение как система взглядов, представлений о мире и его закономерностях, об окружающих человека явлениях природы и общества формируется, с одной стороны, бессознательно (не требует от человека волевых усилий), а с другой стороны, осознанно на основе опыта и знаний (требует значительных волевых усилий).

Какие возможности имеют преподаватели по бессознательному формированию мировоззрения Победителя? Может ли в этом участвовать гражданский преподаватель, например по физике, инженерной графике или иностранному языку? Если говорить о том, что основным качеством мировоззрения Победителя является стремление к обязательному достижению цели, возведенное до уровня привычки, то возможность и порядок действия педагога по его бессознательному формированию у военнослужащих определяется следующей логической последовательностью:

- корректное формулирование целей занятия;
- создание на занятии обстановки, способствующей достижению поставленных целей занятия;
- обязательное достижение поставленных целей занятия;
- подведение итогов занятия с учетом акцентирования внимания военнослужащих на поставленных целях и достигнутых результатах занятия.

Если преподаватель имеет достаточный авторитет, то обучающиеся во многом копируют его поведение. Например, ответственность за обязательное достижение целей занятия. Такая «привычка» способствует формированию системы взглядов о закономерном выполнении приказов.

Осознанное формирование мировоззрения основано на жизненном опыте, знаниях человека, требует волевых усилий и заключается в перестройке мотивационной структуры личности путем изменения значимости тех или иных мотивов[2]. Имеет ли педагог возможность повлиять на этот процесс? Каким образом он может заставить задуматься обучающегося о необходимости пересмотра своей мотивационной структуры? Как преподаватель должен сформулировать вопрос, чтобы затронуть глубинные струнки души военнослужащего?

Рассмотрим подробнее возможные вопросы для воздействия на мировоззрение обучающегося через коммуникативные уровни, например, когда он не подготовился к занятию (рис. 2).

Мировоззрение, которое расположено внутри СУПЕР-ЭГО и ЭГО, определяет, как воспринимаются запреты социума и какие способы компромисса допускаются для своего ЭГО при разрешении противоречий между желаниями и возможными ограничениями индивида. Любое мировоззрение как система взглядов, представлений о мире и его закономерностях, об окружающих человека явлениях природы и общества формируется, с одной стороны, бессознательно (не требует от человека волевых усилий), а с другой стороны, осознанно на основе опыта и знаний (требует значительных волевых усилий).

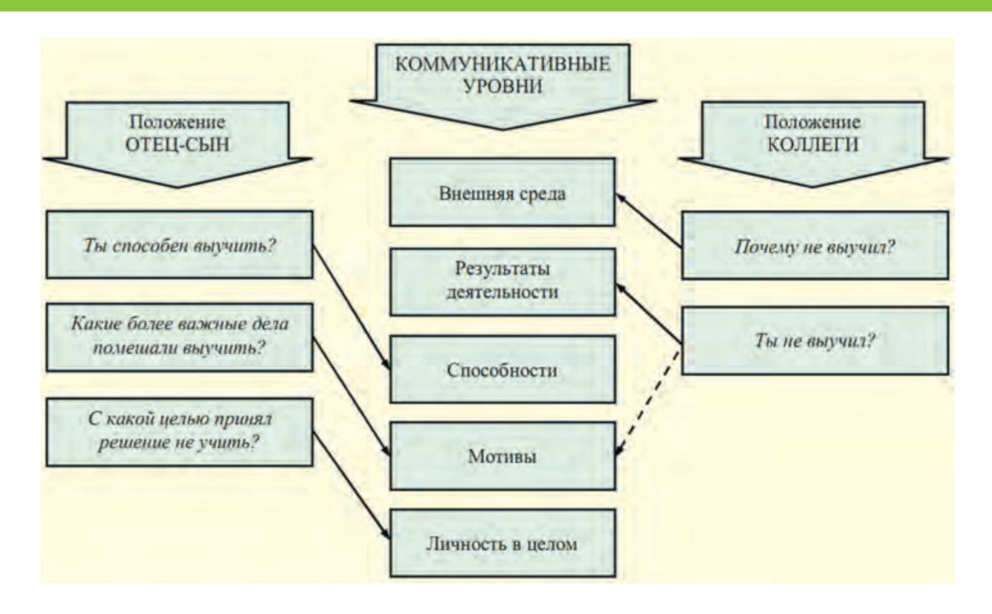

Рис. 2. Возможные вопросы для воздействия на мировоззрение военнослужащего через коммуникативные уровни

Обращение через коммуникативные уровни предметного обсуждения «Внешняя среда» и «Результаты деятельности», которые предполагают общение из психологического положения КОЛЛЕГИ, не дает возможностей для каких-либо изменений в мировоззрении военнослужащего. Только в том случае, если педагог обладает очень большим авторитетом, у военнослужащего могут возникнуть мысли об изменении приоритетов своих мотивов.

Обращение к более высоким коммуникативным уровням происходит с точки зрения психологического состояния ОТЕЦ—СЫН. При этом надо понимать, что обращение к уровню «Способности» в присутствии других обучающихся (публично) недопустимо. Отрицательное высказывание о способностях, как правило, воспринимается с большой обидой и доводит до отрицательных последствий (вплоть до суицида). Положительное восхваление способностей размывает СУПЕР-ЭГО, что отрицательно сказывается на мировоззрении в целом.

Обращение через коммуникативные уровни «Мотивы» и «Личность в целом» позволяет педагогу оказать воздействие на формирование мировоззрения военнослужащего, скорректировать его приоритеты, мотивировать его на формирование мировоззрения Победителя.

Невозможно переоценить накопленный боевой опыт преподавателя в вопросах формирования у военнослужащих мировоззрения Победителя[3,4]. Возникает вопрос: а что понимать под передачей боевого опыта такой категории, как курсанты? В процессе обучения у курсантов должны быть сформированы компетенции, которые в самом общем виде можно представить как способность и готовность выполнять функциональные обязанности (способность — физиологическая составляющая личности, готовность — психологическая составляющая личности, функционал — специальные знания о выходе из нестандартных ситуаций). При рассказе о том или ином эпизоде из реальных боевых действий необходимо доводить информацию о том, что испытывало тело, душа и какие действия совершались. Честная ин-

В процессе обучения у курсантов должны быть сформированы компетенции, которые в самом общем виде можно представить как способность и готовность выполнять функциональные обязанности (способность — физиологическая составляющая личности, готовность — психологическая составляющая личности, функционал — специальные знания о выходе из нестандартных ситуаций).

формация о том, как чувствовал себя участник событий после трехдневного отсутствия сна, что происходило после того, когда спало напряжение боя, в котором первый раз в жизни тобой был уничтожен враг, позволяет командиру в будущем адекватно оценить окружающую действительность. Содержание рассказа обязательно должно состоять из краткого описания обстоятельств, причин возникновения нестандартной ситуации и действий, которые привели к победе. Главная цель — сформировать уверенность в том, что из всякой безвыходной ситуации должно быть как минимум два выхода, которые просто необходимо найти.

Существенное значение имеет непосредственно форма доведения примеров боевого опыта. Результаты проводимых исследований по восприятию этой информации убедительно свидетельствуют о том, что при изложении таких событий целесообразно использовать преимущественно яркие, запоминающиеся слова. Необходимо избегать демонстрации эмоций, личной чувственной оценки. Не следует характеризовать способности, мотивацию, и личности участников событий. Абсолютно недопустимо, когда информация, рассчитанная на запоминание, излагается на грани самовосхваления и самолюбования[5].

Таким образом, формирование у военнослужащих системы взглядов и представлений о мире, отношения к реальности и своему месту в ней необходимо проводить планомерно, целенаправленно и постоянно. Вместе с этим, развивая собственное мировоззрение Победителя и личностные качества, военнослужащие смогут глубже понять ценность жизни, что позволит определить характер их дальнейшей деятельности и мотивировать на обязательное достижение поставленных целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фрейд З.* «Я» и «Оно». М.: Эксмо-Пресс, 2017. 160 с.

[2] *Берн Э.Л.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Изд-во «Бомбора», 2014. 576 с.

[3] *Букаев А.В., Ельцов Д.С., Великий А.В.* Реакция на стресс. Особенности воспитания психологической устойчивости курсантов на основе примеров реального боевого опыта // Вестник военного образования. 2021. № 5 (32).

[4] *Букаев А.В., Ельцов Д.С., Великий А.В.* Боевой опыт в воспитании психологической устойчивости // Арсенал Отечества. 2021. № 1 (51).

[5] *Букаев А.В., Назаров Е.А., Ельцов Д.С.* Психологическая составляющая личности. К вопросу об обучении курсантов осознанной коррекции психологической составляющей личности с целью приведения ее в требуемое состояние // Вестник военного образования. 2019. № 5 (20).

Потенциал влияния военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации на патриотическое воспитание военнослужащих

Полковник К.Н. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат педагогических наук

Е.О. КУБЯКИН,
доктор социологических наук

Капитан П.В. ИВАНОВ

АННОТАЦИЯ

Рассмотрен приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» — основной документ по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации; выделены направления и формы военно-политической работы, способствующие патриотическому воспитанию военнослужащих; оценена их связь с направлениями патриотического воспитания.

ABSTRACT

The paper examines Order 803 of December 28, 2021 by the RF Ministry of Defense *On Approving the Manual on Organizing Military-political Work in the Armed Forces of the Russian Federation*, the key document on organizing military-political work in the RF Armed Forces; it singles out the trends and forms of military-political work that help patriotic upbringing of servicemen, and assesses their relation to patriotic upbringing trends.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Воспитание военнослужащих, патриотическое воспитание, военно-политическая работа, военно-политическая пропаганда и агитация, формы воспитания.

KEYWORDS

Upbringing of servicemen, patriotic upbringing, military-political work, military-political propaganda and agitation, forms of upbringing.

НИ У КОГО не вызывает сомнения тот факт, что морально-политические и психологические качества военнослужащих, уровень их патриотизма, боевой дух в совокупности представляют собой один из важнейших аспектов боеспособности и эффективности Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом немаловажно и то, что сама по себе армия — это не просто общественный институт, деятельность которого связана с защитой суверенитета государства и отстаиванием его интересов в рамках внешнеполитического взаимодействия.

В Российской Федерации служба в армии является одной из важных вех в жизни молодых людей: прохождение службы по призыву представляет собой событие, в существенной мере определяющее характер мировоззрения военнослужащих, их социальные приоритеты, способ отношения к различным областям общественной жизни. В этом контексте очевидно, что вопрос о военно-политическом воспитании и, в частности, о развитии патриотического сознания в рядах военнослужащих существенно шире, нежели просто вопрос о создании предпосылок для эффективного функционирования военного института.

Формирование патриотизма у военнослужащих, по нашему мнению, является стратегической задачей, эффективное решение которой имеет значение как в рамках периода несения ими военной службы, так и на долгосрочную перспективу — в рамках социализации военнослужащих после увольнения в запас. Если развернуто рассмотреть данный аспект, следует обратить внимание прежде всего на то, что наличие или отсутствие патриотических установок у членов общества в существенной степени предопределяет как их отношение к государству, так и в целом преимущественные векторы социальной активности действующего субъекта, его цели и жизненную стратегию.

Исследователи сходятся во мнении, что существенно более высокий конструктивный потенциал социальной активности демонстрируют те члены общества, которые обладают социально-ориентированными установками мировоззрения.

Патриотизм в данном случае представляет собой одну из наиболее значимых социально-ориентированных форм мировоззрения, реализуя ценностную, мотивационную, регулятивную и иные конструктивные социальные функции[1]. Таким образом, когда мы ставим вопрос о том, насколько хорошо в рамках института армии реализуется патриотическое воспитание, мы рассматриваем в том числе вопрос о фундаменте социального благополучия, закладываемом там (при условии, если патриотическое воспитание реализуется эффективно).

Следует отметить, что вопрос о значении военной службы для формирования патриотического сознания существенно трансформируется в зависимости от того, какое место занимает армия в общественной жизни, какое отражение она получает в общественном сознании, а также от того, какова актуальная ситуация в Вооруженных Силах. Рассмотрим данные аспекты по порядку, начиная с вопроса о том, какое значение имеет внешнеполитическая обстановка как фактор социального восприятия военнослужащих и воинской службы в целом.

Здесь существует важная закономерность, выраженная в том, что, чем выше уровень предпосылок развития военного конфликта, тем большую субъективную значимость для членов общества имеют состояние армии, уровень ее технической оснащенности, численность войск, степень профессионализма и характер личных качеств военнослужащих. Здесь прослеживается следующая взаимосвязь. Патриотизм военнослужащих, являющихся частью общества, частично обусловлен солидарностью с его уровнем в стране, а также степенью доверия к армии, ее социальной востребованностью. Члены общества склонны связывать личную безопасность и боеспособность армии в основном в условиях, когда имеет место либо память о недавней войне (то есть живой опыт того, что война может иметь место), либо нагнетание

внешнеполитической ситуации, при которой военный сценарий развития событий видится высоковероятным. Примером может служить положительная динамика повышения престижа Российской Армии во временном отрезке, когда авторитет России, а следовательно, и полюс возможной конфронтации усиливались.

Динамика изменения престижа военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации представлена на рисунке 1*.

* Индекс престижа военной службы рассчитывается по формуле: $Ip = (a(+1.0) + b(+0,5) + c(+0,33) + d(-0,5) + e(-1.0)) / 100$, где a, b, c, d и e — процентное значение ответов «высокий престиж», «престиж выше среднего», «средний уровень престижа», «престиж ниже среднего» и «низкий престиж» соответственно. Диапазон индекса: от –1 балла до +1 балла.

Рис. 1. Динамика изменения престижа военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (исследования подразделения Минобороны России в период 2007—2019 годов)

В ситуациях же, когда внешнеполитическая обстановка имеет благоприятный характер, а на протяжении длительного времени имело место «затишье», связанное с отсутствием военных конфликтов, восприятие значимости армии как общественного института постепенно сходит на нет, вплоть до признания армии отдельными членами общества необязательным институтом, бесполезным в мирное время. Существует взаимосвязь между социальным признанием армии и эффективностью военно-политической работы (в том числе направленной на патриотическое воспитание военнослужащих). В силу того, что военнослужащие неотделимы от социума, для них принципиально важно, чтобы на уровне социального сознания цели армии и общества совпадали, чтобы общество, которое армия должна защищать, относилось к военнослужащим с уважением и благодарностью.

Данный аспект очень значим для оценки того, насколько серьезно

склонны воспринимать политинформацию военнослужащие, совсем недавно находящиеся на воинской службе и, соответственно, являющиеся носителями общих мировоззренческих установок в отношении военного института. В ситуации, когда институт армии воспринимается несерьезно, равно как и военные нужды государства, чрезвычайно сложно взывать к патриотическим чувствам людей в рамках акцентуации их внимания на внешних угрозах государству и понимании значимости профессии военного. В данном случае одним из ключевых моментов является именно то, что некорректные установки восприятия политической ситуации в целом и значения Вооруженных Сил в частности становятся одним из серьезнейших препятствий в формировании у членов общества патриотических установок мировоззрения. По этой причине одним из важных аспектов формирования предпосылок развития патриотизма в армии становится эффективное информирование военнослужащих об актуальных угрозах безопасности российского государства, об отражении момента непрогнозируемости отдельных военных конфликтов и ошибочности мышления по типу «столько не было войны, и дальше не будет», широко распространенного среди обывателей в мирное время.

Формирование патриотизма у военнослужащих, по нашему мнению, является стратегической задачей, эффективное решение которой имеет значение как в рамках периода несения ими военной службы, так и на долгосрочную перспективу — в рамках социализации военнослужащих после увольнения в запас.

Обратимся к такому значимому аспекту формирования патриотизма, как отражение армии в общественном сознании. Здесь следует обратить внимание прежде всего на то, что для существенной доли членов общества армия представляет собой институт, с которым они знакомы лишь понаслышке — на основании чужого опыта, обращения к различным литературным, кинематографическим образам военнослужащих, оценивания прессой различных аспектов состояния армии и т. д.

Как отмечает М. Маклюэн, в современном обществе опосредованное познание, восприятие общественной реальности через заимствование чужих мнений, в частности через приобщение к медийной сфере имеет доминирующий характер[2]. В данном случае важно то, что восприятие армии носит во многом мифологический характер, и то, каким образом воспринимаются Вооруженные Силы обывателями, может в существенной степени разниться с их реальным состоянием. При этом одним из главных факторов является своеобразная инерция мышления, связанная с сохранением и репрезентацией устаревших представлений о состоянии института армии на протяжении сравнительно долгого времени. Это явление может иметь как позитивный характер сохранения конструктивных установок восприятия Вооруженных Сил Российской Федерации (в условиях, когда ранее имело место позитивное социальное восприятие армии, например, в условиях значимых военных побед), так и негативный характер в условиях, когда ранее имели место негативные явления, связанные с состоянием института армии.

Если рассмотреть в данном отношении исторические предпосылки формирования отношения к Вооруженным Силам Российской Федера-

ции, можно констатировать серьезные проблемы, получившие отражение и определившие дискредитацию института армии на уровне общественного сознания. К числу таковых проблем исторического плана следует отнести прежде всего дисфункцию института армии в 90-е годы XX века, проявившуюся в развитии коррупции и возникновении обширной практики неуставных отношений в военной среде. Одной из наиболее острых проблем в данном случае являлась «дедовщина», наличие (и, в частности, деструктивные последствия) которой определило трансформацию отношения к воинской службе в гражданской среде от восприятия ее в качестве почетного дела и одного из серьезных источников высокого социального статуса вплоть до представлений об армии как об институте, в рамках которого люди зря теряют свое время и в том числе рискуют собственным здоровьем без какой-либо ощутимой пользы для общества (последняя мысль особо актуализируется в мирное время)[3].

Указанная выше ситуация на уровне источников, локализованных реальной системой отношений, реализуемой в институте армии, подлежит последовательному урегулированию, что связано с рядом мер, направленных на преодоление дисфункции института армии и выстраивание здоровых отношений между военнослужащими, соответствующих нормативно-правовой базе. Между тем было бы сложно отрицать тот факт, что наличие предрассудков, касающихся воинской службы, не может не сказываться на степени восприимчивости военнослужащих к проводимой на уровне института армии воспитательной работе.

Совершенно отличаются в данном отношении друг от друга ситуации, когда человек попадает в престижную структуру, где к нему предъявляются повышенные требования (однако имеет место серьезное поощрение, связанное с высоким социальным статусом), и когда человек попадает в порочную систему, в которой существенно различаются заявленные принципы взаимодействия и реальная практика. Очевидно, что во втором случае меры, направленные на воспитание, могут восприниматься через призму отторжения «двойных стандартов». При этом тот факт, что в настоящее время речь идет скорее о предрассудках в восприятии военного института, свидетельствует о том, что необходимо преодолеть сложившиеся представления и сформировать корректное восприятие Вооруженных Сил Российской Федерации в среде военнослужащих.

Патриотизм военнослужащих, являющихся частью общества, частично обусловлен солидарностью с его уровнем в стране, а также степенью доверия к армии, ее социальной востребованностью. Члены общества склонны связывать личную безопасность и боеспособность армии в основном в условиях, когда имеет место либо память о недавней войне, либо нагнетание внешнеполитической ситуации, при которой военный сценарий развития событий видится высоковероятным.

Итак, мы приходим к пониманию того, что в настоящее время в общественном сознании имеют место негативные тренды социального восприятия армии, в существенной мере препятствующие адекватному осуществлению патриотического воспитания военнослужащих. Одним из ключевых аспектов создания благоприятного формата социального восприятия армии и, как след-

ствие, создания предпосылок для эффективного патриотического воспитания военнослужащих становится осуществление целенаправленной деятельности по информированию военнослужащих. Причем речь идет, с одной стороны, о работе с мировоззренческими установками рядового состава, а с другой — о подготовке командного состава к осуществлению воспитательной работы по отношению к подчиненным.

Из проведенного анализа видно, что в настоящее время имеет место острая по своему характеру проблема формирования конструктивных социальных установок в среде военнослужащих, к тому же задача по патриотическому воспитанию оказывается в существенной мере осложнена негативными исходными установками членов общества — разнообразными предрассудками и стереотипами, связанными с представлениями граждан об армии. Следует добавить к этому еще и то, что наследием глубокого социально-политического кризиса 90-х годов является также нарушение характера политического самосознания граждан, что проявляется в недоверии к государству и, соответственно, настороженном отношении к основным государственным институтам, одним из которых является армия.

На этом фоне очень большое значение имеют не только меры, направленные на оптимизацию структуры института армии, но также и меры, ориентированные непосредственно на выработку мировоззрения военнослужащих, что предполагает специальную организационную работу, формирующую в их среде конструктивные социальные и политические установки. Ниже (рис. 2 и 3) представлены результаты эмпирических исследований, показывающих экзистенциально-мотивационную и социальную составляющие установок российских военнослужащих.

Приведенная выше статистика показывает своевременность постановки вопроса об оптимизации социального статуса военных и их мотивационно-идеологической основы.

Одним из наиболее последовательных, системных шагов по урегулированию сложившейся ситуации является организация целенаправленной идеологической работы с военнослужащими, что находит законодательное закрепление в приказе Министра

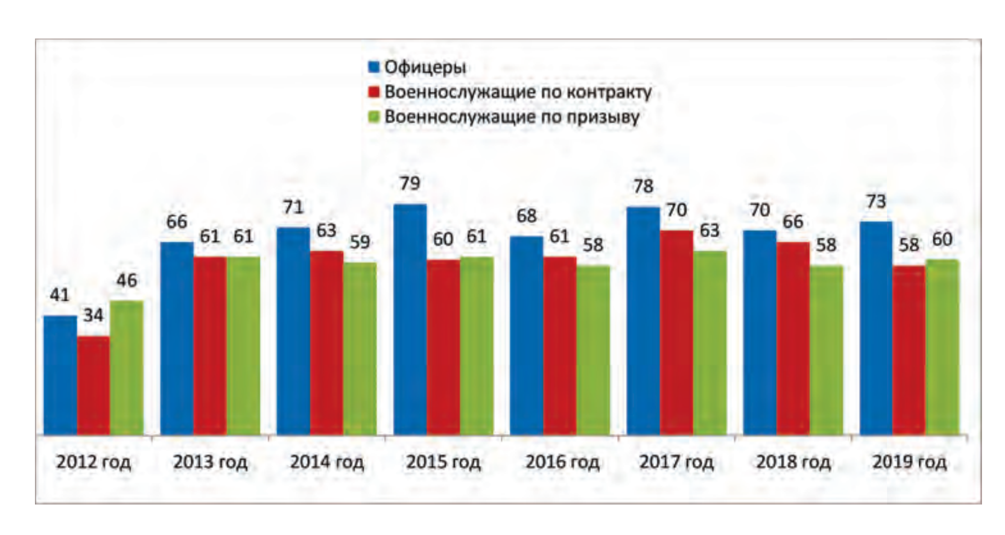

Рис. 2. Уровень гордости военнослужащих за службу в Вооруженных Силах Российской Федерации

Рис. 3. Удовлетворенность военнослужащих заботой государства о Вооруженных Силах Российской Федерации

обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации»[4], который вступит в силу летом 2022 года. В нем определены основные меры, направленные на оптимизацию характера воспитательных, разъяснительных мероприятий, создание благоприятного климата взаимодействия военнослужащих, поддержание в их среде высокого боевого духа, конструктивных ценностных установок, развитие позитивных форм морально-политического сознания. Данный приказ расширяет цели и задачи военно-политической работы, прежде всего затрагивая те направления, которые в последние годы приобрели широкий характер: фальсификация истории, порождающая раскол в российском обществе, растущий в сети негативный информационный поток, способный деморализовать население страны, в том числе и будущих военнослужащих.

В приказе № 803 борьбе с этим уделяется особое внимание и описывается регламент работы военно-политического органа Вооруженных Сил Российской Федерации.

В соответствии с текстом приказа основными задачами военно-политической работы являются:

• поддержание высокого уровня морально-политического и психологического состояния личного состава;

• популяризация военной службы, формирование у личного состава чувства патриотизма, военно-политического сознания и культуры, осознанного отношения к выполнению воинского долга, приказов командиров и начальников, трудовых (служебных) обязанностей, требований законодательных и иных правовых актов Российской Федерации;

• формирование у военнослужащих стремления к добросовестной высокоэффективной служебной и боевой деятельности;

• обеспечение правопорядка и воинской дисциплины в воинских частях, формирование у личного состава правовой культуры;

• создание условий для удовлетворения военнослужащими, членами их семей и лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации культурных и духовных потребностей, для реализации установленных законодательством Российской Федерации прав и социальных гарантий;

• повышение значимости военно-политического органа в работе с военнослужащими в первую очередь по призыву, которые были подвержены вышеназванным угрозам. Согласно приказу, военно-политический орган обязан консолидировать военнослужащих для выполнения ими своего конституционного долга.

Основные направления деятельности, регулируемые положениями данного приказа, связаны с искоренением негативных мировоззренческих установок военнослужащих, борьбой с недостаточным пониманием ими социально-политической ситуации и формированием условий для привития военнослужащим конструктивных ценностных ориентаций. Также положения приказа № 803 регулируют организацию просветительской деятельности, реализацию политической пропаганды, направленной на повышение уровня патриотизма в среде военнослужащих, развитие их общего культурного уровня, организацию досуговой деятельности военнослужащих, формирование развернутой системы компетенций, в рамках которой отдельные должностные лица формируют и поддерживают конструктивные формы мировоззрения в среде военнослужащих.

Для выполнения поставленных задач большое внимание уделяется правовому информированию призывников, работе с верующими военнослужащими, военно-патриотическим молодежным акциям, встречам с ветеранами Великой Отечественной войны и боевых действий, военачальниками, государственными деятелями, учеными и спортсменами. Проводятся уроки мужества в образовательных и молодежных военно-патриотических организациях, экскурсии, дни открытых дверей в органах военного управления и воинских частях, выставки вооружения и военной техники, показные занятия по боевой подготовке.

Если проанализировать основные проблемы, с которыми сталкивается в настоящее время институт армии, и соотнести их с основными положениями и нормами, представленными на уровне приказа Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации», можно сделать ряд важных выводов:

в о - п е р в ы х, данный приказ представляет собой систему мер, ориентированных на преодоление существующих нарушений в восприятии армии и военной службы в среде военнослужащих, что позво-

Одним из наиболее последовательных, системных шагов по урегулированию сложившейся ситуации является организация целенаправленной идеологической работы с военнослужащими, что находит законодательное закрепление в приказе Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации», который вступит в силу летом 2022 года.

ляет рассматривать осуществляемые в соответствии с ним мероприятия в качестве социального механизма, ориентированного на преодоление негативной инерции мышления граждан, возникшей на момент кризисного состояния Вооруженных Сил Российской Федерации;

во-вторых, область воздействия данного приказа на систему отношений в армии имеет крайне многогранный, разветвленный характер. Очень важным в данном случае является то, что в его рамках не только регулируются меры по повышению морального духа военнослужащих, но и создаются предпосылки для повышения уровня их правосознания (в том числе это означает повышенные гарантии соблюдения прав самих военнослужащих, что, как следствие, определяет возможность минимизации ситуаций неуставных отношений в воинской среде);

в-третьих, перечень направлений воздействия на мировоззрение военнослужащих не ограничивается насаждением ценностного восприятия государства и привитием чувства долга по отношению к Родине. Речь идет о повышении общего культурного уровня военнослужащих, в результате чего формируется не слепое принятие патриотических ценностей, а осознанное понимание значимости государственных интересов и в том числе связи между личными интересами граждан и интересами государства в целом. Повышение политической и юридической грамотности граждан в результате проведения военно-политической работы закладывает предпосылки для более глубокого понимания ими специфики протекающих в обществе процессов и, в частности, создает предпосылки для позитивного восприятия отдельных шагов, предпринимаемых представителями политической власти.

Таким образом, в настоящее время имеет место развитая модель оптимизации мировоззренческих установок военнослужащих, закрепленная на законодательном уровне и реализуемая в рамках Вооруженных Сил Российской Федерации. С учетом тяжести накопившихся проблем крайне проблематично говорить о том, что принимаемые меры могут одномоментно разрешить сложившуюся неблагоприятную ситуацию, однако общий конструктивный потенциал проводимых мероприятий крайне высок, а их позитивные результаты, накапливаясь, могут способствовать преодолению имеющего место мировоззренческого кризиса. На долгосрочную перспективу это означает, что грамотно ведущаяся военно-политическая работа может способствовать не только преодолению негативных стереотипов, связанных с армией, но и развитию патриотического сознания в гражданской среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н.* Значение патриотизма в жизни российского общества: функциональный подход // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2017. № 7. С. 38—54.

[2] *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

[3] *Солнышков А. Ю.* Неформальные отношения военнослужащих, проходящих службу по призыву, в ситуациях управленческого взаимодействия: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.08. М., 2008. 250 с.

[4] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Российское направление в деятельности шведской военной разведки в начале XX века

Я.И. ЛАРИНА,
кандидат исторических наук

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются факторы, определившие создание и направления деятельности органов шведской военной разведки в конце XIX — начале XX вв., представлен обзор их истории и организационного оформления. Особое внимание уделено российскому направлению в деятельности шведской военной разведки.

ABSTRACT

The paper looks at the factors instrumental in the creation and activity lines of the Swedish military intelligence bodies in the late 19th and early 20th centuries, offering a survey of their history and organizational design. Especial attention is given to the Russia line in the work of the Swedish military intelligence, including the human (clandestine) variety.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Военная разведка, генеральный штаб, военное строительство, Швеция.

KEYWORDS

Military intelligence, general staff, military construction, Sweden.

В НАСТОЯЩЕЕ время в фокусе внимания шведских военных аналитиков находится широкий спектр вопросов, касающихся российской военной политики и военного строительства. В 2018—2022 годах Агентство (институт) оборонных исследований (*Totalförsvarets forskingsinstitut, FOI*), работающее в интересах шведского министерства обороны, подготовило не менее 60 открытых аналитических материалов о структуре и развитии Российских Вооруженных Сил, военных учениях, военном и военно-научном потенциале, военно-промышленном комплексе, деятельности в Арктике, Средней Азии и Африке и др.[1]

В ежегодных открытых обзорах шведской военной разведки (*Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten, MUST* — Служба военной разведки и безопасности), посвященных военно-политической обстановке и предполагаемым угрозам, на протяжении нескольких лет Россия указывается в качестве основной дестабилизирующей силы в военной, информационной и разведывательной сферах[2].

По оценкам бывшего аналитика *MUST*, представления о России в оценках и прогнозах шведской службы военной разведки незначительно отличались в зависимости от военно-политической обстановки, однако в целом Россия представала в качестве традиционного, наследственного врага Запада и, как следствие, Швеции. Соответственно, тексты, посвященные России, насыщены негативными коннотациями. Языковую практику в репрезентации России отличает наличие негативных оценок[3].

Представляется необходимым рассмотреть истоки подобной репрезентации России, обратиться к истории создания и деятельности шведской военной разведки и оценить значение в этом процессе российского направления, что определяет цель настоящей статьи[4]. Этой цели подчинены задачи статьи: выделение факторов, определивших создание и направления деятельности органов шведской военной разведки; обзор их истории; рассмотрение их деятельности на российском направлении.

Создание и основной вектор активности шведской военной разведки в рассматриваемый период определяли *три основных фактора*:

• общее изменение и развитие способов ведения войны;

• распространение сильных прогерманских настроений в среде шведской военно-политической элиты;

• оценка военно-политическим руководством Швеции угроз и определение России как основного источника военной угрозы.

Первый фактор. Во второй половине XIX века усовершенствование оружия, применение в военных целях новых технических средств и численный рост армий обусловили «расширение масштабов войны и развитие способов ее ведения»[5]. К концу XIX века крупномасштабный и сложный характер войны привел к созданию генеральных штабов как нового, постоянного и профессионального управляющего института[6]. Индустриализация, появление массовых армий, основанных на призывной системе, развитие инфраструктуры, в частности системы железных дорог, способствовавшее быстрой переброске войск, использование телеграфа и радиосвязи — все это обусловило потребность в невиданном ранее объеме и оперативности получения сведений о войсках, вооружении и военном потенциале противника и, как следствие, развитии и организационном оформлении разведывательной деятельности[7].

«Становление разведывательных органов как самостоятельного элемента государственного механизма завершилось в ведущих державах к рубежу XIX—XX веков, что было обусловлено объективными факторами и осознанием руководящими кругами многих европейских стран необходимости отделения официальной дипломатической службы от специфической по своему характеру и формам разведывательной деятельности»[8]. Становление военной разведки как особого вида деятельности вооруженных сил и ее отделение от политической разведки произошло в конце XIX—начале XX века[9].

Под термином «разведка» в широком смысле этого слова понимается, с одной стороны, деятельность субъекта (от человека, организованной группы людей до государства в целом) по добыванию сведений об имеющихся и потенциальных угрозах его су-

ществованию и интересам, т. е. о действующем и вероятном противнике, а с другой — организационная структура, силы и средства для осуществления этой деятельности. Понятие «военная разведка» включает разведывательную деятельность, а также разведывательные органы, силы и средства непосредственно вооруженных сил государства[10].

В конце XIX — начале XX века в Швеции, как и в других европейских странах, была введена всеобщая воинская повинность, созданы генеральный штаб (далее — ГШ) и академия генерального штаба, произошло организационное оформление военной разведки.

Вторым фактором, определившим создание и основной вектор активности шведской военной разведки, было *распространение сильных и устойчивых прогерманских симпатий в среде шведской военно-политической элиты*.

При короле Оскаре II (1872—1907) произошла переориентация шведской внешней политики в сторону Германии. Королю импонировало ключевое положение кайзера в немецкой политической системе, такого же положения шведский монарх желал добиться и в собственной стране. В Швеции сложился круг лиц, заинтересованных в сближении с Германией — члены королевской семьи и правительства, офицеры, представители духовенства, преподаватели университетов, журналисты и консерваторы в целом, многие из которых получили образование в Германии. Эта небольшая, но влиятельная группа считала необходимым направить развитие Швеции по немецкому пути — создать сильную монархию, ограничить права парламента, усилить армию и активизировать внешнюю политику страны[11].

После побед Пруссии в войнах с Австрией и Францией в шведской военной среде прусская стратегия, военная организация и генеральный штаб считались образцовыми и самыми современными[12]. В 1909 году российский военный агент в Скандинавии А.А. Игнатьев отмечал, что «германская армия является для огромного большинства шведских офицеров единственным идеалом порядка, дисциплины, воспитания и могущества»[13].

В Военной академии в Берлине учились первый начальник и один из создателей нового шведского ГШ Гуго Рааб (в 1855—1858 годах) и начальник ГШ Кнут Бильдт (в 1875—1878 годах), отец которого в 1874—1886 годах был шведским посланником в Берлине[14].

«Для представителей шведской элиты и консервативно настроенных кругов Германия постепенно становилась главным примером. Своей мощью и милитаристской политикой она напоминала великую эпоху шведского великодержавия Густава II Адольфа, о которой с особой тоской вспоминали шведские военные и аристократические круги, жаждавшие усиления армии и флота»[15]. Германия представлялась шведским прогерманистам подходящим союзником во внешнеполитической борьбе за усиление влияния в Балто-Скандинавском регионе и восстановление статуса великой державы, утраченного в ходе войн с Россией XVIII—XIX веков.

Прогерманизм шведской военно-политической элиты был тесно связан с *третьим фактором*, определившим основной вектор активности шведской военной разведки — *определением России как основного источника военной угрозы*.

В конце XIX—начале XX века в Швеции проходили ожесточенные дебаты по вопросам военной политики. «Российская угроза» стала основным аргументом в ее обосновании[16]. Производилась активная модернизация шведской армии, в 1901 году была введена всеобщая воинская повинность, строились новые современные

казармы, было запланировано строительство броненосцев, на севере страны была заложена крепость Буден для отражения предполагаемого нападения России с территории Финляндии. Провести эти реформы и получить средства из бюджета на военные расходы было невозможно без одобрения парламента и соответствующей подготовки общественного мнения, поэтому прогермански настроенные публицисты, политики и историки нагнетали в многочисленных статьях, книгах, речах антироссийские настроения и страх перед «российской угрозой».

Традиция негативного взгляда на Россию имела в Швеции давние исторические корни — наряду с датчанами русские были так называемым «наследственным врагом» шведов уже в XVI веке[17]. Победа России в Северной войне (1700—1721), а затем в русско-шведских войнах XVIII—XIX веков и завоевание Финляндии положили конец шведской эпохе «великодержавия» — военно-политического доминирования в Европе и на Балтике.

Германия активно участвовала в активизации антирусских панических настроений в Швеции для привлечения ее в коалицию Центральных держав[18]. Россия не имела захватнических планов в отношении Скандинавии, все ее действия в этом регионе носили оборонительный характер, но германские политики и периодические издания Германии представляли дело так, будто Россия вынашивает наступательные планы в отношении Швеции, а союз с Германией мог бы защитить ее от русского наступления[19].

В 1880-е годы в Швеции выходили пропагандистские памфлеты об угрозе российского нападения с севера[20]. Кульминационным в антирусской кампании в Швеции стал 1912 год, когда известный исследователь Центральной Азии Свен Гедин, опубликовал миллионным тиражом брошюру «Слово предостережения»[21], в которой живописал ужасы предполагаемой русской оккупации Швеции. Работа была подготовлена по тайному заказу и при участии начальника военно-исторического отдела шведского ГШ майора Г. Хеденгрена (о чем стало известно только в 1951 году)[22]. Выход «Слова Предостережения» стал началом борьбы правых и прогерманистов с либеральным правительством премьер-министра К. Стаафа, которое сократило военные расходы и во внешней политике придерживалось принципов нейтралитета и развития сотрудничества с Россией[23].

Через месяц после выхода брошюры Гедина правой прессой была инициирована громкая кампания против российского военного атташе в Скандинавии графа А.А. Игнатьева — он был безосновательно обвинен в шпионаже[24]. Шпиономания в целом приняла накануне Первой мировой войны в Швеции масштабы массовой истерии, что создавало благоприятную среду для русофобских выступлений[25].

С тезисом о «русской угрозе» связывалась царская политика интеграции Финляндии в общеимперскую систему и строительство там железных дорог[26]. Немецкие военные, политики и журналисты поддерживали сепаратистские настроения в Финляндии, строительство железных дорог преподносилось ими как угроза шведской безопасности со стороны России[27]. Аландские острова также представлялись в шведской печати как плацдарм для нападения на шведскую территорию.

Одним из важнейших инструментов актуализации представлений о России как о враждебном и опасном государстве и формирования соответствующих общественных настроений в Швеции стала историческая политика[28].

В 1910 году был учрежден «Каролинский союз», целью которого было изучение эпохи Карла XII, Северной

войны и распространение националистической риторики[29]. 40 % членов общества были военными, преимущественно офицерами, которые полагали, что его деятельность может способствовать укреплению вооруженных сил[30]. В отличие от постановлений других европейских стран, шведская конституция не содержала «запрещения находящимся на действительной службе воинским чинам принимать участие в политической агитации»[31].

Военно-политическая обстановка в мире менялась, но представления о России как об основной угрозе оставались неизменными и устойчивыми с 1870-х годов[32]. Шведский генеральный и морской штабы были едины в представлении о существовании российской угрозы — план обороны 1906 г. и доклад морского штаба о предполагаемый угрозах Швеции 1912 г. были составлены в единой парадигме[33]. Эти представления определили не только содержание военной политики, но и организационное оформление и направление деятельности шведской военной разведки. Шведский исследователь С. Уредссон рассмотрел феномен шведских коллективных страхов XX века и в качестве основного указал страх перед внешним врагом, а именно — Россией/Советским Союзом. По его мнению, именно наличие страха легитимировало существование служб безопасности, а «политики и люди, формирующие общественное мнение, могут подогревать в обществе страх перед внешним врагом, чтобы обосновать необходимость резкого увеличения военного бюджета»[34].

Россия не угрожала Швеции, напротив, российское политическое руководство видело угрозу в возможном выступлении Швеции на стороне Германии в случае войны[35]. Антироссийские пропагандистские кампании в Швеции, рост военного бюджета, военные реформы, сближение с Германией и поддержка финского национального движения заставляли российское военно-политическое руководство рассматривать сценарий вторжения шведской армии в Финляндию при содействии Германии и финских сепаратистов как вполне реальный[36]. Шведский ГШ назывался в российской военной периодике «филиальным отделением Берлинского большого Генерального штаба»[37].

Аландские острова воспринимались шведским военным руководством как потенциальный плацдарм для нападения со стороны России, однако планы обороны Балтийского побережья 1907—1912 годов предусматривали в качестве наступающей стороны Германию в союзе со Швецией и ставили исключительно оборонительные задачи[38].

А.С. Кан обратил внимание на «асимметричный характер русско-шведских отношений в новое и новейшее время». Под этим термином он подразумевал, что «Россия и ее политика, ее неудачи и успехи были гораздо важнее для Швеции, нежели те или иные действия или бездействие Швеции — для России. Поколения шведов вырастали с предвзятым отношением к России, в “страхе перед русскими” — понятие ныне общепринятое в истории шведского самосознания»[39]. В полной мере эта асимметрия проявилась и в военной, и в разведывательной сферах.

Подозрительность шведских военных кругов по отношению к России была константой в 1905—1914 годах. Организация и деятельность разведки в этот период были в значительной степени обусловлены именно этим[40].

Новый шведский генеральный штаб был создан в 1873 году по инициативе Г. Рааба и отличавшегося прогерманскими взглядами военного министра Э.О. Вейденхьельма. При определении его организационной структуры и функций основным образцом послужил прусский генеральный штаб[41].

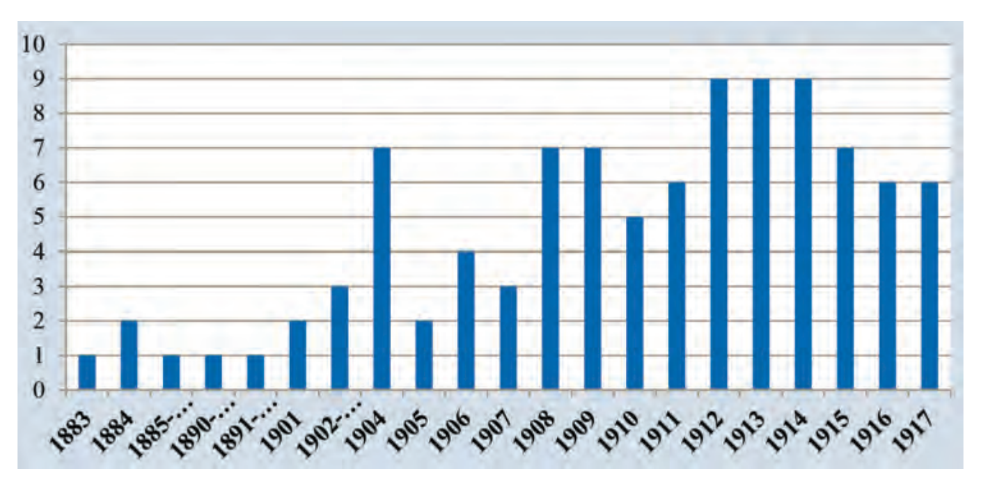
5 декабря 1873 года был издан и разослан в войска королевский циркуляр, вводивший Положение о генеральном штабе. Оно определяло организационную структуру, функции и задачи ГШ в мирное время.

Одна из основных задач включала *«сбор, изучение и обобщение сведений, касающихся военного дела иностранных, в особенности соседних, государств, с тем, чтобы в любой необходимый момент располагать достоверными и исчерпывающими данными для оценки их военного потенциала»*[42].

Начальник ГШ возглавлял главное управление ГШ (*generalstabens hufvudstation*), которое состояло из *четырех отделов*: сообщений, военно-исторического, военно-статистического и топографического[43]. Деятельность по сбору сведений об армиях иностранных государств осуществлял *военно-статистический отдел*.

В 1908 году была проведена реорганизация ГШ — военно-статистический отдел был разделен на три отдела — центральный (оперативное планирование, планы обороны границ), организационный (организационно-мобилизационные вопросы, шведская военная статистика) и *иностранный*.

Иностранный отдел стал первым шведским органом военной разведки в современном понимании[44]. Он должен был собирать и обобщать сведения об иностранных армиях и всех изменениях в военной сфере зарубежных государств[45]. Его создание свидетельствовало о постепенной профессионализации и организационном оформлении разведывательной деятельности, стремлении к систематизации военно-политической информации о зарубежных странах и более узкой специализации соответствующих подразделений. Отдел делился на подразделения (отделы, detalj), которые занимались определенными странами, среди них был и русский отдел, офицеры которого владели русским языком, регулярно бывали в России, в то время как в шведском МИДе не было даже политического департамента[46]. Количество сотрудников русского отдела достигло максимума в 1912—1914 годах, в период наибольшего усиления антироссийской риторики в Швеции.

Составлено по: Åselius, G. Militärattachéerna i S:t Petersburg. En undersökning av det svenska underrättelseväsendets professionalisering 1885—1917 // Militärhistoriskt Tidskrift. 1990. Stockholm. 1991. S. 35—36.

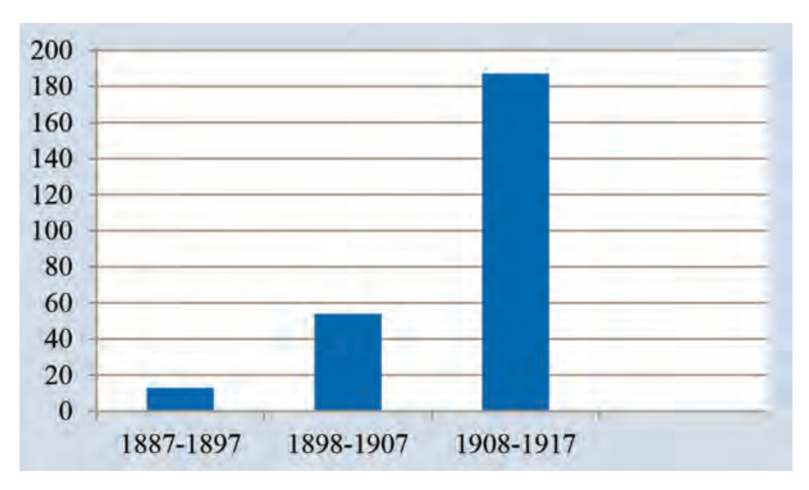
Рис. 1. Количество сотрудников русского отдела шведского Генерального штаба в 1883—1917 годах

Иностранный отдел получал данные из иностранной военной литературы, уставов, указов, специализированных газет и журналов и других открытых печатных источников; донесений военных атташе; донесений офицеров, направленных на военную службу в иностранные государства. Отдел анализировал собранные материалы и готовил обобщающие доклады и обзоры по наиболее важным вопросам. Сотрудники отдела также следили за развитием военных действий в ходе конфликтов между другими государствами[47].

С 1908 года начальнику иностранного отдела направлялись донесения шведских *военных атташе* (до этого — военному министру). Пост военного атташе в Санкт-Петербурге был учрежден в 1858 году, занят несколько лет в 1860-е годы, а затем восстановлен только в 1885 году. Начальник ГШ К. Бильдт писал в 1905 году, что военные атташе необходимы только в трех странах — столицах потенциальных противников (Россия, Дания) и мировой военной столице — Берлине, а будущим военным атташе необходимо предоставлять специальные стипендии для поездок в Россию для знакомства с русской культурой и обществом[48].

Военные атташе в России должны были «внимательно следить за состоянием коммуникаций, путей сообщения и их развитием, особенно в направлении побережья Балтийского моря и Ботнического залива, шведской и норвежской границ и Северного ледовитого океана». Строительство железных дорог в северной Финляндии и их стратегический потенциал беспокоили шведских аналитиков с 1880-х годов[49].

Военные атташе только представляли донесения, анализом и обобщением информации по конкретным странам занималось соответствующее подразделение иностранного отдела. Если до 1900 года, как правило, готовилась только одна работа, представлявшая собой «обзор русской армии за прошедший год»[50], то впоследствии количество аналитических материалов (*bearbetning*) в русском отделе резко выросло.

Составлено по: Åselius, G. Militärattachéerna i S:t Petersburg. En undersökning av det svenska underrättelseväsendets professionalisering 1885—1917 // Militärhistoriskt Tidskrift. 1990. Stockholm. 1991. S. 23.

Рис. 2. Количество аналитических материалов, составленных в русском отделе шведского Генерального штаба в 1887—1917 годах

Многие офицеры русского отдела изучали русский язык в России, получив специальную стипендию ГШ, переводили или составляли работы о российской армии — Эрик Сальвен написал книги «Русская тактика» (1906) и «Русская армия» (1913)[51]. Нильс Эдлунд, военный атташе на Русско-японской войне, который по свидетельству А.А. Игнатьева гордился «своим прекрасным знанием русского языка»[52], перевел лекции по Русско-японской войне Николаевской академии Генерального штаба и готовил другие материалы, в т. ч. обширные доклады по итогам Русско-японской войны[53].

Составлялись обзоры российской прессы — изучался «Русский инвалид», «Военный сборник» и газеты, выходившие в Финляндии на шведском языке[54]. В 1894 году военный атташе в Петербурге капитан Арбин обратил внимание на вышедшую книгу В.Н. Клембовского «Тайные разведки (военное шпионство)». Перевода на шведский не было до 1912 года, но в библиотеке шведского ГШ было немецкое издание[55].

Особое внимание в шведской академии ГШ уделялось изучению русского языка. Считалось, что будущий офицер ГШ должен владеть французским как дипломатическим языком международного общения и русским для «допроса пленных, понимания перехваченных вражеских бумаг и т. д.»[56]. Согласно данным секретного анкетирования военного министерства 1912 года, более 10 % всех шведских офицеров учили русский в той или иной степени, и многие — в России[57].

Официального канала академического обмена между Швецией и Россией не существовало. До 1913 года шведские офицеры часто приезжали в Россию, останавливались в русских семьях и брали уроки русского языка. Они должны были являться в шведскую миссию в Санкт-Петербурге, чтобы в случае необходимости «передавать адресованные в Швецию или российские адреса отправления, которые *миссия не хотела пересылать по почте*»[58]. Офицеры, получавшие стипендию ГШ на поездку, по возвращении подавали донесения, в которых освещали в том числе уровень боевой подготовки солдат, образовательный уровень офицеров, отношения между офицерами и солдатами[59].

Шведские офицеры даже получали разрешение на фотографирование в России. В 1907 году капитан Виктор Сальмен получил стипендию шведского ГШ для поездки в Россию и изучения русского языка[60], а 10/23 мая 1908 года шведский посланник в Санкт-Петербурге Брандстрем обратился в Департамент полиции с просьбой разрешить ему фотографировать во время предстоящего путешествия по России — решение было положительным[61].

Шведская разведывательная деятельность не ограничивалась анализом прессы и средствами военной дипломатии, велась также *агентурная (негласная) разведка*.

Во время кризиса в шведско-норвежских отношениях в 1905 году была создана временная структура: 24 ноября 1905 года был подготовлен секретный королевский указ о создании в Швеции тайной разведывательной службы, направленной против зарубежных государств. Современная шведская служба военной разведки предпочитает возводить свою историю именно к этой дате и временной структуре, осуществлявшей агентурную разведку, а не к образованию Иностранного отдела ГШ в 1908 году[62].

В 1906 году выстраивалась агентурная сеть в России. Лейтенант Г. Стольхане отправился на Аландские острова под прикрытием репортера газеты «Афтонбладет» (документы ему предоставил шеф-редактор газеты Г. Сульман, известный сторонник независимости Финляндии) и завербовал двух

местных жителей[63]. В Гельсингфорсе была организована разведывательная работа, которая осуществлялась финскими сепаратистами.

Рис. 3. Г. Стольхане. Из собрания портретов шведского Военного архива

В 1907 году было создано Разведывательное бюро (*Underrättelsebyrån, UB*. Далее — РБ), которое вело агентурную (негласную) разведку и финансировалось из специальных секретных средств. Инструкция о работе Разведывательного бюро сохранилась в фондах ГШ в шведском Военном архиве[64]. Формально бюро подчинялось начальнику иностранного отдела ГШ, но фактически было самостоятельной организацией. В его задачи входил сбор сведений по военно-стратегическим вопросам в зарубежных государствах при помощи агентов[65]. В 1906—1914 годах внимание шведской разведки было сфокусировано на Норвегии и России[66].

В 1907 году начальник финляндского жандармского управления направил секретное донесение в Департамент полиции: «Помощник мой по Або-Бьернеборгской губернии подполковник Провольский доносит следующие агентурные сведения: […] в г. Мариегамне некоторое время проживали, по-видимому, три шведа, из коих один говорил на т.н. гётеборгском наречии. Лица эти занимались тем, что переезжали с острова на остров на наемных моторных и рыбачьих лодках, фотографируя, по собственному объяснению, местные ландшафты для кинематографии. Местным рыбакам, наблюдавшим работы русских офицеров, производивших съемки местности на Аланде, и видевшим их приборы, такое объяснение представляется неправдоподобным. По их мнению, судя по приборам у шведов и их приемам работы, они занимались тем же делом, как и русские офицеры, причем более интересовались юго-восточною частью островов. Несколько недель тому назад шведы покинули гор. Мариегамн и отправились по направлению к г. Ганге. Выясняя путь дальнейшего следования 3 лиц на Аланде минувшим летом, занимавшихся якобы фотографированием местности в целях кинематографии, а также деятельность этих лиц, подполковником Провольским дознано, что недели три тому назад на острове Корно появились двое, по отзыву местного населения шведов, производивших аналогичные работы в Абоских шхерах; они также переезжали с острова на остров, нанимая для своих экскурсий рыбачьи лодки и имели, как передают рыбаки, морские карты»[67].

Ничего определенного об этом эпизоде выяснить не удалось, и было признано, что «сведения по вышеозначенному делу крайне неопределенны, известно лишь приблизительное время и место»[68]. Однако известно, что в 1907 году шведский капитан Графстрём также под видом репортера «Афтонбладет» посетил Аландские острова с разведывательными целями[69].

В 1908 году РБ завербовало новых информаторов на Аландах, сведения от которых продолжали поступать и во время Первой мировой войны. Затем наблюдение за ситуацией на Аландах было передано агентам в Або[70]. В 1908—1913 годах в задачи

агентов на Аландах входило наблюдение за русскими «подозрительными» замерами морских глубин, которые, впрочем, имели ограниченную военную ценность[71].

17/30 августа 1910 года российский поверенный в делах в Стокгольме направил в МИД секретную телеграмму: «Шведские военно-морские круги весьма заинтересованы предстоящими маневрами нашего флота. По имеющимся здесь конфиденциальным сведениям в Финляндские шхеры отправляются несколько офицеров для тайного присутствия на указанных маневрах»[72]. Министерство иностранных дел сообщило об этом 20 августа 1910 года Департаменту полиции[73]. Начальник Финляндского жандармского управления доносил Департаменту полиции 31 августа 1910 года: «…по агентурным сведениям в клубе "Друзей шведской образованности" в гор. Або, члены которого имеют большое значение в политической жизни Або-Бьернеборгской губернии, действительно было известно о командировке шведских офицеров на маневры нашего флота. На одном из собраний этого клуба член такового голландский вице-консул в гор. Або Густав Адольф Линдблум возбудил, между прочим, вопрос, обратятся ли они за содействием к членам такового и в этом случае должно ли быть им оказано таковое содействие. На этот вопрос последовало буквально следующее разъяснение, данное генеральным агентом Финляндского пароходного акционерного общества Оскаром Викестрёмом: «Нет, они едут простыми туристами». Из дальнейшего же разговора выяснилось, что такой образ действий их объяснялся тем, что в случае если кто-либо из них попадется с поличным, то чтобы не скомпрометировать кого-либо из местных жителей»[74].

«Доношу, что шведские офицеры, командированные для тайного присутствия на маневрах нашего флота, имели троякую задачу: выяснить применяемые способы действия из-под прикрытия шхер, действия подводных лодок в узких фарватерах вообще и наконец способы высадки десанта. Всего было командировано шесть офицеров, из коих четыре выполняли прямую свою миссию, а остальные якобы имели значение корреспондентов»[75].

Сохранились сведения о расходах на агентуру за 1911 год в Санкт-Петербурге и Копенгагене, которая собирала данные о железных дорогах в Финляндии[76].

3 августа 1914 года Швеция заявила о нейтралитете в Первой мировой войне, который на деле «изобиловал массой противоречий и нарушений» и был благожелательным к Германии[77].

Шведские офицеры ездили в 1913—1914 годах в северную Финляндию для картографирования местности, изучения железных дорог и станций, коммуникаций, конструкций мостов и возможных вариантов их подрыва[78].

Во время войны Стокгольм занимал ключевую позицию в телеграфном трафике — через него проходили шифрованные телеграммы российского МИДа из Санкт-Петербурга в российские зарубежные представительства[79]. Вскоре после начала войны шведский ГШ начал регулярно передавать копии шифрованных русских телеграмм немецким коллегам, которые в отличие от шведов могли их расшифровать. Немцы делились со шведами некоторыми сведениями из этих телеграмм. Фактически можно говорить о совместной шведско-германской разведывательной деятельности, т. е. о сотрудничестве Швеции с одной из воюющих держав[80].

В рамках этой работы из Стокгольма в Берлин был тайно отправлен один из офицеров шведского ГШ Йёста Фризелль. Согласно инструкции он должен был находиться в Берлине под вымышленным именем, не открывая цели сво-

его пребывания даже представителям шведской дипмиссии. Шведский ГШ передавал в германскую дипмиссию в Стокгольме в специально опечатанном конверте перехваченную информацию. Три раза в неделю с дипломатической почтой они отправлялись в Берлин, где их получал Фризелль. Затем он передавал их для дешифровки, после чего вновь дипломатической почтой пересылал отобранные дешифрованные телеграммы в Швецию в германскую миссию в Стокгольме»[81].

Рис. 4. Фризелль. Из собрания портретов шведского Военного архива

Фризелль регулярно ездил из Берлина в Стокгольм и обратно. В 1915 году ему были выданы документы на имя «господина Густава Фризена, германского дипломатического курьера», направлявшегося в Швецию с бумагами для германской миссии в Стокгольме, которого и шведская, и немецкая таможни должны были пропускать без досмотра[82]. Примечательно, что Фризелль был стипендиатом шведского ГШ в 1912—1913 годах и ездил в Россию для изучения русского языка.

С началом войны было прервано почтовое и телеграфное сообщение между Германией и странами Антанты, немецкое министерство иностранных дел потеряло один из основных каналов связи с миссией в Вашингтоне. Шведский МИД оказал помощь коллегам из Берлина — немецкие телеграммы шифровались шведским дипломатическим шифром, однако направлялись не напрямую в Вашингтон, а в шведские дипломатические представительства в Буэнос-Айресе и Мехико[83]. Телеграммы из Мексики и США также передавались в Германию с шведской помощью. Сообщения были перехвачены и раскрыты англичанами в 1917 году[84].

Это было известно российской контрразведке: «Неприятельская разведка в скандинавских странах осуществляется преимущественно средствами Германии. С самого начала настоящей войны Германский Большой Генеральный Штаб имеет возможность спокойно вести разведку и контрразведку в Швеции, благодаря тому, что симпатии шведов лежали всегда на стороне центральных держав и, в частности, Германии. И разведывательная деятельность немцев проходила не только незамеченной, но и получала всегда большую поддержку и со стороны полиции, и даже со стороны официальных представителей Шведского королевства. Так, если вспомнить передачу шведским консульством в Аргентине немецких шпионских шифрованных телеграмм, пересылку в дипломатической вализе разного рода шпионских донесений немецких агентов, то подобную помощь шведов мы видим на каждом шагу»[85].

Наиболее активное сотрудничество германской и шведской разведок в области перехвата и дешифровки телеграмм продолжалось по крайней мере с весны 1915 до весны 1917 года и было несовместимо с понятием о нейтралитете[86]. В 1918 году шведский ГШ получил от немецкого военного атташе в Стокгольме расшифрованный текст перехваченной телеграммы, сообщавшей об убийстве царской семьи[87]. Не известно, когда прекратилась пере-

дача российских телеграмм немцам, но шведы продолжали мониторинг российского телеграфного трафика и в 1918—1919 годах[88].

Сотрудничество осуществлялось и по линии агентурной разведки. Фактически существовала единая германо-шведская разведывательная организация в Финляндии[89].

В сентябре 1914 года пять представителей шведского РБ ездили в Финляндию, где уже действовало 14 агентов, чтобы передать им инструкции, шифры, деньги, симпатические чернила, специальную бумагу и завербовать новых агентов в Москве и Риге. Они посетили Гельсингфорс, Выборг и завербовали агента в Санкт-Петербурге[90].

Еще до начала Первой мировой войны финские сепаратисты поставляли сведения шведам. Они же сотрудничали одновременно и с германской разведкой во время войны. Многие важнейшие финские агенты были членами егерского движения: уже в 1915 году немцы начали тайно обучать националистически настроенную финскую молодежь в тренировочном лагере Локштедт под Гамбургом, где они были организованы в 7-й прусский егерский батальон[91]. Предполагалось, что они составят ядро в готовившемся финском восстании против российской власти. После прохождения обучения они направлялись в Финляндию через Швецию. В 1915 году в Стокгольме был создан комитет финских активистов, который щедро поддерживал немецкий ГШ[92].

Главной задачей комитета была «совместная работа с находившимися в Финляндии германскими разведывательными бюро по сбору военных сведений»[93]. Некоторые члены комитета — И. Альфтан, И. Снельман и И. Кастрен еще до войны сотрудничали со шведским ГШ[94].

Ионас Кастрен, один из руководителей партии младофиннов, высланный из Великого княжества за антироссийские выступления в 1914 году, вступил в контакт с немецким дипломатом, которому высказал мнение, что «самую большую угрозу для мирного развития Европы представляет Россия», поэтому нужно, чтобы «Балтийское море стало немецким», Прибалтийские провинции получили автономию, Финляндия стала самостоятельным княжеством во главе с одним из представителей династии Гогенцоллернов, а в Стокгольме предлагалось создать штаб для подготовки финского повстанческого движения[95].

В Финляндии функционировали три агентурных сети: Рутберга, Альфтана-Снельмана и Рамквиста. РБ снабжало их шифрами и деньгами. Информация о российских войсках передавались с помощью финских железнодорожных служащих, и на шведов, и на немцев работали мелкие землевладельцы, конторские служащие, бухгалтеры, хозяева трактиров[96]. В Гельсингфорсе РБ имело агента, которого снабжало деньгами и пособиями по подрывному делу[97]. Информация из России в Швецию передавалась курьерами, в случае срочности — шифрованными телеграммами на условные адреса РБ в Стокгольме, подобные сообщения агентов из Финляндии сохранились в фондах ГШ в шведском Военном архиве[98].

В сводке российской контрразведки Снельман упоминался в качестве сотрудника германского военно-разведывательного бюро в Стокгольме: «Снельман, в руках коего находится дело организации взрывов и террористических выступлений»[99]. И. Альфтан (впоследствии он стал первым главой финской военной разведки) действовал как посредник между главой шведского РБ капитаном Эдхольмом и двумя немецкими морскими офицерами, которые прибыли в Стокгольм для организации разведывательной деятельности немецкого морского штаба в Финляндии, сохранилась данная Альфтану шведами инструкция на этот счет[100].

Первые контакты Исака Альфтана со шведскими военными относятся к осени 1914 года. В 1916 году он ездил из Швеции в после прохождения обучения в немецком лагере для егерей. Весной и осенью 1917-го Альфтан продолжал тайно ездить на Аланды (якобы он даже в 1916 году предупредил «врагов России» о готовившемся Брусиловском прорыве). В 1917—1918 годах он организовал и возглавил первую финскую разведывательную службу. В 1924 году он был награжден рыцарским крестом шведского Ордена меча[101].

Третью сеть возглавлял завербованный в 1914 году шведским офицером ГШ инженер Рамквист, который работал в фирме «Лифты Грэхэма» (*Grahams hissar*) в Санкт-Петербурге. РБ положило 10 тысяч крон на счет фирмы в Стокгольме, которые переводились на счет филиала фирмы в Санкт-Петербурге и использовались для платы агентам. В 1915 году Рамквист приехал в Стокгольм, чтобы лично доложить в РБ о положении дел[102]. Во время Первой мировой войны активность шведской военной разведки существенно повысилась, в нее вкладывалось больше ресурсов, также ее отличало активное сотрудничество с Германией.

Таким образом, российское направление шведской разведки изначально было одним из приоритетных, а к началу Первой мировой войны стало основным. Это выразилось в создании специального русского отдела в ГШ; активном изучении шведскими офицерами русского языка; особого внимания к российской военной системе и русскому языку в рамках курса шведской академии ГШ; регулярных поездках шведских офицеров в Россию; ведении негласной разведки в России. С начала XX века происходило наращивание разведывательной активности на российском направлении, увеличение количества персонала и аналитических материалов. Формальное сохранение Швецией нейтралитета в Первой мировой войне не препятствовало ее тесному сотрудничеству с Германией в разведывательной сфере и активной деятельности на российском направлении.

Указанная тенденция сохраняет свою актуальность и в настоящее время: деятельность России продолжает восприниматься как одна из основных угроз национальной безопасности Швеции, что находит отражение в оценках службы военной разведки, целеполагании и направленности современного шведского военного строительства и его обосновании в официальных документах, речах должностных лиц и материалах СМИ. Учет данного фактора в деятельности органов военного управления может объективно способствовать повышению качества анализа и выводов при оценке военно-политической обстановки в Северной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Rapporter och memo Ryssland och Eurasien // https://www.foi.se/forskning/sakerhetspolitik/ryssland-och-eurasien/rapporter-och-memo-ryssland-och-eurasien.html (дата обращения: 14.03.2022).

[2] Обзоры предыдущего года, как правило, выходят в феврале-марте текущего. Årsöversikt 2018. Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten. S. 26, 54 // https://www.forsvarsmakten.se/siteassets/4-om-myndigheten/dokumentfiler/rapporter/must-arsoversikt-2018f.pdf; Årsöversikt 2019. Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten. S. 42, 62 // https://www.forsvarsmakten.se/siteassets/4-om-myndigheten/dokumentfiler/rapporter/must-arsoversikt-2019.pdf; Årsöversikt 2020. Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten. S. 14, 16, 28, 56–57, 59 // https://www.forsvarsmakten.se/siteassets/4-om-myndigheten/dokumentfiler/rapporter/must-arsoversikt-2020.pdf. Årsöversikt 2021. Militära underrättelse- och säkerhetstjänsten. S. 12–17 // https://www.forsvarsmakten.se/

siteassets/4-om-myndigheten/dokumentfiler/rapporter/musts-arsoversikt-2021-.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

[3] *Eriksson G.* Swedish Military Intelligence. Producing Knowledge. Edinburgh University Press, 2018. P. 148.

[4] В российской историографии деятельность шведской военной разведки лишь кратко упоминается в некоторых работах. См., например: Зверев В.О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906—1914 гг.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 116—117; Кирмель Н.С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914—1918 годов. М.: Кучково поле, 2018. С. 189—190; Пухов Р.Н. Служба разведки и безопасности вооруженных сил Швеции // Военная разведка. М.: Центр анализа стратегий и технологий. С. 297—315.

[5] *Алексеев М.А.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. Кн. I. С. 73.

[6] *Кревельд, Мартин ван.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2019. С. 148.

[7] *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 19; Кревельд Мартин ван. Трансформация войны. С. 147; Åselius G. Militärattachéerna i S:t Petersburg. En undersökning av det svenska underrättelseväsendets professionalisering 1885—1917 // Militärhistoriskt Tidskrift. 1990. Stockholm. 1991. S. 7; SOU 1999:37. Underrättelsetjänsten — en översyn. Stockholm, 1999. S. 63. Ulfving, L. Den svenska underrättelsetjänstens historia // Spegellabyrinten. Operativ-strategisk underrättelsetjänst. Något om teori, empiri och metod. Försvarshögskolan, Stockholm. 2004. S. 114.

[8] *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению. С. 19.

[9] *Алексеев М.А.* Военная разведка России... С. 5; Ulfving, Lars. Den svenska underrättelsetjänstens historia. S. 114.

[10] *Алексеев М.А.* Военная разведка России... С. 4—5.

[11] *Гриценко С.А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905—1916): дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 83, 239; Чернышева О.В. Шведы и русские: Образ соседа. М., 2004. С. 143; Åselius G. The “Russian Menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994.

[12] *Artéus G.* Hugo Raab och generalstabsidén // Hugo Raab / red. Gunnar Artéus. Stockholm: Försvarshögskolan, 2003. S. 53—55.

[13] Цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению. С. 192.

[14] *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». С. 57.

[15] *Корунова Е.В.* Взаимоотношения Швеции и Германии в первой трети XX века: общие истоки, разные пути // Северная Европа. Проблемы истории / отв. ред. О.В. Чернышева, А.А. Комаров. М.: Наука, 2015. Вып. 8. С. 116—117.

[16] *Burgman T.* Rysslandsbilden i Sverige: Från Ivan den förskräcklige till Vladimir Putin. Historiska Media, Lund. 2001. S. 40, 47.

[17] *Чернышева О.В.* Шведы и русские. С. 111.

[18] *Гриценко С.А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции. С. 70; Ropponen R. Die russische Gefahr. Helsinki, 1986. S. 10; Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней». С. 48.

[19] *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». С. 52.

[20] *Björlin G.* Vårt försvar mot norr. Stockholm, 1886; Douglas, L. Hur vi förlorade Norrland. Stockholm, 1889.

[21] *Hedin S.* Ett Varningsord. Stockholm, 1912.

[22] *Hedin S.* Försvarsstriden 1912—1914. Stockholm, 1951. S. 7—14.

[23] *Табаровская К.А.* «Слово Предостережения» в контексте российско-шведских отношений в 1912 году // Северная Европа. Проблемы истории / отв. ред. О.В. Чернышева. М., 2007. С. 124.

[24] *Ларина Я.И.* Зачем графу обряжаться в крестьянина? // Родина. 2020. № 7. С. 116—119.

[25] *Karlsson P.* En officer och gentleman? De ryska sågfilarna och spionanklagelserna // Bröd och salt: Svenska kulturkontakter med öst: en vänbok till Sven Gustavsson / [ed] Roger Gyllin, Ingvar Svanberg, Ingmar Söhrman, Uppsala: Uppsala universitet, 1998. S. 153; Чернышева О.В. Шведы и русские. С. 144—145.

[26] *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». С. 47—53.

[27] *Polvinen T.* Die finnischen Eisenbahnen in den militärischen und politischen Plänen Russlands vor dem Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1962. S. 267—270.

[28] *Ларина Я.И.* «Огромная армада кораблей, появившаяся… благодаря сверхчеловеческой силе царя Петра: Северная война 1700–1721 гг. и «российская угроза» в исторической политике Швеции XIX — начала XX века» // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 28—41.

[29] *Forssberg A.* Slaget vid Narva. Från samtida propaganda till sentida historiebruk // Minnet av Narva. Om troféer, propaganda och historiebruk / (Armémuseum Årsbok 2018) / ed. Klas Kronberg & Anna Maria Forssberg.: Nordic Academic Press, 2018. S. 131; *П. Эрикссон.* Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 13.

[30] *Torbacke J.* "Försvaret främst". Tre studier till belysning av borggårdskrisens problematik. Stockholm. 1983. S. 69; Эрикссон П. Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне. С. 13.

[31] К. Нарышкин — С. Сазонову. Стокгольм, 9/22 ноября 1910 г. № 35 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 124. Л. 138.

[32] *Ericson L.* Hugo Raab och värnplikten // Hugo Raab / red. Gunnar Artéus. Stockholm: Försvarshögskolan, 2003. S. 73, 77, 108.

[33] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 60.

[34] *Oredsson S.* Svensk rädsla — offentlig fruktan i Sverige under 1900-talets första hälft. Nordic Academic Press. 2001. S. 11, 14, 15.

[35] Ibid. S. 346.

[36] *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению. С. 95—96.

[37] *Табаровская К.А.* Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 183.

[38] Там же. С. 184.

[39] *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 19.

[40] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. Svensk hemlig militär underrättelsetjänst från unionstiden till det kalla kriget. Stockholm.: Tidens förlag, 1991. S. 41.

[41] *Artéus G.* Hugo Raab och generalstabsidén. S. 45—46, 53—55.

[42] Generalstaben 1873–1923. En minnesskrift. Stockholm, 1923. S. 66.

[43] Ibid. S. 70.

[44] *Agrell W.* Stockholm som spiocentral. Historiska Media. Falun, 2020. S. 17.

[45] Generalstaben 1873—1923. S. 85—86. В своем обзоре шведской армии российский военный агент в Швеции, Норвегии и Дании А.А. Игнатьев переводил название этого отдела как «разведывательное отделение», что верно отражает его функционал: Вооруженные силы Швеции (по данным на 1 янв. 1911 г.) / Сост. Ген. штаба подполк. гр. Игнатьев. СПб., 1911. С. 25. Однако представляется более целесообразным употреблять дословный перевод utrikesavdelning — «иностранный отдел», чтобы избежать его смешения с Разведывательным бюро (Underrättesebyrån, UB), которое занималось агентурной (негласной) разведкой, и о котором речь идет в настоящей статье.

[46] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 57.

[47] Generalstaben 1873—1923. S. 101—102.

[48] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 12, 15.

[49] Ibid. S. 25—26.

[50] Ibid. S. 24.

[51] Ibid. S. 58; *Salwén E.* Rysk taktik I-II. Stockholm, 1906. *Он же*. Den ryska armén. Stockholm, 1913.

[52] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 158.

[53] Rysk-japanska kriget: Föreläsningar vid Nikolajevakademin. Stockholm, 1906.

[54] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 59.

[55] Ibid. S. 117; *Клембовский В.Н.* Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1892. Шведский перевод: *V.N. Klembovsky*. Det militära spioneriet. Stockholm, 1912.

[56] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 12.

[57] Ibid. S. 15.

[58] Ibid. S. 40.

[59] *Rydström J.* Om militär professionalism i Sverige och Ryssland 1884–1914 // Militärhistorisk Tidskrift. 1992/1993. Stockholm.: Militärhistoriska avdelningen vid Kungl. Militärhögskolan, 1993. S. 82.

[60] *Åselius G.* Militärattachéerna i S:t Petersburg. S. 36.

[61] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 65. Д. 7. Ч. 110. 1908 г. Л. 1, 5.

[62] Underrättelse- och säkerhetstjänsten 100 år. Högkvarteret/Militära Underrättelse och Säkerhetstjänsten. Ekerö, 2005. S. 6.

[63] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 39—40.

[64] Ibid. S. 28; *Frick L. W., Rosander L.* Det vakande ögat. Historiska Media, 1999. S. 197; *Ulfving L.* Den svenska underrättelsetjänstens historia. S. 114.

[65] *Agrell W.* Stockholm som spiocentral. S. 19.

[66] *Ulfving L.* Den svenska underrättelsetjänstens historia. S. 114.

[67] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л. А. 1907 г. Л. 1—1 об.

[68] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л. А. 1907 г. Л. 9 об.

[69] *Ottosson, J.; Magnusson, L.* Hemliga makter. S. 40.

[70] Ibid. S. 40.

[71] Ibid. S. 41.

[72] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 124. Л. 248.

[73] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л. Ж. 1910 г. Л. 5.

[74] Там же. Л. 7.

[75] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л. Ж. 1910 г. Л. 8.

[76] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 43.

[77] *Корунова Е. В.* Взаимоотношения Швеции и Германии в первой трети XX века. С. 119.

[78] *Frick L. W., Rosander L.* Det vakande ögat. S. 212—213.

[79] *Beckman B., McKay C.G.* Swedish signal intelligence, 1900—1945. London, 2003. P. 48.

[80] *Agrell W.* Stockholm som spiocentral. S. 29.

[81] *Beckman B., McKay C.G.* Swedish signal intelligence. P. 48—49.

[82] Ibid.P. 51—52.

[83] *Agrell W.* Stockholm som spiocentral. S. 30.

[84] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 57.

[85] Сводка сведений о неприятельской разведывательной деятельности в Швеции и Норвегии по 1 сентября 1917 года // ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 23. Л. 1.

[86] *Agrell W.* Stockholm som spiocentral. S. 31.

[87] *Beckman B., McKay C.G.* Swedish signal intelligence. P. 56.

[88] Ibid. P. 60.

[89] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 48; Ulfving L. Den svenska underrättelsetjänstens historia. S. 115. Underrättelse- och säkerhetstjänsten 100 år. S. 15.

[90] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 45.

[91] *Agrell W*. Stockholm som spiocentral. S. 23.

[92] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 46.

[93] Ibid. S. 47.

[94] Ibid.

[95] *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». С. 303.

[96] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 48—49.

[97] Ibid. S. 50—51.

[98] Ibid. S. 50—51.

[99] Сводка сведений о неприятельской разведывательной деятельности в Швеции и Норвегии по 1 сентября 1917 года // ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 7. Д. 23. Л. 4.

[100] *Ottosson J., Magnusson L.* Hemliga makter. S. 47.

[101] Ibid. S. 53.

[102] Ibid. S. 54—55.

Политизация вооруженных сил Афганистана в условиях многопартийности и ее последствия

Подполковник В.Н. ПРЯМИЦЫН,
доктор исторических наук

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена противоборству фракций Народно-демократической партии Афганистана и его разрушительному влиянию на афганскую армию. Рассматриваются действия военно-политического руководства Афганистана, репрессии среди военнослужащих и их последствия.

ABSTRACT

The paper focuses on the confrontation between factions in Afghanistan's People's Democratic Party and its disastrous effect on the Afghan Army. It examines the activities of the military-political leadership of Afghanistan, reprisals among the servicemen and consequences thereof.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганистан, Народно-демократическая партия, Ограниченный контингент советских войск, Вооруженный конфликт в Афганистане 1979—1989 годов.

KEYWORDS

Afghanistan, People's Democratic Party, Limited Contingent of Soviet Forces, 1979—1989 Armed Conflict in Afghanistan.

ОДНИМ из ключевых аспектов, оказавших влияние на ход военных и политических процессов в Афганистане в период пребывания там Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), было противостояние фракций правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Оно принесло множество страданий афганскому народу, стало одной из причин развала афганской армии, во многом предопределило исход противостояния кабульского режима и вооруженной оппозиции.

Фракционная борьба велась не в зале парламента, а в министерствах, штабах, частях, на передовых позициях. Она выражалась не в манифестах и демонстрациях, а в массовых репрессиях и расстрелах. Борьба афганских лидеров за влияние в своей армии, а порой и против своей армии в разных контекстах нашла отражение во многих трудах по истории конфликта 1979—1989 годов. Однако она заслуживает особого рассмотрения. Это позволит лучше понять суть процессов, происходивших в Афганистане в конце XX века, даст ценные уроки для современного этапа и перспективы.

НДПА была образована в 1965 году. При неофициальной поддержке «старшего брата» в лице КПСС партия объединила прогрессивные силы Афганистана, включая значительное число военнослужащих[1]. С первых лет существования в ее составе выделились фракции «*Парчам*» (*знамя*) и «*Хальк*» (*народ*)[2]. В основе раскола лежали политические и теоретиче-

ские различия между фракциями, а также личные амбиции их руководителей Н.М. Тараки и Б. Кармаля[3]. Со временем фракции превратились, по сути, в две разные партии со своими руководящими органами и учетом членства. Признавая на словах единые цели и задачи НДПА, сторонники халькизма и парчамизма были непримиримы в борьбе друг с другом[4]. Каждая из фракций имела существенное влияние в армии. В апреле 1978 года активисты подпольной организации «Хальк», действовавшей в вооруженных силах, совершили государственный переворот. В стране был объявлен курс на глубокие политические, социальные и экономические преобразования. СССР, для которого революция стала некоторой неожиданностью, всемерно поддержал афганское начинание.

Постановлением политбюро ЦК НДПА любая фракционная деятельность была запрещена. В действительности же после революции внутрипартийная борьба обострилась. Теперь это было уже не противостояние нелегальных фракций, а борьба группировок в государственном руководстве. Из 18 тыс. членов 5 тыс. (почти треть) составляли военнослужащие[5]. Поэтому полем битвы «Хальк» и «Парчам» стала армия, влияние в которой означало реальную власть.

Все ключевые должности в государственном, партийном и военном аппаратах заняли представители фракции «Хальк». За этим последовала череда гонений и репрессий в отношении парчамовцев. Это обусловило атмосферу недоверия в воинских коллективах, отвлекало армию от защиты завоеваний революции, снижало ее боеспособность за счет политически ангажированных кадровых решений[6].

В марте 1979 года вспыхнул мятеж в гарнизоне Герат. Он был быстро подавлен, но стал первым тревожным сигналом обострения внутриполитической обстановки в стране, предвестником будущего кровопролития. Не дожидаясь очередного мятежа, 21 марта 1979 года новые власти раскрыли заговор в Джелалабадском гарнизоне, арестовав 230 заговорщиков. Многие военнослужащие, видя, что их коллег арестовывают, испытывали опасения и чувство неуверенности. Во избежание репрессий некоторые старшие офицеры предпочли «пересидеть» тревожные времена на нижестоящих тыловых должностях. В результате этого в командование дивизиями и корпусами по принципу фракционной принадлежности и лояльности новому руководству зачастую стали назначаться офицеры штатной категории «майор-подполковник», не обладавшие для решения соответствующих задач жизненным и служебным опытом.

События, происходящие в соседней стране, вызывали существенную озабоченность в ЦК КПСС. 19 марта 1979 года на совещании по Афганистану Л.И. Брежнев заявил: «Нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну. У них распадается армия, а мы должны будем вести за нее войну»[7] (фото 1). Дальнейшим развитием внутрипартийной борьбы и полной неожиданностью для СССР стало убийство руководителя государства Н.М. Тараки. В результате всю полноту власти сосредоточил в своих руках Х. Амин. Репрессии еще более ужесточились, приняв массовый характер. По разным оценкам, к осени 1979 года количество только убитых достигло 50 тыс. Многие халькисты и основная масса парчамистов вынуждены были скрываться, эмигрировать. Сам Х. Амин объяснял жестокость национальными особенностями: «У нас 10 тыс. феодалов. Мы уничтожим их, и вопрос решен. Афганцы признают только силу»[8].

Фото 1. Н.М. Тараки и Л.И. Брежнев.

На мировой арене НДПА была ассоциирована с КПСС, а потому репрессивная политика афганского руководства не только наносила очевидный вред интересам дела, но и компрометировала СССР в глазах мировой общественности. Представители СССР предпринимали попытки повлиять на ситуацию, проводя с Х. Амином встречи, беседы, вырабатывая рекомендации. Руководитель афганского государства заверял в приверженности этим рекомендациям, но на практике лишь усиливал репрессии. Так, советским наставникам стоило значительных усилий, чтобы сохранить жизнь некоторым военнослужащим — лидерам революции, не согласившимся с линией Х. Амина. Приговоренным к смертной казни А. Кадыру и М. Рафи расстрел был заменен длительными тюремными сроками.

Политическое руководство СССР вынуждено было констатировать, что завоевания Апрельской революции находятся под угрозой не столько из-за вооруженного противостояния с внутренней контрреволюцией и вмешательства извне, сколько из-за политических чисток, предпринятых Х. Амином. В документах ЦК КПСС сообщалось: «Амин и узкая группа, на которую он опирается, предприняли жесткое и предательское устранение лидера афганской революции т. Тараки, многих других видных деятелей, подвергли массовым репрессиям преданных идеалам революции и делу социалистического интернационализма сотни и тысячи коммунистов, в том числе парчамовцев и хальковцев»[9].

Наиболее тяжелые последствия подобная политика приобрела в армии, где в течение нескольких месяцев доля членов сторонников «Хальк» среди офицеров-партийцев была доведена до 90 %[10]. Генерал М.А. Гареев (с 1989 по 1990 год — главный военный советник президента Афганистана) охарактеризовал это положение так: «Бесконечные перестановки офицеров и репрессии после каждой смены власти привели к прогрессирующему развалу армии. В ряде случаев нарастало скрытое и открытое сопротивление»[11]. Многие военнослужащие, не дожидаясь своей участи и не соглашаясь с карательными методами Амина, перешли на сторону оппозиции. Своими действиями государство само отторгло таких людей, заставив сражаться против действующего режима.

К этому моменту под контролем оппозиции находилось уже 80 % территории страны, крупнейшие магистрали. В некоторых регионах Кабул контролировал менее 10 % площади.

Армия занимала гарнизоны, охраняя по сути лишь саму себя. Исследователи истории вооруженного конфликта в Афганистане А.А. Ляховский и В.М. Забродин полагали, что «к декабрю 1979 года ожесточенная борьба в руководстве Республики по вопросу об отношении к армии привела к окончательной дезорганизации Вооруженных сил Афганистана»[12].

Репрессии и чистки Х. Амина привели к тому, что укомплектованность афганской армии составляла 65 % от штатной численности. Наиболее остро стоял вопрос расстановки офицеров. Кадровые назначения стали осуществляться на основе личной преданности Х. Амину. К примеру, начальником Генерального штаба был назначен майор М. Якуб, который фанатично был предан Х. Амину. Едва ли назначение майора начальником Генерального штаба способствовало укреплению армии, ведущей боевые действия. Генерал В.А. Меримский (с 1979 по 1984 год — заместитель начальника Оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане) вспоминал, что советские кураторы пытались бороться с подобной практикой: «Я высказал им свои соображения о том, что такой подход не всегда достигает цели… Они выслушали наши рекомендации и вежливо ответили, что в принципе с нами согласны, но у них накопился определенный свой революционный опыт, которого они и придерживаются»[13].

Последствия этих катастрофических действий фактически сводили на нет любые усилия руководства СССР на афганском направлении (фото 2). Исчерпав средства воздействия на Х. Амина, в ЦК КПСС было принято решение о его отстранении, вводе советских войск в Афганистан и передаче власти в стране «здоровым силам» под руководством Б. Кармаля. 10 января 1980 года состоялся пленум ЦК НДПА, закрепивший переход власти в стране от «Хальк» к «Парчам».

В армии со сменой государственного руководства были связаны надежды на демократизацию и прекращение внутрипартийных распрей. Б. Кармаль заявил, что его отношение и к представителям обеих фракций будет одинаково беспристрастным. Однако на деле армию захлестнула новая волна внутрипартийной борьбы. В частности, с приходом к власти Б. Кармаля из тюрем были освобождены 15 тыс. человек, осужденных Х. Амином[14]. Вышедшие на свободу военнослужащие-парчамисты стали

Фото 2. Х. Амин и А.А. Громыко

восстанавливаться в утраченных когда-то должностях. Они представлялись к очередным воинским званиям и наградам, всемерно продвигались по служебной лестнице. Яркой демонстрацией этого является иррациональное назначение министром обороны освобожденного из тюрьмы офицера-парчамиста М. Рафи с присвоением воинского звания «генерал-майор». Будучи до этого подполковником, он имел служебный опыт командования лишь танковой бригадой.

В разгар ведения боевых действий с вооруженной оппозицией все военнослужащие подвергались проверке на предмет личного участия в революционных событиях. При выявлении фактов пособничества режиму Х. Амина или подозрении на такое пособничество военнослужащие-халькисты увольнялись из армии, некоторые были казнены. В ожидании неминуемых расправ они занимали выжидательную пассивную позицию, самоустраняясь от руководства подчиненными частями. Многие из них эмигрировали, дезертировали или перешли в лагерь оппозиции.

Военно-политическое руководство СССР оказалось перед необходимостью оказания воздействия уже на Б. Кармаля (фото 3). В частности, в противовес генеральному секретарю-парчамисту, под нажимом СССР министром обороны был назначен авторитетный и известный генерал — член НДПА от фракции «Хальк» А. Кадыр. Однако Б. Кармаль демонстрировал пренебрежительное отношение к нему. Наряду с полярными позициями халькистов и парчамистов А. Кадыр имел особое мнение по поводу деятельности партии в армии. Он с равной степенью пренебрежительности относился к обеим фракциям. Как профессиональный военный, А. Кадыр понимал губительность переноса внутрипартийных противоречий в армейскую среду.

Она, в частности, проявилась в ухудшении отношения афганских военнослужащих к советским советникам. Парчамисты обвиняли СССР в том, что он ранее поддержал приход к власти «Хальк» и потворствовал гонениям на «Парчам». Халькисты же проецировали на советников свою обиду на Советский Союз за предательство. Необходимость лавировать между интересами представителей обеих фракций в войсках существенно осложняла работу военных советников. Эта работа во многом влияла

Фото 3. Б. Кармаль и афганские военнослужащие

на способность частей и подразделений вести боевые действия[15].

Весь комплекс проблем обусловливал то, что боеспособность армии оставалась низкой. В 1983 году ее укомплектованность составляла 67 %, но более половины пехотных дивизий имели в своем составе лишь от 34 до 56 % личного состава[16]. Высокопоставленные советские представители в Афганистане готовили и представляли афганскому руководству предложения по укреплению армии, среди которых ключевым была приостановка парчамизации и борьбы с халькистами. Б. Кармаль с ними неизменно соглашался, но на практике мало что из предложенного реализовывалось. Причиной было недоверие Генерального секретаря НДПА к армии. Он опасался усиления армии, не без оснований считая, что в ней все еще сильны позиции халькистов. Б. Кармаль неоднократно выдвигал идею слома существующей военной организации и создания «армии нового типа», верной лично ему.

Советские кураторы не позволили Б. Кармалю провести в армии такие же зачистки, какие проводил Х. Амин. Тогда он сделал ставку на другие силовые структуры. В ущерб развитию армии, ресурсы, поставляемые СССР, были вложены в развитие министерств внутренних дел (МВД) и государственной безопасности (МГБ). В результате этого в стране появились три практически равновеликие силовые структуры, что распыляло военные возможности по противостоянию оппозиции. Кроме того, Б. Кармаль инициировал массовый прием граждан, в том числе и военнослужащих, в члены фракции «Парчам». С целью создать количественное превосходство над «Хальком» и объявить «Парчам» системообразующей, прием велся огульно, списками по 150—200 человек. Таким образом, в армии сужался круг нейтральных лиц, не вовлеченных в политическое противостояние[17].

Армия должна была бороться с вооруженной оппозицией, но была парализована решениями, принятыми из соображений фракционной борьбы. В стремлении охватить силовым контролем как можно бóльшую площадь страны, войска были рассредоточены мелкими гарнизонами по всей ее территории. Они охраняли представителей новой власти в уездных и провинциальных центрах. В руках правительства не осталось достаточных сил для ведения боевых действий. В пунктах постоянной дислокации дивизий находилось не более двух батальонов. Мелкие гарнизоны плохо снабжались положенными видами довольствия, испытывали нехватку боеприпасов, не имели связи друг с другом и с командованием. А главное — находились в информационном вакууме, не получая новостей о событиях в стране и подвергаясь пропаганде со стороны оппозиции.

Боевая обстановка требовала консолидации армии, сосредоточения всех ее сил на вооруженном отпоре противнику. Однако, по мнению генерала А.А. Ляховского (с 1987 по 1989 г. — заместитель начальника Оперативной группы Министерства обороны СССР в Афганистане), фракционные амбиции лидеров и раздробленность партии отбирали у страны и ее армии больше ресурсов, чем борьба с оппозицией. Подходы к решению вопросов реформирования армии основывались не на интересах государства и не на здравом смысле, а на интересах правящей фракции. Так, в 1986 году опытный генерал А. Кадыр был сменен на посту министра обороны парчамистом М. Рафи. Командиры частей и даже соединений менялись каждые 5—10 дней. Около 2,5 тыс. офицеров занимали должности сержантов. В то же время более 600 сержантов занимали должности офицеров[18].

Высокопоставленные советские представители Ф.А. Табеев, С.Л. Соколов, С.Ф. Ахромеев неоднократно встречались с Б. Кармалем, пытаясь убедить его в ошибочности выбранного пути развития армии, предлагали конкретные шаги и практическую помощь. Однако подходы афганского лидера к решению военных вопросов базировались на парчамовских интересах, характеризовались демагогией и бездействием. В таких условиях вывод советских войск из страны не представлялся возможным. В 1985—1986 годах ЦК КПСС организовал отстранение Б. Кармаля от занимаемых руководящих должностей и замену его бывшим руководителем МГБ генерал-лейтенантом М. Наджибуллой.

Одним из аргументов в пользу выбора именно этой фигуры, принадлежавшей изначально к фракции «Парчам», было то, что среди его сторонников были как парчамисты, так и халькисты. В отличие от Б. Кармаля М. Наджибулла руководствовался рекомендациями советских советников по вопросам военного строительства. При нем началась интенсивная работа по укреплению армии. В частности, был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности», были сформированы новые части «коммандос», развернуты новые соединения и объединения, созданы курсы для подготовки младших офицеров, повсеместно проводилось обустройство войск. Афганские войска, разбросанные по мелким гарнизонам, стали концентрироваться в боеспособные соединения. Функции армии были четко разграничены с функциями МВД и МГБ[19].

Эти меры принесли некоторые плоды и значительно повысили боеспособность афганской армии. Однако внутрипартийная борьба, обострившаяся на фоне вывода советских войск, не оставляла шансов на победу над оппозицией. В условиях неопределенности конкретные военачальники на местах часто занимали выжидательную позицию, не проявляли активности и настойчивости, избегали столкновений с мятежниками. Готовя почву для возможного будущего перехода в стан оппозиции, некоторые военнослужащие пытались заслужить их доверие, предоставляя конфиденциальную информацию. В 1987 году ежемесячно из армии дезертировало от 2 до 3 тыс. военнослужащих[20].

По мнению советского военного руководства, президенту М. Наджибулле не удалось избежать ошибок предшественников. В о - п е р в ы х, истерзанная фракционной борьбой армия нуждалась в деполитизации. Вместо этого на Конференции по национальному примирению, прошедшей 18—20 октября 1987 года, было с гордостью объявлено о количественном росте партийной прослойки в армии.

В о - в т о р ы х, пока наставники из СССР осаждали М. Наджибуллу в вопросах сведения межфракционных счетов, он реализовал свои амбиции на ниве этнического противостояния. Президент-пуштун с новой силой продолжил политику пуштунизации государственного аппарата и руководства силовых ведомств, негативно встреченную представителями национальных меньшинств[21].

В - т р е т ь и х, М. Наджибулла не доверял армии. Понимая, что без нее не победить контрреволюцию, он опасался ее чрезмерного усиления. Часть ресурсов, так необходимых для укрепления армии, он нацелил на создание в структуре МГБ Гвардии особого назначения, подчиняющейся лично президенту. В 1988 году в армии проходили службу около 130 тыс. человек (при численности Сухопутных войск в 51 тыс.). При этом в МВД служили 100 тыс. человек, а в МГБ — 80 тыс.[22] Таким образом, и без того небольшие людские ресурсы были по-прежнему распылены между тремя равновели-

кими силовыми структурами, относящимися друг к другу с недоверием.

Советские представители за время пребывания в Афганистане нивелировали фракционные противоречия. Значительную роль в этом процессе сыграл генерал В.И. Варенников, пользовавшийся существенным влиянием на М. Наджибуллу (фото 4). Одной из мер, направленных на поддержание баланса и паритета между фракциями, стало назначение в 1988 году министром обороны при президенте-парчамисте члена фракции «Хальк» генерал-полковника Ш.Н. Таная.

Фото 4. М. Наджибулла и В.И. Варенников

В докладах представителей министерств иностранных дел, обороны, внутренних дел и КГБ СССР, направлявшихся в Москву в преддверии вывода советских войск, указывалось: «Наступает рубеж, когда афганцы должны сами выяснять и решать свои проблемы теми способами, которые наилучшим способом отвечают их историческим традициям. Формы выяснения отношений будут различными, где-то связанными с вооруженной борьбой, а где-то с переговорами… Но это будет именно афганское решение афганских проблем»[23].

Советские войска покинули Афганистан, оставив вместо 2 тыс. военных советников незначительное количество специалистов под руководством генерала М.А. Гареева. 22 июня 1989 года М. Наджибулла выступил на совещании руководящего состава афганской армии. Значительная часть его выступления была посвящена политическим аспектам новой Военной доктрины. Президент вынужден был признать, что на пути революционных преобразований было допущено значительное количество негативных явлений и ошибок. Дистанцируясь от них и подчеркивая, что они остались в прошлом, он заявил: «Наша партия осудила и отвергла допущенные ошибки и извращения»[24].

В отсутствие советских войск, наставников и кураторов фракционная борьба в стране и армии обострилась с новой силой. Летом 1989 года, не доверяя министру обороны Ш.Н. Танаю и министру внутренних дел С.М. Гулябзою, М. Наджибулла вывел войска из столицы, возложив ее оборону на преданную ему Гвардию особого назначения. Снова произошло разобщение силовых ведомств. Под Джелалабадом, вместо эффективного отпора осаждающим отрядам оппозиции, участки обороны удерживались раздробленными подразделениями армии, МВД и МГБ, никак не взаимодействовавшими друг с другом. Это затрудняло управление боевыми действиями, снижало эффективность снабжения и применения войск, использования оружия[25].

Генерал М.А. Гареев предпринимал энергичные меры по организации вооруженного сопротивления противнику. Но, находясь в осажденном Кабуле, вместо обороны столицы президент М. Наджибулла предпочел укреплять свои политические позиции, ослабляя влияние халькистов. В августе 1989 года спецслужбы раскрыли заговор, планируемый высокопоставленными армейскими чинами в целях свержения правящей власти. Последовала череда арестов —

в тюрьмах оказались сотни офицеров и несколько генералов, в том числе из окружения министра обороны Ш.Н. Таная. Это вызвало ожидаемое недовольство генерал-полковника.

5 марта 1990 года над арестованными халькистами начался судебный процесс. На следующий день министр обороны предпринял попытку переворота, которая потерпела неудачу, но нанесла армии существенный ущерб (погибли 136 человек, свыше 350 были ранены, 41 единица боевой техники уничтожена)[26]. Министр внутренних дел генерал-майор М.А. Ватанджар сохранил лояльность президенту, за что был назначен министром обороны с присвоением звания «генерал армии».

На момент вывода советских войск армия Афганистана представляла собой реальную боевую силу и при ином внутриполитическом положении могла бы успешно противостоять вооруженной оппозиции. Однако взаимное недоверие со стороны М. Наджибулы и Ш.Н. Таная свели на нет многолетние усилия СССР по развитию афганской армии. Ее окончательной деградации способствовали репрессии, начатые президентом в отношении военнослужащих, имевших отношение к мятежу.

Зима 1991 года ознаменовалась первыми существенными победами оппозиции — был взят Герат. Армия уже не проводила наступательных действий. А удержание 50 тыс. мятежников у стен Кабула с трудом осуществлялось ракетными, авиационными и артиллерийскими ударами. Несмотря на это, оппозиция все не могла взять столицу и крупнейшие центры страны. Дело в том, что «афганское решение афганских проблем» было свойственно не только правительству, но и его противникам. Стычки между бандформированиями различной политической ориентации отмечались на протяжении всех девяти лет, но в 1989 году приобрели всеобъемлющий характер. В донесениях советского посольства в Москву сообщалось: «Все более обостряются разногласия между вооруженными формированиями различных партий оппозиции, действующими на территории Республики Афганистан. Это обусловливается стремлением главарей контрреволюционных формирований установить свое господство…»[27].

Неужели бескомпромиссную борьбу за лидерство вплоть до физического уничтожения политических и военных оппонентов можно отнести к национальным особенностям афганцев? Генерал А.И. Лебедь, участвовавший в конфликте в Афганистане, а спустя годы оказавшийся на передовой политической борьбы, отвечал на этот вопрос так: «Хороший и мужественный народ афганцы. Суровое у них воспитание, уходящее корнями и в уклад жизни, и в религию. И вот там у них прочно заложено: начальник должен быть силен и свиреп, тогда — это начальник». Наблюдения «шурави» находят подтверждение в словах самого М. Наджибуллы. Поясняя М.А. Гарееву природу своей вспыльчивости и жесткости, он сказал: «Афганская армия имеет свои хорошие и плохие традиции, и последние сразу не изживешь. Афганец — он другого языка не понимает».

Однако жесткость и жестокость не исключают рациональность и дальновидность. Даже в самый решающий момент противостояния, когда определялась судьба столицы, лидеры по обе стороны фронта гражданской войны оказались не готовы объединить усилия и отказаться от личных амбиций. Генерал М.А. Гареев настойчиво рекомендовал в интересах удержания столицы объединить ресурсы трех силовых ведомств под руководством Ставки, назначив министра обороны заместителем Верховного главнокомандующего. Одна-

ко фракционные противоречия не позволили М. Наджибулле пойти на такой шаг. По одну сторону баррикад схватку друг с другом вели министры, генералы и офицеры «Хальк» и «Парчам». По противоположную — друг друга истребляли вооруженные отряды крупнейших оппозиционных партий под командованием Б. Раббани, Г. Хекматияра, А.Ш. Масуда.

Все перечисленные были афганцами. Афганистан окончательно превратился в поле боя всех против всех. Суть происходящего точно подметил А.Ш. Масуд: «Даже в условиях присутствия русских наши враги “Хальк” и “Парчам” не смогли объединиться… Армия Кабула — это не армия. От наступлений она перешла к оборонительным действиям. Но в то время как наш противник начал терпеть крах, мы сами, к сожалению, не смогли избежать этой болезни»[28].

В обстановке агонии режима М. Наджибуллы 20 июня 1991 года в Кабул вернулся Б. Кармаль. Началась не скрываемая подготовка парчамистов к смещению президента. В качестве меры противодействия М. Наджибулла стремился лишить оппонентов поддержки в войсках. Он снял с должностей и уволил из армии 20 генералов и старших офицеров-парчамистов, симпатизировавших Б. Кармалю, начал политические чистки в аппарате министра обороны, в гарнизонах Джелалабад, Файзабад, Кандагар. За шесть месяцев 1991 года из афганской армии дезертировали более 30 тыс. человек. 1 января 1992 года СССР прекратил военные поставки Кабулу. Правящий режим исчерпал возможности для вооруженного сопротивления, что предопределило его капитуляцию.

Было бы существенным упрощением списать произошедшее на национальные особенности афганцев и морально-деловые качества отдельных лидеров НДПА. Революцию афганцы устроили сами, как самостоятельно пришел к власти и Х. Амин. Однако все последующие смены лидеров проводились решениями Москвы и влияние СССР на процессы, происходящие в Афганистане, было колоссальным. Ряд исследователей прямо указывает на просчеты советских кураторов: «Кто-то в советском руководстве сначала принял решение о расколе в правящей НДПА, разрешив удаление парчамистов из партии власти, затем санкционировал раскол халькистов, затем уничтожил проаминовское крыло халькистов… Получилось, что сначала объявили врагами революции тех, кто ее сделал, затем тех, кто их сверг, и в итоге посадили на трон кармалистов — “предателей революции”»[29].

Подводя итог рассмотрению вопроса влияния фракционного противостояния НДПА на афганскую армию, следует отметить, что именно в нем большинство исследователей истории конфликта в Афганистане видели корень проблем и неудач военного строительства, хода и исхода вооруженного противостояния. Можно сделать следующие выводы:

1. Фракционная борьба оказала существенное негативное влияние на внутреннюю политику страны. Однако в условиях напряженной борьбы с внутренней контрреволюцией и военного давления извне, наиболее разрушительные последствия отмечались в области обороны.

2. Во фракционном противостоянии афганская армия одновременно стала и разменной монетой, и основным инструментом сведения политических счетов, и главной пострадавшей.

3. Внутрипартийное противостояние НДПА непосредственно и косвенно оказывало на армию Афганистана комплексное негативное воздействие. При существующих исходных ресурсах, всемерной политической, экономической и военной

поддержке со стороны СССР армия могла успешно противостоять вооруженной оппозиции. Размежевание и непримиримость позиций фракций «Хальк» и «Парчам» не позволили использовать эти возможности.

4. По мнению военно-политического руководства СССР, каждый из афганских лидеров вел истребительную политику по отношению к политическим оппонентам, зачастую ставя интересы этой борьбы выше интересов государства, народа и армии, не сообразуясь с окружающими реалиями, не задумываясь о разрушительных последствиях.

5. Внутрипартийное противостояние НДПА, ставшее трагедией для афганского народа и его армии, было признано «ошибкой и извращением». Наряду с другими условиями и факторами, оно обусловило моральное и военное поражение кабульского режима, создало предпосылки для перехода гражданской войны в новую затяжную фазу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Богданов В.А.* Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 18.

[2] Документы советского руководства о положении в Афганистане. 1979—1980 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 91.

[3] *Меримский В.А.* Война в Афганистане: записки участника // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 76.

[4] *Гай Д., Снегирев В.* Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 11.

[5] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991. С. 17.

[6] *Меримский В.А.* Война в Афганистане: записки участника. С. 79, 83.

[7] *Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. М.: Вагриус. 1999. С. 85.

[8] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. С. 42.

[9] Секретные документы из особых папок: Афганистан // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 6.

[10] *Богданов В.А.* Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 69.

[11] *Гареев М.А.* Афганская страда. М.: ИНСАН. РФК, 1999. С. 27.

[12] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. С. 46.

[13] *Меримский В.А.* Загадки афганской войны. М.: Вече, 2006. С. 41.

[14] *Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. С. 209.

[15] *Христофоров В.С.* Афганистан. Правящая партия и армия (1978—1989). М.: Граница, 2009. С. 68.

[16] *Меримский В.А.* Война в Афганистане: записки участника. С. 112.

[17] Там же. С. 97, 108.

[18] *Меримский В.А.* Война в Афганистане: записки участника. С. 112.

[19] *Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. С. 381, 409.

[20] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. С. 119, 156.

[21] *Пластун В.Н., Андрианов В.В.* Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М., 1998. С. 149.

[22] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. С. 166.

[23] Там же. С. 122.

[24] *Наджибулла.* Основы Военной доктрины республики Афганистан на современном этапе // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 37.

[25] *Ляховский А.А.* Пламя Афганистана. С. 518.

[26] *Гареев М.А.* Афганская страда. М.: ИНСАН, РФК, 1999. С. 126.

[27] *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. С. 137.

[28] Там же. С. 154, 155.

[29] *Пластун В.Н., Андрианов В.В.* Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М., 1998. С. 15.

К 100-летию со дня рождения Г.Ю. Степанова

СТЕПАНОВ Георгий Юрьевич (01.08.1922—15.10.2005). Выдающийся ученый, патриарх российской научной школы по гидрогазодинамике и теории танковых двигателей. Доктор физико-математических наук (1957), профессор (1960), Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1973), член-корреспондент с 1977 года, полковник в отставке. С 1940 года служил в Красной Армии. В 1946 году с золотой медалью окончил Военную академию механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина. Как отличника его оставили в Академии, направив в адъюнктуру заниматься научной работой. С 1949 по 1972 год в Центральном институте авиационного машиностроения проводил исследования в области гидродинамической теории лопаточных машин-турбин и компрессоров. С 1965 года — начальник кафедры механики, в 1977—1983 годах — начальник кафедры двигателей Военной академии бронетанковых войск (ВА БТВ) имени Р.Я. Малиновского, преподавал, занимался научной работой по развитию общей теории двигателей (поршневых, газотурбинных, ракетных и комбинированных). Параллельно с 1965 года вел научную деятельность в Институте проблем механики РАН и на механико-математическом факультете МГУ в области турбулентных отрывных течений. Его научные работы в области газотурбинных двигателей в 1947—1957 годах наряду с работами других ученых способствовали в дальнейшем созданию первого в мире танкового газотурбинного двигателя, установленного в танке Т-80, который выпускался серийно с 1976 года. Был избран в Национальный комитет СССР по теоретической и прикладной механике РАН и в Научный совет по механике жидкостей и газов (1988). Автор более 200 научных работ. Будучи начальником кафедры механики, а затем кафедры двигателей ВА БТВ, ставшей впоследствии Общевойсковой академией Вооруженных Сил РФ, Г.Ю. Степанов существенно усовершенствовал методику изложения курса теоретической механики в технических вузах, опубликовал ряд монографий, оригинальных учебных пособий, способствовал укреплению связи кафедры с научно-исследовательскими организациями Министерства обороны и предприятиями промышленности.

С 1996 по 1999 год Г.Ю. Степанов руководил основанной его отцом научной школой «Исследование проблем создания и совершенствования силовых установок вооружения и военной техники Сухопутных войск» по реализации гранта Президента Российской Федерации. Научный коллектив представлял первую в нашей стране научную школу по танковым двигателям. С 1998 по 2005 год сотрудник Научно-исследовательского института двигателей (НИИД), проводил научные консультации и совместные работы по профилю танкового двигателестроения, механики и других направлений.

В период проводимых в обществе реформ полковник в отставке Георгий Юрьевич Степанов до 2003 года продолжал активно трудиться на кафедре двигателей Общевойсковой академии Российской Федерации, сотрудничал с Институтом механики МГУ и ОАО «НИИД». Убедительным примером преданности долгу стала его жизнь в науке — офицера, ученого, Человека с большой буквы. Вклад профессора Георгия Юрьевича Степанова в развитие отечественной науки и техники в области двигателей, совершенствование их конструкций, теории и методов расчета, подготовку инженерных и научных кадров невозможно переоценить. Огромное ему за это спасибо от учеников и коллег!

Коллектив ветеранов кафедры двигателей
Военной академии бронетанковых войск им. Р.Я. Малиновского

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАРУДНИЦКИЙ Владимир Борисович, генерал-полковник, начальник Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Vladimir ZARUDNITSKY, colonel general, chief of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

ГОЛУБЕВ Александр Юрьевич, полковник запаса, кандидат философских наук (Москва) / Alexander Yu. GOLUBEV, colonel (res.), Cand. Sc. (Philos.) (Moscow).
Телефон / Phone: 8-903-184-17-05.

ЖЕЛНОВ Илья Игоревич, капитан 1 ранга запаса, кандидат военных наук (Москва) / Ilya ZHELNOV, captain 1st rank (res.), Cand. Sc. (Mil.) (Moscow).

СИЗОВ Василий Юрьевич, подполковник (Москва) / Vasily Yu. SIZOV, lieutenant colonel (Moscow).

СУХОРУТЧЕНКО Вадим Васильевич, полковник в отставке, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат премий Академии военных наук имени А.В. Суворова и А.А. Свечина, член президиума Академии военных наук, генеральный директор ЗАО «Научно-исследовательский институт проблем управления, информатизации и моделирования» (Москва) / Vadim SUKHORUTCHENKO, colonel (ret.), D. Sc. (Tech.), professor, Merited Scientist of the Russian Federation, winner of the Marshal Georgy Zhukov RF State Award, winner of the Lenin Komsomol Award, winner of the Alexander V. Suvorov and Alexander A. Svechin Academy of Military Sciences Award, member of the Presidium of the Academy of Military Sciences, Director General of the Research Institute of Management, Informatization and Modeling (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (495) 945-72-85.

БОРИСЕНКО Андрей Станиславович, полковник в отставке, кандидат технических наук, лауреат премии Академии военных наук имени А.В. Суворова, начальник отдела ЗАО «Научно-исследовательский институт проблем управления, информатизации и моделирования» (Москва) / Andrei BORISENKO, colonel (ret.), Cand. Sc. (Tech.), winner of the Alexander Suvorov Academy of Military Sciences Award, head of section at the Research Institute of Management, Informatization and Modeling (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (495) 945-70-85.

ШЛОТОВ Евгений Александрович, полковник, кандидат технических наук, заместитель начальника управления — начальник отдела 27 ЦНИИ МО РФ (Москва) / Yevgeny SHLOTOV, colonel, Cand. Sc. (Tech.), deputy chief of directorate, head of section at RF MoD Central Research Institute 27 (Moscow).
Телефон / Phone: 8 (495) 945-72-26.

ЕРЁМИН Глеб Владимирович, генерал-лейтенант, кандидат военных наук, начальник Военной академии ВПВО ВС РФ (г. Смоленск) / Gleb YEREMIN, lieutenant general, Cand. Sc. (Mil.), chief of the RF AF Military Academy of Field Air Defense (city of Smolensk).

ЧЁРНЫЙ Сергей Николаевич, полковник, кандидат технических наук, начальник научно-исследовательского центра Военной академии ВПВО ВС РФ (г. Смоленск) / Sergei CHERNY, colonel, Cand. Sc. (Tech.), chief of research center, the RF AF Military Academy of Field Air Defense (city of Smolensk).
Телефон / Phone: 8 (4812) 41-55-77.
E-mail: vavpvo-na@mil.ru .

НОГИН Роман Олегович, генерал-майор, кандидат военных наук, заместитель начальника Военной академия РВСН им. Петра Великого по учебной и научной работе (Московская область, г. Балашиха) / Roman NOGIN, major general, Cand. Sc. (Mil.), deputy chief for teaching and research at the Peter the Great Military Academy of Strategic Missile Forces (Moscow Region, city of Balashikha).
Телефон / Phone: 8 (495) 524-07-01.
E-mail: varvsn@mil.ru

ЖМУРИН Сергей Александрович, генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, начальник кафедры Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Sergei ZHMURIN, major general, D. Sc. (Mil.), professor, full member of the Academy of Military Sciences, head of department at the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).
E-mail: Zhmurin.s.a@yandex.ru

КРИНИЦКИЙ Юрий Владимирович, полковник в отставке, кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент АВН, почетный работник высшего профессионального образования, старший научный сотрудник НИЦ (ПВО-ПРО) Военной академии ВКО (Тверь) / Yuri KRINITSKY, colonel (ret.), Cand. Sc. (Mil.), professor, corresponding member of the Academy of Military Sciences, Merited Higher Vocational Education Worker, senior researcher of the AD and AMD Research Center at the Military Academy of Aerospace Defense (city of Tver).
Телефон / Phone: 8-919-058-26-01.
E-mail: kriniza@rambler.ru

БОЖЕДОМОВ Борис Александрович, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, старший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва), ветеран боевых действий / Boris BOZHEDOMOV, colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.), associate professor, corresponding member of the Academy of Military Sciences, senior researcher at the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow), combat actions veteran.

ЛЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич, подполковник, адъюнкт Военной академии ГШ ВС РФ (Москва), ветеран боевых действий / Taras LEVCHENKO, lieutenant colonel, postgraduate at the RF AF General Staff Military Academy (Moscow), combat actions veteran.

E-mail: taras.levchenko.79@mail.ru

ТОПОРОВ Андрей Викторович, генерал-лейтенант, доктор экономических наук, начальник Военной академии МТО (Санкт-Петербург) / Andrei TOPOROV, lieutenant general, D. Sc. (Econ.), chief of the Military Academy of Logistics (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8 (812) 328-54-92.

БЫЧКОВ Антон Вячеславович, полковник, кандидат военных наук, доцент, начальник НИИ (военно-системных исследований МТО ВС РФ) Военной академии МТО (Санкт-Петербург) / Anton BYCHKOV, colonel, Cand. Sc. (Mil.), associate professor, head of the Military Logistics System Research Institute of the RF Military Academy of Logistics (St. Petersburg).

E-mail: anton-bychkov@mail.ru

МУРМАНСКИХ Илья Викторович, полковник запаса, старший научный сотрудник НИИ (военно-системных исследований МТО ВС РФ) Военной академии МТО (Санкт-Петербург) / Ilya MURMANSKIKH, colonel (res.), senior researcher at the Military Logistics System Research Institute of the RF Military Academy of Logistical Support (St. Petersburg).

E-mail: ytlenvo@mail.ru

КОНДАУРОВ Роман Юрьевич, полковник, доктор военных наук, профессор Военной академии РХБЗ (г. Кострома) / Roman KONDAUROV, colonel, D. Sc. (Mil.), professor of the Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection (city of Kostroma).

E-mail: rxbz1234@yandex.ru

ГАНГАН Д.А. подполковник, кандидат военных наук, преподаватель Военной академии РХБЗ (г. Кострома) / D.A. GANGAN, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Mil.), lecturer of the Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection (city of Kostroma).

ХАРЧЕНКО Владислав Евгеньевич, генерал-майор, кандидат военных наук, заместитель начальника Военной академии связи по учебной и научной работе (Санкт-Петербург) / Vladislav KHARCHENKO, major general, Cand. Sc. (Mil.), deputy chief for teaching and research of the Military Academy of Communications (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8 (812) 247-93-66.

КАЛУЦКИЙ Роман Петрович, подполковник, заместитель начальника кафедры Военной академии связи (Санкт-Петербург) / Roman KALUTSKY, deputy head of department at the Military Academy of Communications, lieutenant colonel (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8 (812) 247-94-44.

КОЗЛОВ Вячеслав Владимирович, доктор технических наук, профессор, профессор Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова (г. Севастополь) / Vyacheslav KOZLOV, D. Sc. (Tech.), professor, professor of the Black Sea P.S. Nakhimov Higher Naval School (city of Sevastopol).

E-mail: kozlovkav@inbox.ru

МУХИН Михаил Юрьевич, адъюнкт Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова (г. Севастополь) / Mikhail MUKHIN, postgraduate at the P.S. Nakhimov Black Sea Higher Naval School (city of Sevastopol).

E-mail: mk-mukhin@mail.ru.

ЛОСИН Андрей Александрович, подполковник, кандидат технических наук, Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург) / Andrei LOSIN, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Tech.), The Grand Duke Michael Military Academy of Artillery (St. Petersburg).

E-mail: losinaa77@yandex.ru

ИЧЕТОВКИН Владислав Витальевич, полковник, преподаватель Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Vladislav ICHETOVKIN, colonel, lecturer of the RF AF General Staff Military Academy (St. Petersburg).

ЕЛЬЦОВ Дмитрий Светозарович, майор в отставке, доцент кафедры Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург) / Dmitry YELTSOV, major (ret.), assistant professor of department at the Grand Duke Michael Military Academy of Artillery (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-921-939 56 13.

E-mail: eds1710@yandex.ru

БУКАЕВ Андрей Вячеславович, подполковник, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург) / Andrei BUKAYEV, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Tech.), assistant professor, assistant professor of department at the Grand Duke Michael Military Academy of Artillery (St. Petersburg).

Телефон: 8 (812) 578-80-47.

E-mail: moy2110@yandex.ru

ПУТИН Александр Викторович, полковник в отставке, доцент кафедры Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург) / Alexander PUTIN, colonel (ret.), assistant professor of department at the Grand Duke Michael Military Academy of Artillery (St. Petersburg).

Телефон / Phone: 8-981-974 30 22.

E-mail: avputin @yandex.ru

ЛЕБЕДЕВ Кирилл Николаевич, полковник, кандидат педагогических наук, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко / Kirill LEBEDEV, colonel, Cand. Sc. (Educ.), General of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar Higher Military School.

КУБЯКИН Евгений Олегович, подполковник МВД в отставке, доктор социологических наук, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко / Yevgeny KUBYAKIN, Interior Ministry lieutenant colonel (ret.), D. Sc. (Sociology), General of the Army S.M. Shtemenko Krasnodar Higher Military School

ИВАНОВ Павел Владимирович, капитан, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко / Pavel IVANOV, captain, General of the Army S.M. Shtemenko Krasnodar Higher Military School.

E-mail: ivanov23341@mail.ru

ЛАРИНА Яна Игоревна кандидат исторических наук научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва) / Yana LARINA, Cand. Sc. (Hist.), researcher at the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 9-926-267-62-06.

E-mail: jana.larina@gmail.com

ПРЯМИЦЫН Владимир Николаевич, подполковник, доктор исторических наук, заместитель начальника отдела управления НИИ (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ (Москва) / Vladimir PRYAMITSYN, lieutenant colonel, D. Sc. (Hist.), deputy chief of directorate section at the Military History Research Institute of the RF AF General Staff Military Academy (Moscow).

Телефон / Phone: 8 (499) 147-45-65.

E-mail: priamitzynvn@mail.ru

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

Главный редактор С.В. Родиков.
В подготовке номера принимали участие:
М.В. Васильев, А.Ю. Голубев, В.Н. Каранкевич,
А.Ю. Крупский, А.Г. Цымбалов, Ю.А. Чирков, А.И. Яценко,
Л.В. Зубарева, Е.Я. Крюкова, Г.Ю. Лысенко,
Л.Г. Позднякова, Н.В. Филиппова, О.Н. Чупшева.
Компьютерная верстка: И.И. Болинайц, Е.О. Никифорова.

Сдано в набор 22.05.2022 Подписано к печати 17.06.2022
Формат 70×108 1/16 Бумага офсетная 10 п.л.
Печать офсетная Тираж 1618 экз. Заказ 2916-2022

Журнал издается ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8(495)941-23-80, e-mail: ricmorf@yandex.ru
Отдел рекламы — 8(495)941-28-46, e-mail: reklama@kornet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
Адрес: 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38.
Тел: 8(499)762-63-02.
Отдел распространения периодической печати — 8(495)941-39-52.
Цена: «Свободная».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

30 ИЮЛЯ полковнику в отставке, заслуженному работнику культуры Российской Федерации, сотруднику редакции журнала «Военная Мысль» Владимиру Владимировичу Юдину исполняется 75 лет.

Владимир Владимирович родился в г. Калинине (ныне Тверь) в семье военнослужащего-артиллериста, участника Советско-финляндской и Великой Отечественной войн. В 1965 году окончил школу в г. Клину Московской области и поступил в Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище, по окончании которого (1970) проходил службу в Туркестанском военном округе на командно-инженерных должностях в зенитном ракетном дивизионе, полку и в объединении ПВО. В 1978 году поступил и в 1980 году с отличием окончил факультет руководящего инженерного состава Военной инженерной радиотехнической академии. Службу продолжил в Киевском и Московском военных округах.

С 1986 года служба, а затем и работа (после увольнения в запас по достижении предельного возраста в 1997 году) Владимира Владимировича непосредственно связаны с органами военной печати. Сначала — старший научный сотрудник редакции Информационного сборника Войск ПВО страны, далее — начальник редакции. В 1992 году полковник В.В. Юдин назначен на должность редактора редакции журнала «Военная Мысль» Генерального штаба ВС РФ.

В составе редакции журнала «Военная Мысль» Владимир Владимирович трудится вот уже более 30 лет. Здесь он в полной мере освоил и развил навыки научного, творческого редактирования на основе диалектико-системного подхода, активного взаимодействия с авторами статей. В этом ему способствуют собственный многолетний опыт научных изысканий и разработки статей, постоянная нацеленность на вскрытие сущности стоящих проблем и поиск эффективных путей их решения.

Всем этим движет воспитанные с детских лет патриотизм и любовь к Родине, Отечеству, ответственность за порученное дело и стремление к повышению вклада журнала в развитие теории военного искусства, строительства и применения Вооруженных Сил Российской Федерации.

Редакция и редакционная коллегия журнала «Военная Мысль» поздравляют В.В. Юдина с замечательной датой и желают ему крепкого здоровья, семейного благополучия, долгих лет жизни и успехов в труде на благо нашей Родины!

Внимание!
Полная и сокращенная версии журнала размещаются на официальном сайте редакции — http://vm.ric.mil.ru; научные материалы — на сайте Научной электронной библиотеки — http://www.elibrary.ru; e-mail: ric_vm_4@mil.ru
Подписку на журнал на 2-е полугодие 2022 года можно оформить по каталогу АО «Почта России» по индексу П5907 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя; Объединенному каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39891 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39891 для подписчиков всех регионов; интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru, www.akc.ru, www.pressa-rf.ru; заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

ISSN 0236-2058 Военная Мысль. 2022. № 7. 1—160